

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового
Красного Знамени государственный университет
имени А.А.Жданова

На правах рукописи

УДК 943(-21) "15" (043.3)

РАТНИЦЕ Валда Леовна

РОЛЬ ГОРОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МЕКЛЕНБУРГА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

07.00.03 - всеобщая история

Д и с с е р т а ц и я

на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:

доктор искусствоведения,
профессор

НЕМИЛОВ Александр
Николаевич

Ленинград - 1987

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Введение	4
Глава I. Обзор источников и литературы по данной теме	II
§ I. Характеристика источников	II
§ 2. Состояние изученности проблемы	2I
Глава II. Социально-экономические отношения в Мекленбурге в первой половине XVI века	48
§ I. Аграрная ситуация и социальные процессы в условиях нарастания экономической и политической власти знати	50
§ 2. Городское хозяйство, социальный состав жителей, система управления и политический статус города	67
Глава III. Роль городов, в особенности Росток и Висмара, в выработке предпосылок и распространении раннеабсолютистских элементов княжеской государственной власти	89
§ I. Процесс консолидации территории и укрепление позиций княжества и его ганзейских городов на международной арене	90
§ 2. Укрепление позиции княжеской власти с помощью создания централь-	

стр.

ных государственных учреждений и реорганизация административного управления	III
§ 3. Мероприятия по реорганизации финан- совой системы и проведении самос- тоятельной княжеской экономической политики	I23
§ 4. Борьба за судебную самостоятель- ность территориального государства . .	
Выводы	I46
Приложения	I55
Источники и литература	I56
I. Труды классиков марксизма-ленинизма	I56
II. Источники	I57
III. Литература	I60
Сокращения	I8I

В В Е Д Е Н И Е

Предмет данного исследования — история развития политической системы Мекленбурга в первой половине XVI века. Эта эпоха в большинстве стран Западной Европы характеризуется зарождением раннекапиталистических элементов в производстве, формированием единого внутреннего рынка и консолидацией национальных государств. Это сопровождалось реорганизацией внутривнутриполитического государственного управления. Своеобразный переломный период своего развития в это время пережили и немецкие территориальные княжества, где происходили некоторые изменения в структуре их политического управления, в развитии княжеской государственной власти, что во многих случаях можно расценить как проявление раннеабсолютистских тенденций.

Исследование закономерностей зарождения и развития качественно новых форм политического управления в территориальных государствах Германии в переходный период от феодализма к капитализму вписывается в круг чрезвычайно актуальных в современной средневековедческой проблем. В настоящее время в исследовании форм раннего капитализма в Западной Европе важнейшее место занимает мало привлекавшие ранее внимания проблемы начального этапа складывания абсолютистских форм правления, так называемого "территориального (или княжеского) абсолютизма", имевшего специфическое распространение в германских и итальянских землях. Без изучения процесса формирования предпосылок и начальной стадии развития княжеского абсолютизма в Германии, представ-

лищей собой особый интерес для исследователей как арена "буржуазной революции № I", не могут быть правильно поняты многие особенности стадильно региональных типов абсолютизма. Большой научный интерес при изучении проблем политического развития государства в условиях зарождения раннеабсолютистских тенденций представляет собой в этом процессе роль городов, которые отличались передовым экономическим развитием и наиболее ранним возникновением в нем элементов капиталистического производства.

Настоятельная потребность изучения поставленной темы определяется сложившейся историографической ситуацией. Экономически наиболее развитые в XVI веке территории Германии, в особенности те, что были непосредственно вовлечены в события Крестьянской Войны и связаны с началом Реформации, довольно хорошо изучены и в плане их политического развития. В то же время княжества Северной Германии, в том числе Мекленбург, не игравшие передовой роли в хозяйственном развитии и являвшиеся периферией "буржуазной революции № I" — основного события первой половины XVII века, не рассматривались ни в советской, ни буржуазной исторической литературе, с точки зрения складывания новых форм в организации своего политического управления и особой роли городского сословия в этом процессе.

Между тем источниковый материал позволяет пересмотреть сложившиеся в историографии представления о Мекленбурге первой половины XVII века как о территории, не испытавшей качественных сдвигов в организации государственного управления, связанных с исторически обусловленной тенденцией к внедрению раннеабсолютистских элементов. Одновременно этот материал дает возмож-

ность отказаться от представлений о мекленбургских городах как об общности лишь территориальной, внутриполитическими интересами не связанной и не обладавшей поэтому достаточной силой для оказания реального влияния на развитие территориального государства.

Мекленбург расположен на южном побережье Балтийского моря. Он занимает богатое озерами Мекленбургское озерное плато (число озер достигает 800, самые большие из которых Мюриц, Шверинер-Зе, Плауер-Зе). Морской берег представляет собой ровную низменность, в то время когда внутриземельные территории отличаются сильно расчлененным рельефом с моренными оврагами. Сосновые и буковые леса большие площади занимает лишь на юго-востоке территории. Повсеместно встречаются болота и торфяники. Почвы, рельеф и климат Мекленбурга особенно пригодны для земледелия. В северной части внутренние районы с морем связывает река Варнов, впадающая в Мекленбургский залив. Варнов судоходна до городка Битцов и издавна играет значительную роль в торговых связях Мекленбурга с другими территориями.

Во времена Великого переселения народов территория Мекленбурга была заселена племенами полабских славян. В XII веке на втором этапе восточной экспансии Мекленбург был завоеван немецкими феодалами, которым следовали крестьяне-колонисты. В 1167 г. на территории Мекленбурга (кроме графства Шверин) было создано княжество вассально зависимое от саксонского герцога. В нем правила славянская племенная аристократия в союзе с немецкими феодалами. Тогда и во время принятия христианства были созданы шверинский и рацебургский епископаты. В XIII веке

к территории княжества путем династического брака была присоединена земля Штаргард, а в XIV веке куплено графство Шверин. В 1348 г. князьям Мекленбурга был присвоен статус имперских герцогов, что означало приобретение ими права участвовать на рейхстагах и обязанность платить имперские налоги с подвластной территории.

В конце XV — начале XVI веков Мекленбург был территориально целостным. Из него выпадали лишь шверинский и рацебургский епископаты и некоторые местечки вдоль южной границы (сданные в аренду в середине XV века), продолжавшие оставаться зонами влияния посторонних властей.

Мекленбург в конце XV века был сословно — представительной монархией. В его политической жизни определяющую роль играли три сословия: рыцарство, духовенство и города. С конца XV века стали созываться сословно-представительные собрания — ландтаги. Участвовать на ландтагах имели право: рыцарство — полностью, из духовенства — 10 наиболее важных лиц (епископы, главы соборных капитулов), из городов — бургомистры двух ганзейских городов (2 из Ростка, 2 из Висмара) и некоторых наиболее важных мелких городков. Князья в своей политике полностью зависели от интересов сословного представительства.

В конце XV века, во время правления Магнуса III (1477—1503) в Мекленбурге началась реорганизация системы управления, что послужило началом и основой дальнейших преобразований в ходе первой половины XVI века. Тогда и наметились основные направления отношений княжеской власти и городов. В силу вышесказанного период конца XV — начала XVI веков выступает как началь-

ный рубеж качественно нового этапа в истории развития княжеской власти в Мекленбурге. Княжеская власть в Мекленбурге наследовалась по законам патримониального права и с помощью соглашений разделялась между сыновьями предыдущего правителя. В результате у власти в княжестве нередко находились одновременно несколько правителей, часто преследовавших различные политические цели. В первой половине XVI века князья Генрих V (1503–1552) и Иоганн Альбрехт I (1547–1576) продолжили курс на территориальную консолидацию, упрочнение международного положения княжества и проведение прогрессивных преобразований в его управлении. Одновременно наблюдались противоположные тенденции в политике их братьев Альбрехта VII (1503–1547) и Ульриха (1555–1603). Они преследовали цель полного разделения между правителями территории княжества, что грозило его экономическим раздроблением и противоречило жизненным интересам земских сословий, концентрировавших в своих руках основной экономический потенциал территориального государства.

Возможные последствия несогласованной политики разных представителей правящего дома были пресечены единым выступлением сословий в защиту единства территории и заключением Унии сословий в 1523 г. Она обозначила поворотный пункт в процессе складывания соотношения сил между княжеской властью и сословиями, повлекший за собой определенные последствия в организации управления княжества. Эти последствия нашли отражение в форме государственного закона в очередном соглашении об управлении между князьями Мекленбурга, принятым в середине XVI века. Вис-

марский договор 1555 г. и Рупшинский манифест 1556 г. поставили развитие княжества под контроль земских сословий, среди которых к этому времени как сильнейшее определилось дворянство. Одновременно заключенное в 1555 г. Аугсбургское соглашение положило прочную основу территориальному обособлению немецких княжеств. Следовательно, середина XVI века для Мекленбурга — определенный рубеж в процессе соперничества княжеской власти с земскими сословиями, обозначивший на данном этапе победу сословий. Вышесказанным определяются хронологические рамки нашего исследования. Они включают период борьбы за упрочнение высшей княжеской государственной власти в соперничестве с сословиями, претендовавшими на участие в решении вопросов государственного управления: соотношение сил в пользу сословий определило исход этой борьбы.

Необходимость более адекватно, чем это принято в историографии, оценить характер реорганизации государственного управления в Мекленбурге в первой половине XVI века на фоне ее сравнения с раннеабсолютистскими преобразованиями в передовых немецких княжествах, и выявить роль городского сословия в этом процессе и определяет цель исследования. Она заключается в изучении сущности основных направлений развития княжеской политики в ее тесной взаимосвязанности с политическими действиями городского сословия. При этом выдвигаются следующие задачи:

- показать особенности социально-экономического развития Мекленбурга в первой половине XVI века;
- дать характеристику преобразований в системе управления, проведенных князьями;

- выявить направления и способы воздействия городов на складывание княжеской государственной политики;

- оценить характер политического развития мекленбургского территориального государства в первой половине XVI века и роль в нем городского сословия.

Методологической и теоретической основой исследования проблемы послужили труды классиков марксизма-ленинизма. В первую очередь, учение о взаимосвязанности надстроечных явлений и экономической основы помогло оценить сущность политического развития княжества и конкретное место городов в социально-экономической и политической системе территориального государства. Определение природы политических процессов в Мекленбурге опирается на разработанный основоположниками марксизма характеристику абсолютной монархии в период ее возникновения и выявленные ими основные закономерности развития Германии в XVI веке.

Разработка данной темы может содействовать пониманию проблемы развития политической организации территориального государства в условиях зарождения раннеабсолютистских элементов в княжеской государственной власти, а так же, естественно, внести вклад в изучение политической истории Мекленбурга в первой половине XVI века.

Глава I. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДАННОЙ ТЕМЕ

Взаимоотношения княжеских властей с городами в первой половине XVI века представляют собой целый комплекс проблем, нашедших отражение буквально во всех сторонах социально-экономической и политической жизни как северогерманского региона в целом, так и Мекленбурга в частности. Вследствие этого интересующий нас круг вопросов достаточно обеспечен источниками разных типов, а также широко отражен в исторической литературе.

Отбор материала произведен в соответствии с задачей исследования с целью сконцентрировать внимание на: 1) социально-экономической системе и политическом развитии Мекленбурга как среде и фоне отношений городов с князьями, что определяет цели, возможности и результаты воздействия городского сословия на направленность княжеской политики; 2) взаимоотношениях городов и княжеской власти.

§ I. Характеристика источников

Среди источников, содержащих информацию по избранной теме, — государственные и городские законодательные акты, документы мекленбургских ландтагов, документы собраний ганзейских городов, переписка городов с князьями, налоговые списки и другие.

В настоящей работе использована совокупность источников, характеризующих непосредственно область соприкосновения городской и княжеской политики. Кроме того, использованы некоторые

материалы, содержащие сведения уточняющие социально-экономическую картину Мекленбурга в важном для данного исследования ракурсе и не привлеченные ранее другими авторами.

Неопубликованные источники

Из использованных в данном исследовании источников, относящихся к группе неопубликованных, особый интерес представляет собой совокупность материала, имеющая самое непосредственное отношение к сфере взаимоотношений городов с князьями. Это документы мекленбургских сословно-представительных собраний — ландтагов и переписка ганзейского города Росток с князьями. И те и другие отличаются тематической компактностью и хронологической размещенностью по всему рассматриваемому периоду.

В настоящей работе привлечены документы мекленбургских ландтагов, хранящиеся в Ростокском городском архиве (в оригинале) /III/ и в Шверинском государственном архиве (в копиях конца XVIII в.) /II/. Сам ход переговоров на ландтаге в письменном виде не фиксировался и т.н. "протоколы" или "акты" его не отражают, они представляют собой совокупность документов, имеющих непосредственное отношение к содержанию переговоров сословного представительства с князьями, которых можно подразделить на несколько групп: 1) приглашения от имени князей на ландтаг, дающие в большинстве случаев представление о предмете переговоров, поскольку они обычно были сформулированы в тексте приглашения; 2) послания одного города другим или обращения городского сословия к другому сословию, отражающие или точку зре-

ния сторон по вопросам, имеющим отношение к проблемам, обсуждаемым на ландтаге, или же отражающим взаимоотношения сословий с территориальными правителями; 3) переписка городов с князьями по вопросам касающимся выполнения решений ландтагов (чаще всего это споры с ганзейскими городами о внесении ими сумм налогов в княжескую казну; 4) инструкции для посланников городских советов относительно позиции, которую те должны занять на переговорах при обсуждении предполагаемых вопросов (точнее их содержание посланникам сословий заранее не было известно); 5) важнейшие (с точки зрения составителя фонда документов — современника событий) государственные акты, сыгравшие существенную роль в дальнейшем развитии отношений сословий с князьями (например, Уния сословий 1523 г.). Таким образом, документы ландтагов являются не протоколами переговоров, а поясняющими материалами к обсуждаемым на них вопросам. Тем не менее они достаточно полно освещают как содержание переговоров и точку зрения сторон, так и позволяют обращать внимание исследователя на периоды обострения ситуации — определенные этапы активного решения взаимоотношений сословий с княжескими властями, вокруг которых сконцентрирована основная масса документов. Кроме того материалы ландтагов позволяют судить о политическом статусе спорящих сторон. Это вытекает из приведенной ими аргументации своей точки зрения. В то же время, содержащееся в данных документах изложение фактов в известной мере тенденциозно и односторонне, так как совокупность документов собрана представителями ростокского городского совета с целью отразить место и роль ведущего мекленбургского города в отношениях сословий

с князьями. С другой стороны позиция Росток в большой мере рассматривается как квинсестенция точки зрения всего городского сословия, поскольку не только мелкие города стремились поддерживать крупнейший ганзейский город княжества, но и Висмар старался согласовать свою политику с ним. Вышесказанное позволяет утверждать, что использование ростокского собрания документов ландтагов в значительной мере компенсирует отсутствие недоступных автору материалов сословно-представительных собраний из хранилищ городских архивов Висмара и Гюстрова.

Копии, хранящиеся в Шверинском государственном архиве, являются не только дубликатом собрания Ростокского городского архива, но и его дополнением, так как они включают множество документов, оригиналы которых до наших дней не сохранились.

Среди привлеченных в данном исследовании неопубликованных источников важное место занимает переписка Росток с князьями /1/. Ее содержание служит для расширения понимания состояния отношений городов с территориальными правителями. Эта группа документов Шверинского государственного архива включает в себя материалы сходные по характеру с частью материалов ландтагов. Но они по тем или иным причинам не попали в число документов ландтагов. Вполне возможно, что они остались в стороне из-за того, что меньше касаются самой важной для городов проблемы — налогообложения и в основном посвящены судебному разбирательству, внешнеполитическим и административным вопросам.

Для настоящего исследования выше упомянутые неопубликованные источники представляют особо важное значение, так как другими авторами они или использованы фрагментарно (материалы

ландтагов), или вовсе не привлечены (переписка Ростока с князьями). Небольшая часть ландтагских документов опубликована (см. ниже).

Опубликованные источники

Опубликованные источники, характеризующие место городов в политической системе мекленбургского княжества и их взаимоотношения с княжескими властями, можно подразделить на несколько основных групп: 1) протоколы собраний ганзейских городов; 2) государственные акты мекленбургского княжества; 3) документы ландтагов; 4) жалобы городских советов князьям; 5) городские законы.

Протоколы собраний ганзейских городов — т.н. ганзейские рецессы, представляют собой самую многочисленную и компактную (как в тематическом, так и в хронологическом плане) группу из использованных в настоящей работе опубликованных источников /VII, VIII, IX, X, XI, XII/. Ганзейские рецессы, несмотря на их исключительно широкое использование разными авторами при освещении ганзейской истории, практически не привлекались в качестве источников при изучении взаимоотношений городов с князьями. В некоторых работах материалы ганзейских собраний использованы как иллюстративный материал для характеристики политики ганзейских городов в пределах княжества наряду с другими источниками. Однако рецессы Ганзы никогда не рассматривались как последовательный, внутренне взаимосвязанный и целостный материал, отражающий (правда, в основном в контексте с внеш-

неполитическими проблемами) политическую линию Ростка и Висмара на протяжении почти всей первой половины XVI века. Если обратиться к рецессам Ганзы как к массовому источнику при изучении отношений городов с княжескими властями, то они позволяют судить не только о внешнеполитической линии мекленбургских ганзейских городов и особенностях занимаемой ими позиции в отношении с Ганзой с одной стороны и с земскими правителями — с другой. Рецессы Ганзы также отражают тесную взаимосвязь внешнеполитического курса городов и их места во внутренней расстановке сил в пределах княжества на данный момент. Ганзейские рецессы представляют собой особо ценный материал при раскрытии выше упомянутых проблем и в том отношении, что позволяют проследить развитие противоречий мекленбургских городов с князьями на фоне общего наступления партикулярных властей на права ганзейских городов. Рецессы в связи с этим дают возможность рассматривать политические процессы в Мекленбурге как составную часть общего развития северогерманского региона и оценить с помощью сопоставления особенности положения мекленбургских ганзейских городов. В то же время при решении задач, поставленных перед данным исследованием, собрание ганзейских рецессов дает в большой мере одностороннюю информацию: 1) проблемы городов, не принадлежащих к Ганзе, находят в них лишь случайное и очень редкое отражение. Это вытекает из целей, которые преследовали составители при подготовке многотомного издания ганзейских рецессов, а также, видимо, из объективно обусловленной незначительной роли мелких городов в решении кардинальных задач ганзейской политики; 2) ганзейские рецессы охватывают период

лишь до 1537 г.

Своеобразную группу источников представляют собой государственные акты Мекленбурга. Среди них важнейшие договоры о принципах управления, заключенные между представителями правящего дома, общегосударственные законы первой половины XVI века и сопровождающие их материалы, некоторые указы, изданные князьями. При изучении развития форм управления государственные акты особо значимы, так как исходят прямо из княжеской канцелярии и непосредственно характеризуют внутриполитическую линию территориальных правителей. Договоры о принципах управления ("Ergovertäge") /У А, В, С, Д) не только дают представление о структуре управления в условиях разделения государственных доходов между князьями, но и отражают место и роль сословного представительства в государственном механизме, а также показывают некоторые аспекты зависимости Мекленбурга от соседних территориальных государств. Используемые в данной работе договоры отражают развитие принципов управления Мекленбурга на протяжении всей первой половины XVI века (с 1504—1556 гг.), что позволяет раскрыть основные закономерности этого развития. Тем не менее, отсутствия опубликованного текста Нойбранденбургского соглашения 1520 г. (возобновленного в 1524 г.) и необходимость ознакомиться с ним через пересказ содержания в литературе осложняют последовательный анализ государственных актов. В некоторой степени период 1520—1524 гг., характеризующийся борьбой Генриха У и земских сословий против раздробления княжества, помогает осветить Уния сословий 1523 г. /У/, которая по значимости в развитии государства стоит в одном ряду с го-

сударственными актами. Несмотря на то, что Уния сословий была составлена не в государственном учреждении княжества, а на сословно-представительном собрании, в последующие десятилетия она играла роль государственного закона и в значительной мере определяла направленность политического развития Мекленбурга. Особый интерес среди государственных законодательных актов представляет общегосударственный закон ("Polizeiordnung") 1516 г. /XVI/, дающий разностороннее представление об управлении, цеховом строе, отношениях с сальской округой и судебной системе мелких городов Мекленбурга, но прежде всего — о заинтересованности князей в укреплении экономического организма городов территориального государства и целенаправленном стимулировании их развития. Закон был переиздан в 1542 г. с незначительными поправками в соответствии с изменениями в имперском финансовом законодательстве /VII/. То обстоятельство, что закон 1542 г. практически не отличается от образца 1516 г., позволяет нам использовать текст "Polizeiordnung" как единственный такого рода закон первой половины XVI века. Текст закона 1516 г. издан П. Гротом совместно с документами, отражающими путь его приготовления /VI/. Помимо информации о городском строе Мекленбурга, который содержит эти документы, в них находят частичное отражение результаты централизации управления княжества. Об этом свидетельствует как сама необходимость составления такого рода закона, так и то обстоятельство, что Иоганн Монник, собиравший материалы для закона, являлся княжеским должностным лицом, и что текст закона был составлен государственным канцлером Каспаром Шенейхом. В тексте закона проявляются и элемен-

ты раннеабсолютистской идеологии (отражающиеся в формулировках текстов вступления к закону, параграфов о городском управлении и мандата для публикации /VI G, J, N, S, s. 177, 179-277, 307-308/. К группе источников, отражающих процесс приготовления закона 1516 г., относятся и жалобы мелких городов /VI A, B, C, D, s. 162-169/. Они особенно интересны для исследователя тем, что их составители выделяли те или иные стороны жизни, объективно показывая, наиболее важное для мелких городов в их экономическом развитии, а также в конфликтах с феодалами и духовенством и в отношениях с княжеской властью.

Среди опубликованных источников имеются и документы ландтагов, изданные Карлом Гегелем как приложение к его работе об истории сословного представительства в Мекленбурге /XIII/. Материалы ландтагов для публикации отобраны в соответствии с задачами исследования Гегеля и ни в коем случае не являются публикацией всей совокупности этого рода источников. Эти материалы охватывают лишь количественно незначительную часть документов ландтагов. Ценность публикации Гегеля состоит в том, что она донесла до нас ряд документов, не сохранившихся в фондах архивов.

Особого рода источники — законы города Висмара, т.н. "Wismarpraken" /XVIII/, дающие полное представление об экономической и социальной жизни города. В настоящей работе эта группа источников могла быть использована лишь косвенно — для сравнения некоторых показателей экономики города с предыдущим и последующим периодами, так как от первой половины XVI века "Wismarpraken" не сохранились.

Кроме выше рассмотренных групп источников в работе привлечены отдельные источники, не использованные ранее в подобном ракурсе другими авторами и дающие уточняющие сведения о некоторых сторонах жизни Мекленбурга в изучаемом периоде /XIV, XV, XVI/.

В целом источники, служащие раскрытию избранной темы, не являются массовыми (за исключением документов ландтагов и ганзейских рецессов) и хронологически распределяются неравномерно в рамках рассматриваемого периода. Следовательно, эти источники не поддаются статистическому анализу и обработке с помощью математических методов. В то же время эти источники составляют достаточно широкий базис для выявления основных закономерностей процесса воздействия городов на политическое развитие Мекленбурга. Отсутствие корпусов публикаций источников по истории Мекленбурга в первой половине XVI века (за исключением аграрной истории), в значительной мере объясняется малым интересом к территориальной истории Мекленбурга в целом и в первой половине XVI века — в частности, в современной исторической литературе.

§ 2. Состояние изученности проблемы

В историографии нет специальных исследований, посвященных непосредственно взаимоотношениям территориальных князей Мекленбурга с городами и роли городов в политическом развитии княжества в первой половине XVI века. В то же время с данной проблемой в той или иной мере соприкасаются работы, изучающие характер государственного управления в переходный период от феодализма к капитализму, место города в политической системе немецких княжеств, социально-экономическую и политическую историю территориального государства Северной Германии (в частности Мекленбурга).

Вопрос о развитии княжеской власти и ее отношениях с сословиями в Мекленбурге первой половины XVI века является составной частью круга проблем, связанных с изучением характера политического управления в периоде, когда в обществе происходит разложение феодальных и возникновение капиталистических отношений. Основанный на изучении социально-экономических процессов, анализ характерных особенностей государственного управления позднего феодализма впервые дан в работах основоположников марксизма. К. Марксом и Ф. Энгельсом были раскрыты закономерности возникновения абсолютной монархии в условиях, когда буржуазия стала достаточно сильной, чтобы противопоставлять свои интересы интересам феодалов и государственная власть была вынуждена поддерживать равновесие между враждующими силами с целью сохранения феодального строя (Маркс К. Революционная Испания, с. 431;¹

¹ Здесь и ниже см.: с. 156.

Энгельс Ф. Добавление к предисловию 1870 г. к "Крестьянской войне в Германии", с.495; Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств, с.412). Однако сущность абсолютной монархии необходимо рассматривать с диалектической точки зрения: "... ее абсолютный характер нужно понимать не в вульгарном смысле; она развивалась в постоянной борьбе то с сословным представительством, то с мятежными феодалами и городами; сословия нигде не были ею упразднены; то есть, ее следует обозначить скорее как сословную монархию (все еще феодальную, но разлагающуюся феодальную и в зародке буржуазную)" (Энгельс Ф. К "Крестьянской войне", с.417).

При характеристике абсолютной монархии К.Маркс и Ф.Энгельс опирались главным образом на исторический опыт таких государств как Франция и Англия, где абсолютизм образовался в своей классической форме и был силой содействующей национальному объединению. Одновременно ими было указано на особенное положение Германии в XV-XVII веках, где несмотря на экономический подъем, усиливалась политическая децентрализация и изолированность отдельных областей. Экономическая и политическая раздробленность сделала невозможным национальное объединение и централизацию Германии (Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология, с.183; Энгельс Ф. Заметки о Германии, с.571, 573; Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии, с.394). В таких условиях, указал Ф.Энгельс, территориальные князья немецких княжеств выступали как представители централизации в самой раздробленности (Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии, с.348). Данное определение помогает оценить политическое развитие Мекленбурга в начале

XVI века и выявить прогрессивные стороны процесса упрочнения княжеской верховной власти. При этом необходимо учесть, что абсолютизм на начальном этапе своего развития играет прогрессивную роль в том смысле, что борясь с сепаратизмом феодальной знати против политической раздробленности страны, подчиняя церковь государству и содействуя экономическому единству страны, косвенно содействует процессу т.н. первоначального накопления (Маркс К. Фрагмент первоначального текста второй главы первого выпуска № "Критике политической экономии...", с.409—410).

Подробнее политическое развитие немецких территориальных княжеств в эпоху позднего феодализма в трудах классиков марксизма-ленинизма не исследовались. Однако, обоснованный ими диалектический подход к явлениям политической истории лег в основу марксистской историографии этого вопроса.

В советской медиевистике довоенного периода проблема специфики развития политического управления в территориальных княжествах не обратила на себя внимание исследователей. Начало ее изучения связано с 50-ми годами. Тогда в советской историографии были проведены две дискуссии, положившие основу новому подходу к изучению взаимосвязи в период разложения феодализма: дискуссия о характере надстройки позднего феодализма (1951—1955 гг.) и дискуссия о раннем капитализме в Германии (1956—1958 гг.) В ходе дискуссий была обоснована необходимость исследовать развитие элементов капиталистического производства и характер буржуазии в каждой стране отдельно с учетом их исторических особенностей. В те же годы была разработана новая концепция политического развития территориального государства

в Италии в XVI веке, обратившая внимание на стадиально-региональные особенности возникновения ранних форм абсолютистского правления /12/. Исследования политических процессов в территориальных государствах Италии в период разложения феодализма продолжаются до настоящего времени. Они связаны в первую очередь с именами В.И.Рутенбурга и А.Д.Роловой /13; 14/. Результаты исследований в данном направлении показывают, что присущие нередко таким территориальным образованиям элементы абсолютистского управления, возникшие в каждом отдельном случае вследствие особых обстоятельств, нельзя идентифицировать с характерными чертами классического абсолютизма, охарактеризованного классиками марксизма-ленинизма как форму политической надстройки в условиях равновесия сил между укрепляющейся буржуазией и разлагающимся классом феодалов. Территориальным княжествам характерен затяжной процесс формирования буржуазии, существование экономически и политически сильного городского патрициата, образование единого внутреннего рынка в условиях спада значения внешнего рынка для этих территорий, наличие внешнеполитической угрозы в условиях раздробленности империи. Одновременно авторами указывается на некоторые сходства в особенностях развития между итальянскими территориальными государствами и немецкими княжествами.

Понимание сущности регионального абсолютизма как формы раннего абсолютизма было углубленно рассмотрено в 1968 г. на конференции советско-итальянских историков /1/ и в обобщающей итоги изучения проблемы статье А.Н.Чистозвонова /19/. Внимание

было сосредоточено на следующие проблемы: 1) на медленное, затяжное формирование буржуазных элементов на ранней стадии развития при энергичном противодействии феодальных элементов, вследствие чего внутренние предпосылки возникновения элементов абсолютистского правления нередко отстают по значимости от внешнеполитического фактора; 2) на обязательное рассмотрение каждого конкретного случая возникновения абсолютизма в тесной взаимосвязанности с развитием всего соответствующего региона государств; 3) на феодальный характер абсолютной монархии, в стремлении к централизации которой развитие буржуазии не является единственным стимулирующим фактором, хотя без наличия ее элементов развитие абсолютизма не мыслимо.

Изучение ранних форм абсолютизма и его генезиса было значительно углублено А.Д.Люблинкой /5; 6/. Она указала на недопустимость замены исследования государства изучением государственного аппарата и на первостепенное значение раскрытия взаимосвязанности формирования внутреннего рынка и заинтересованности буржуазии в этом и мероприятиями по централизации государства в условиях раннего абсолютизма.

В целом вопрос о стадийно-региональном абсолютизме сегодня является одной из актуальнейших проблем в советской медиевистике /5, с.10; 20, с.44/. Немецкие княжества в этом отношении пока мало привлекали внимания историков. Но тем не менее достижения в области раскрытия основных закономерностей возникновения абсолютизма позволяют оценить территориальное государство Германии в начале XVI века с точки зрения генезиса в нем элементов раннего абсолютизма. Некоторые аспекты фор-

мирования новых направлений в княжеской политике в период упрочнения княжеской верховной власти раскрыты в статье Н.Г.Поддаляк /10/. Это единственное в советской историографии исследование, затрагивающее политическую историю Мекленбурга в конце XV — начале XVI веков. Н.Г.Поддаляк подчеркивает, что заострение отношений ганзейских городов с княжеской властью в конце XV века необходимо рассматривать в тесной взаимосвязанности с анализом социально-экономических, внутри- и внешнеполитических условий в Мекленбурге и во всем северогерманском регионе. В этой связи упадок Ганзы, влекший за собой растущие противоречия между ее членами, и посягательство территориальных правителей на права и доходы ганзейских городов рассматриваются Н.Г.Поддаляк как проявления разных сторон одного процесса.

В зарубежной марксистской историографии вопросы разложения феодализма и возникновения капиталистических отношений и связанная с ними проблема княжеского абсолютизма рассматриваются лишь в работах историков ГДР. Впервые на эту тему внимание было обращено в исследовании И.Шильджауэра, посвященном борьбе горожан мекленбургских и померанских ганзейских городов с территориальными князьями /140/. В данном исследовании автор, изучая социальные, политические и религиозные противоречия в упомянутых ганзейских городах, доказывает, что позиция, занятая городами в отношениях со своими князьями коренится в их социально-экономической структуре. Однако, И.Шильджауэр оставляет за пределами своего внимания внешний фактор и не связывает в данном исследовании заострение отношений между города-

ми и герцогами с углублением внутриганзейских противоречий периода упадка Ганзы. Этот аспект проблемы он раскрывает в своей работе посвященной изучению характера городских союзов в период позднего феодализма /139/, где доказывает, что упадок Ганзы содействовал включению отдельных ее членов в единый внутренний рынок территориального государства и подчинению их политических интересов интересам княжеской политики.

В начале 60-х годов в историографии ГДР возникла работа посвященная непосредственно изучению княжеского абсолютизма в Мекленбурге /162/. Ее автор П.Вик обращается к началу XVIII века, когда в условиях отсутствия прочной власти в княжестве возникло угрожающее внешнеполитическое положение и на короткий срок была создана абсолютистская система управления. П.Вик признает, что в Мекленбурге не существовали достаточно развитые социально-экономические предпосылки для возникновения абсолютизма. Перемены в политическом управлении княжества, по его мнению, были вызваны экстремальной внешнеполитической ситуацией. П.Вик обращает внимание лишь на абсолютизм в его развитой форме, некоторые проявления которой он констатирует в Мекленбурге начала XVIII века. Концепция П.Вика соответствует общей ситуации в историографии ГДР, где понятие абсолютизма относится только к таким формам организации государства, где закончен процесс централизации, в значительной мере ликвидирована автономия городов и феодальные суды и административное управление полностью подчинено государству /82; 88/. Основные критерии оценки различных стадий развития политического управления в территориальных княжествах Германии сформулирова-

ны К.Чокон в статье посвященной анализу характера немецкого территориального государства. В ней автор выделяет три этапа развития территориального государства: 1) ранняя стадия развития с возникновением княжеской власти (XIII-XIV вв.); 2) территориальное сословное государство, как развитый этап (XIV-XVII вв.); 3) княжеский абсолютизм как поздний этап (после 1648 г.; в Мекленбурге: с начала XVIII в.). К.Чок резко отделяет второй и третий этапы развития территориального государства и тем самым определяет очень высокую хронологическую границу между ними. Проблема генезиса абсолютизма и начальной стадии его развития в пределах предыдущего этапа развития государственной власти (территориального сословного государства XIV-XVII вв. по периодизации К.Чока) в данном исследовании не отражена. В то же время, выдвинутые автором закономерности развития территориальных государств, основанные на материале таких передовых княжеств как Саксония, Бавария, Бранденбург, позволяют констатировать известные параллели развития этих княжеств с развитием Мекленбурга в конце XV - первой половине XVI веков. Однако, сам К.Чок не ставит Мекленбург в ряд тех немецких княжеств, в которых в рассматриваемое время произошли существенные перемены в организации политического управления.

Со второй половины 70-х годов проблемы политического развития немецких княжеств в XV-XVI вв. (в частности Мекленбурга) главным образом затрагиваются в исследованиях тех историков ГДР, которые посвящены изучению ганзейского союза как политической силы, с помощью которой сословие имело существенные возможности влиять на княжескую политику. Проблема была выдвинута на заседании группы историков по исследованию истории

Ганзы в 1974 г., где и в последующие годы были акцентированы основные круги вопросов, способствующие раскрытию проблемы: влияние Ганзы как национального союза на формирование политики территориальных властей; репрезентация ганзейской политики биргерами конкретного города; роль союза в складывании предпосылок абсолютизма (подразумеваются XVII, XVIII вв.), степень в какой Ганза представляла интересы городского сословия /139; 143; 156/. Данные вопросы снова обсуждались в начале 80-х годов и не потеряли актуальность до настоящего времени /121; 146/. Единственным практическим исследованием в этом направлении в историографии ГДР стала работа Фрице К. /72/, посвященная изучению одного из направлений взаимодействия ганзейских городов и остальной территории княжества — территориальную политику (приобретение земельных владений горожанами и городскими институтами). Эта политика, по мнению автора, во многих отношениях создавала фундамент формирования конкретной политической позиции города, исходящей из определенных ее экономических интересов.

Таким образом, при исследовании политического развития территориальных государств в период разложения феодализма основным достижением марксистской исторической науки является обоснование необходимости изучения ранних форм зарождения абсолютизма и выделение проблемы территориального (княжеского) абсолютизма как специфической формы правления. Политическая история Мекленбурга в конце XV — первой половине XVI веков с этой точки зрения в работах историков — марксистов не рассматривалась. Однако, она получила некоторое освещение в исследованиях, посвященных взаимоотношениям ганзейских городов

с княжеской властью в периоде разложения Ганзы и тенденций подчинить их администрации территориального государства.

В буржуазной историографии проблема политического развития немецких княжеств (в частности Мекленбурга) занимает видное место. К вопросам структуры государственного управления, роста княжеского суверенитета, организации сословного представительства и другим проблемам отражающим особенности внутривполитической системы немецких территориальных государств в эпоху позднего феодализма обращались представители различных направлений немецкой буржуазной историографии.

Начало изучения политической истории Мекленбурга XVII века связано с концом XVIII — началом XIX веков. Историки данного периода выступают как апологеты монархизма и в их работах история княжества обычно передана как хроника правящего дома /47; 100/. В то же время некоторые из этих авторов начали обращать внимание на развитие государственного права, ленно-податных отношений, системы сословного представительства /36, 96/. Их работы можно отнести к тем, которые подготовили почву для развития характерного для XIX века историко-правового направления (*Verfassungsgeschichte*), получившего широкое распространение в прошлом веке и оказавшего глубокое внимание на развитие немецкой буржуазной историографии XIX века. Представители историко-правового направления немецкой буржуазной историографии внесли ощутимый вклад в изучение политической истории Мекленбурга в первой половине XVII века. Среди них такие авторы как В.Ден, занимавшийся историей эволюции государственного права /56/, А.Глекер и П.Грот, изучавшие внутреннее законодательст-

во княжества /73; 75/, Ю.Вигере, исследовавший с правовой точки зрения образование мекленбургской земской церкви /164/.

Все вышеупомянутые историки в своих исследованиях основывались на широком использовании и глубоком анализе архивных материалов, в первую очередь — правовых актов. С этой точки зрения их работы представляют собой особую ценность. Однако, развитие правовых норм представителями историко-правового направления рассматривается изолировано от социально-экономического развития изучаемой страны. Известным исключением среди работ данного уклона является исследование К.Гегеля /87/. Оно посвящено определению правового статуса ганзейских городов в сословной системе княжества и раскрытию основных аспектов споров городов с княжескими властями (главным образом по финансовым вопросам). К.Гегель, в отличие от других авторов занимавшихся политической историей Мекленбурга, особенности развития системы сословного представительства и взаимоотношения городского сословия с территориальными правителями анализирует с помощью сравнения этих явлений с аналогичными процессами в других немецких княжествах.

В результате этого политическое развитие Мекленбурга в начале XVI века и роль городов в нем оценивается автором как стадийно-региональный вариант всеобщего развития немецкого территориального государства периода конца XV — начала XVI веков. Данная работа, вместе с объемистыми приложениями источников, является по существу единственным до настоящего времени исследованием, посвященным первой половине XVI века в интересующем нас разрезе.

На изучение истории развития политической системы Меклен-

бурга существенное влияние оказало политическое направление в немецкой буржуазной историографии XIX века, связанные в первую очередь с именем архивара Шверинского архива Г.Линна. Подход Г.Линна к анализу исторического развития княжества характеризуется увлечением политической деятельностью отдельных исторических личностей, которым автор приписывает роль движущей силы исторических событий. Работы Г.Линна основываются на освоении обширных архивных материалов. Особую роль при этом, и в изучении истории Мекленбурга вообще, играл основанный Г.Линном в 1836 г. ежегодник мекленбургской истории (*Mecklenburgische Jahrbücher*), в котором появилось множество его собственных публикаций по политической истории Мекленбурга первой половины XVI века /108; 109; 110; 111/.

В историографии XIX века представлена одна работа, посвященная изучению политического развития Мекленбурга, которая резко отличается методологией исследования закономерностей исторического развития княжества от других исследований авторов XIX века. Это — "История Мекленбурга" Э.Болля /33/. Э.Болль принадлежал к культурно-историческому направлению в немецкой буржуазной историографии. В центре внимания своего исследования он ставит развитие философской мысли, этнических идеалов, религиозного сознания, системы образования. Но в отличие от других представителей того же направления Э.Болль связывает особенности духовной культуры на соответствующем периоде истории (в частности в первой половине XVI века) с развитием княжеской политики, с политической деятельностью земских сословий, с государственным законодательством. Следовательно, он не огра-

ничивается от политической истории княжества, хотя специально не уделяет внимание структуре государственного и административного аппарата княжества.

Историки XIX века занимавшиеся историей системы политического управления Мекленбурга в большинстве случаев рассматривают политическую историю территориального государства в качестве эволюции государственных учреждений и государственного права. Они не ищут корней данных процессов в особенностях развития социально-экономических процессов в стране. Такие авторы как К.Тегель, которые стараются показать развитие княжеской политики как результат взаимодействия интересов территориальных правителей с интересами земских сословий, делают это лишь в политико-юридическом плане. С другой стороны, историки XIX века (как, например Г.Бёлау и Ф.Круль), изучавшие непосредственно города Мекленбурга, в соответствии с традициями историографии этого периода, обращаются непосредственно к городскому праву, рассматривая его изолированно от общего развития города /36; 51/.

Немецкая буржуазная историография начала XX века в основных своих направлениях является генетическим продолжением предыдущего периода. В этот период доминирующим оставался историко-правовой подход к проблемам развития княжества в первой половине XVI века. Такие авторы как О.Витензе, А.Рише, Г.Шнелль продолжали рассматривать развитие Мекленбурга с точки зрения эволюции государственного права /157; 134; 145/. Однако, утвердившийся в историографии начала XX века углубленный интерес к изучению истории Ганзы и достижениям в этой области (продолжа-

лось подготовление и издание многотомного собрания документов ганзейских собраний) побудили упомянутых авторов обратить внимание (правда, попутное) на проблемы взаимоотношений ганзейских городов Мекленбурга со своими территориальными князьями. Но этот вопрос ими решался в чисто юридическом плане. Подобный подход к анализу исторических явлений наблюдается в исследованиях авторов, специально обратившихся к изучению проблематики ганзейских городов Мекленбурга, в первую очередь таких как Х.Вестфаль, Э.Денель, Ф.Техен /161, 55, XVIII/. Они хотя и ищут взаимосвязанность между политической ориентацией городов (в т.ч. отношениях с князьями) и особенностями их социально-экономического развития, но обращают внимание лишь на политические интересы патрициата связанного с внешней торговлей. В то же время эти авторы не обращают внимания на экономические и политические интересы средних и низших слоев горожан в самом городе и в отношениях с феодальной округой, на влияние, которое буржеская оппозиция оказывала на правящую верхушку ганзейского города, на комплекс проблем связанных с участием ганзейских городов в образовании единого внутреннего рынка территориального государства.

В начале XX века с прогрессирующим успехом была продолжена начатая Г.Лишем работа по публикации и изучению материалов мекленбургских архивов. Только в отличие от предыдущего периода основной интерес был обращен на изучение финансовой политики мекленбургских князей и судебной организации княжества. Работы П.Штейнманна, А.Бреннеке, И.Вейсбаха, отражающие развитие государственной налоговой политики в конце XV - начале

XVI веков, основаны на обширном источниковом материале, но абсолютно лишены анализа экономико-политических предпосылок конкретных проявлений княжеской политики /45; 153; 154; 159/. В свою очередь К.Эндлер, изучивший эволюцию судебного законодательства Мекленбурга в XVI веке, следуя примеру К.Гегеля, сравнивает преобразования в судебной системе Мекленбурга с соответствующими (в стадийном, а не хронологическом смысле) изменениями в других немецких княжествах /61/.

Таким образом, буржуазная историография XIX - начала XX веков содержит огромную информацию о политическом развитии мекленбургского княжества в первой половине XVI века, но это развитие рассматривается изолировано от социально-экономических процессов в стране. Вследствие этого взаимодействие сословий и княжеской власти в процессе формирования княжеской политики оценено лишь в чисто юридическом плане. Позиция ганзейских городов по отношению к политике своих территориальных правителей ставится в зависимости от изменений в расстановке политических сил в регионе, оставляя без всякого внимания комплекс социально-экономических интересов в княжестве в целом и в самих городах частности.

В современной немецкой буржуазной историографии трактовка политического развития территориального государства Германии в период разложения феодализма существенно менялась с послевоенного периода до наших дней. До начала 50-х годов история территориальных владений Германии оценивалась с точки зрения их противопоставления (в отрицательном смысле) германской империи и в качестве негативного сравнения с такими абсолютис-

тскими государствами как Франция, Англия, Испания. Среди авторов данного периода особое место занимает Ф. Гартунг /84/. Его работа ориентирована на доказание преимущества "государства власти" (*Machtstaat*) над княжествами, где сословия существенно влияют на направленность княжеской политики. В дальнейшем другими авторами идея "государства власти" была репродуцирована на немецкое территориальное государство и его политической основой объявлено единство интересов князя и сословий /48/.

В 60-х годах росла популярность буржуазно-демократического парламентаризма, что оставило следы в подходе к проблеме немецких территориальных княжеств. Региональная власть стала оцениваться как сила способствующая развитию парламентаризма и свободы политической деятельности /49/. На этой почве возникли исследования М. Гаманна, посвященные изучению непосредственно истории Мекленбурга /77; 79/. М. Гаманн обращает внимание как на рост княжеского суверенитета и преобразования в системе государственного управления в конце XV — начале XVI веков, так и на противоречия городов с княжескими властями в этот период, но не дает оценку данным явлениям и не пытается связывать их с социально-экономическими процессами в княжестве. Более подробно проблема взаимоотношений ганзейских городов Мекленбурга с территориальными правителями рассмотрена в монографии Г. Зауэра /136/. Г. Зауэр обращается к материалу конца XV века (причем он основное внимание уделяет именно мекленбургским городам). Его исследование практически не рассматривает отношения ганзейских городов с князьями в рамках внутренней политики. В центре внимания автор ставит позиции ганзейских

городов как членов союза. Выделенные им основные направления политического и хозяйственного соперничества городов и княжеских властей, представляют большой интерес, так как они дают широкий материал для сравнения с последующим периодом. Борьба городов с территориальными правителями рассматривается Г.Зауэром как ответный ход на нападения со стороны князей. Он связывает обострение отношений между городами и территориальными правителями с раздроблением интересов членов Ганзы в период распада союза. Однако, Г.Зауэр решает выдвинутые проблемы в чисто политическом плане и не обращает внимание на их взаимосвязанность с экономическими процессами и социальными явлениями.

Кроме М.Гаманна и Г.Зауэра в современной немецкой буржуазной историографии нет авторов, занимающихся непосредственно проблематикой истории Мекленбурга в конце XV — начале XVI веков. В то же время сама проблема структуры политического управления в территориальном государстве остается популярной. На современном этапе возникают множество исследований по политической истории различных немецких княжеств периода сословной монархии с целью обосновать принципы современного федерализма с помощью изучения истории развития партикулярной власти /40; 98; 118/. Авторами этих работ прямо подчеркивается генетическая связь сословного представительства и современного парламентаризма. Естественно, сторонники подобной интерпретации не склонны признавать присутствие зачатков раннего абсолютизма в организации государственного управления немецких княжеств в конце XV — начале XVI веков и содействие их развитию и укреп-

лению со стороны сословий, тем более — признавать прогрессивный характер подобных явлений. В их глазах сословное территориальное княжество олицетворяет особый путь развития немецкой государственности.

Следовательно, в современной немецкой буржуазной историографии отсутствует единая концепция характера политического управления княжества в период укрепления верховной власти территориальных правителей в Мекленбурге (в конце XV — начале XVI веков) и оценка роли городского сословия в этом процессе. Историки, которые обращались к изучению этих проблем, рассматривали их преимущественно в юридическом или политическом плане.

Для понимания закономерностей развития политической системы Мекленбурга первостепенное значение имеет анализ социально-экономических процессов, так как любые надстроечные явления коренятся в развитии экономического базиса. Социально-экономическая история Мекленбурга в первой половине XVI века привлекала достаточно широкое, но в известном смысле, одностороннее внимание историков. В центре исследований находятся проблематика ганзейских городов, развитие основных направлений сельскохозяйственного производства (в первую очередь связанных с развитием хлебного рынка) и социальных процессов в деревне, а также и взаимоотношения города и села. Одновременно мелкие города, производство технических культур, структура внутреннего рынка и некоторые другие вопросы остались за пределами внимания исследователей.

В историографии ГДР углубленное изучение аграрной истории Мекленбурга XVI века началось с дискуссии о характере барщинного хозяйства (*Gutswirtschaft*), посвященной в основном исто-

рии XVII и XVIII вв. но восходящей в некоторых аспектах к XVI веку. Дискуссия началась в 1954 г. со статьей И. Никтвейса /124/, продолжалась в 50-е и 60-е годы /89; 90; 101; 123/. Она была завершена в начале 70-х годов с выводом о необоснованности применения к северовосточной Германии однозначного понимания обезземеливания крестьян и образования здесь безраздельного господства фольварка. Была подчеркнута необходимость в дальнейшем обращаться к изучению региональных особенностей развития барщинного поместья, в том числе в пределах т.н. "ост-эльбской территории" /92/. Во время дискуссии внимание исследователей было обращено на особенности аграрного развития Мекленбурга. Это привело к опубликованию ряда работ, отражающих развитие аграрной технологии, методов обработки земли, орудий труда, формирования правовых норм в селе и связей производителя с рынком. Среди таких исследований находятся работы посвященные непосредственно аграрной истории Мекленбурга, возникшие в основном в 50-е и 60-е годы как продолжение авторами исследований, начатых в довоенные годы /112; 150; 153/, а также и новейшие обобщающие исследования, отражающие место Мекленбурга на фоне сравнения с другими территориями Германии (в том числе в аграрном развитии) /30; 32/. Проблема характера крупного помещичьего землевладения в Северовосточной Германии (в т.ч. в Мекленбурге) остается актуальной. Основная задача, которая стоит перед исследователями, заключается в изучении взаимосвязанности аграрной истории с общественной структурой /58; 82; 91/. XVI век и особенно его первая половина по-прежнему находят отражение только как незначительная (по объему) часть в составе

исследований, посвященных XVII и XVIII векам. Исключение составляют лишь опубликование и обработка работниками Шверинского Государственного Архива группы источников по аграрной истории XVI века /XVII; 50/ и обращение некоторых авторов к изучению взаимоотношений города и деревни в период становления внутреннего рынка в княжествах Северовосточной Германии /62; 68; 72; 81/.

В советской исторической литературе работ непосредственно по истории Мекленбурга нет. В единственной монографии посвященной аграрной истории Германии в XIV-XVI вв. - в работе В.Майера /7/, в соответствии с ее основной задачей Северовосточная Германия упоминается лишь как сравнение. При этом, так же как и в соответствующих разделах новейшего обобщающего исследования "История крестьянства в Западной Европе" /4; 17/, некоторые региональные особенности развития интересующей нас территории в начале XVI века трактуются упрощенно и поверхностно.^I Данное

^I В.Майер и М.М.Смирин относят возникновение фольварка и начало закрепощения крестьян в Северовосточной Германии уже к концу XV века /17, с.380-381/. Правда, тут же отмечено, что крепостные отношения в рассматриваемый период не получили полного и широкого воплощения и что основные этапы развития этого процесса связаны с XVI-XVII вв. /17, с.381/. В.Ю.Какк аграрное развитие начала XVI века в Северовосточной Германии рассматривает лишь в качестве начального этапа феодальной реакции XVI-XVIII вв. При этом не указывается ни на существенные отличия в норме эксплуатации крестьян и в степени их связи с рынком в начале и конце XVI века, ни на особенности специализации сельскохозяйственного производства данного региона в связи с его ориентацией на снабжение сырьем производства ганзейских городов /4, с.273-275/.

состояние в историографии объясняется отсутствием специальных исследований по аграрной истории XV—XVI веков Северовосточной Германии. Существенный вклад в разработке общей концепции развития предпосылок и начального этапа становления барщинного поместья внесла, проходящая с конца 40-х годов в советской исторической науке, дискуссия, которая перекликается с выше упомянутой дискуссионной среди историков ГДР. В результате ее была выдвинута проблема значения внутреннего рынка и соотношения его роли с ролью внешнего рынка в развитии крупного помещичьего хозяйства, ориентированного на производство товарного хлеба /2; 15; 18; 22/.

В немецкой буржуазной историографии широкое изучение аграрной истории Мекленбурга связано с началом XX века. Тогда в историографии получило распространение историко-экономическое направление, обратившее внимание на социально-экономическую проблематику. Основанное на основании огромного архивного материала, изучение аграрных процессов конца XV — начала XVI веков связано с именами таких историков как Г. Майбаум, К. Бальк, К. Бартольд, Ф. Бринкер /115; 25; 26; 45/. Их исследования, ориентированные на отражение эволюции поземельного права, содержат обширный фактический материал и тем самым сохраняют свое значение до настоящего времени. В современной буржуазной исторической науке история Мекленбурга вообще и ее аграрная история — в частности, не привлекают внимания исследователей, за исключением выше упомянутого М. Таманна и, работающего в 50-е и 60-е годы, Ф. Энгеля, издавшего ряд в довоенные годы подготовительных работ по демографической истории и структуре

поселений /65; 66; 67/.

Таким образом, оценка аграрного развития Мекленбурга в первой половине XVI века в основном включает в себя лишь его определение ретроспективным путем в качестве начального этапа переворота в сельском хозяйстве в XVII–XVIII веках, связанного с утверждением барщинного поместья. Но при этом отсутствуют специальные исследования (особенно в современной исторической науке), отражающие структуру сельского производства непосредственно в этот период. Вследствие этого представления о наличии капиталистических элементов в сельскохозяйственном производстве, о конкретных путях осуществления поставщиками сельскохозяйственной продукции связи с рынком, о постепенном увеличении площади барской запашки и других явлениях, без изучения которых невозможно точное понимание социальных основ политического развития, в большой мере находятся на стадии теоретических предположений.

В исследовании социально-экономического развития Мекленбурга в начале XVI века особое значение имеет изучение городского организма, в первую очередь ганзейских городов, учитывая их передовую роль в экономике региона. Изучение ганзейских городов, в том числе мекленбургских, всегда занимало самое видное место среди проблем истории немецкого города позднего средневековья как в марксистской, так и в буржуазной исторической науке. Основное внимание при этом сосредоточено на изучении социальной структуры города и на особенности процесса генезиса капитализма в городской экономике.

В историографии ГДР обращение историков к изучению проб-

лематики ганзейских городов началось уже в 50-е и 60-е годы, где особым достижением являются не утратившие сегодня значение, работы И.Шильдхауера, посвященные изучению социальной структуры ганзейских городов Северовосточной Германии /138; 140; 142/. В те же годы возникли исследования по истории кораблестроения в ганзейских городах К.Олехновича. Он доказал бесспорное наличие элементов капиталистического производства в городской экономике уже в начале XVI века /125; 126/. Эти и другие исследователи, положившие начало изучению ганзейских городов в ГДР — их социальной структуры и основных направлений городского хозяйства, на основе марксистского понимания истории, на первое место ставили изучение закономерностей внутреннего развития городского социально-экономического организма. Они не ставили своей целью рассмотрение данных явлений в взаимосвязи с развитием всей территории северогерманского региона в целом и Мекленбурга в частности. Такого рода изолированное исследование города не могло полностью определить его место в экономических и социальных процессах региона. На этот недостаток было обращено внимание на съездах историков ГДР в 1972, 1974 и 1976 годах, после чего, основные силы группы историков ГДР по изучению Ганзы (Hanseische Arbeitsgemeinschaft) были сосредоточены на изучение ганзейского города в его экономической взаимосвязи со всем регионом, акцентируя внимание на характер и экономико-политическую деятельность биргерства, на отношения ганзейских городов с их аграрным тылом, на особенности развития ремесленного производства в условиях созревания предпосылок капитализма. На этой почве возникло множество работ, посвященных

изучению истории двух мекленбургских городов — Ростока и Висмара, среди которых важнейшее место занимают исследования К.Фрице /68; 69; 70; 71/. В них показана роль обеих городов в развитии всего экономического региона с помощью изучения некоторых теоретических аспектов структуры ганзейского торгового капитала, его двойственной роли в экономическом развитии, связи сельского производителя с городским рынком. Особая ценность исследований в этом направлении состоит в том, что они поставили под сомнение предположение о безраздельной доминанте внешней посреднической торговли в экономике мекленбургских и других ганзейских городов южного побережья Балтийского моря в конце XV — начале XVI веков и обратили внимание историков на актуальность изучения процесса включения ганзейских городов во внутренний рынок территориальных государств. Ярким достижением в этой области является исследование Г.Лангера о структуре производства в ганзейских городах /104/. Он раскрыл не только характер производственной деятельности бургомистров в этой области, содействующий развитию товарно-денежных отношений и наличие элементов раннекапиталистического производства в ней, но и обратил внимание на удельный вес экспортного ремесла в городской экономике и на его тесную связь ганзейского города с внутренним рынком. Обобщающей работой по выше рассмотренной проблематике является коллективная монография историков ГДР "Ганза" /144/.

В историографии ГДР, начиная с поворота в 60-х годах на комплексное изучение ганзейского региона, внимание обращается и на роль мелких городов в нем (этому вопросу была посвящена

международная конференция историков в 1984 г.) /24/, но по отношению к территории Мекленбурга в XVI веке конкретных исследований нет. Единственным достижением в этом направлении является разработанная Г.Гейцом на основе мекленбургского материала основные задачи исследования мелкого города /93/.

Современная немецкая буржуазная историография также основное внимание обращает на изучение социальной структуры ганзейских городов и деятельности торгового капитала, но, в отличие от подхода историков-марксистов, преимущественно рассматривает социальную историю оторванную от экономических процессов и первостепенное значение придает изучению патрициата, что соответствует господствующей в ней концепции о ганзейских городах как центрах исключительно внешней торговли /45; 115; 126; 149/. В то же время эти работы ценны своим богатым фактическим материалом, особенно отражающим демографические процессы /97; 127; 131/.

Рядом с исключительно широким изучением проблематики ганзейских городов, мелкие города территориального государства фактически не исследовались. Они лишь поверхностно и фрагментарно упоминаются в работах, посвященных изучению городского права /59; 133/ или в случаях, когда авторы обращаются к попытке типологизировать города ганзейского региона /42; 79/. Типологические принципы немецкого города позднего средневековья в ганзейском регионе разработаны в основном западногерманскими историками. В их основу положены как географическое положение города, так и количество городского населения или политический статус города, но в любом случае характеристика типологических

группы сводится к основному показателю — особенностям экономического организма города, зависящим от уровня и специфики развития товарно-денежных отношений в данном регионе /42; 48; 127; 131/. В то же время однозначное толкование немецкой буржуазной историографией ганзейских городов северовосточных немецких территорий как центров внешней торговли, приводит к упрощенному отнесению других городов этих территорий к группе "неганзейских", даже не обращая внимания на особенности их социально-экономического и политического организма. В последнее время ситуация несколько изменилась с появлением теоретического обоснования необходимости изучения малого города как экономического тыла для ганзейской торговли /21/.

Таким образом, перед нами односторонняя картина мекленбургского города первой половины XVI века, характеризующаяся всесторонним и глубоким изучением торговли, социальных процессов и политической структуры ганзейских городов с одной стороны, и частичным отражением связей ганзейских городов с внутренним рынком и фактической неизученностью локальных центров этого рынка — с другой.

Выше сказанное подтверждает, что в исторической науке практически отсутствует концепция развития мекленбургского территориального государства в первой половине XVI века, отражающая взаимосвязанность социально-экономических процессов в нем и форм государственного управления, наличие качественно новых тенденций в княжеской государственной политике в начале XVI века и оценку особенностей развития Мекленбурга на фоне сравнения с развитием других территорий Германии. Следовательно

неясной остается роль городов в формировании княжеской политики в первой половине XVI века. При этом слабая изученность мелких городов княжества не позволяет рассматривать территориальное государство Мекленбурга как единое целое. В соответствии с выше сказанным актуальность приобретает задача: оценить социально-экономическую и политическую основу (обращая особое внимание на роль городов при этом), на которой складывалась направленность политики Мекленбургского территориального государства в качественно новых условиях первой половины XVI века, когда в княжестве происходило перестроение политического управления государства.

Глава II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕКЛЕНБУРГЕ В I ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Характеристика Мекленбурга в первой половине XVI века содержит, на первый взгляд, противоречивые данные. С точки зрения развития раннекапиталистического производства (особенно в сельском хозяйстве) Мекленбург отставал не только от передовых земель Европы, но и от территорий Южной Германии. Одновременно именно Мекленбург характеризовался принадлежностью двух экономически сильных городов к ядру еще функционирующей Ганзы. Политический строй Мекленбурга отмечался сильной властью земских сословий. В то же время в конце XV — начале XVI веков здесь место имели тенденции к осуществлению раннеабсолютистских форм правления. В перспективе Мекленбург перерастал в один из оплотов феодализма в XVI—XIX веках при сохранении элементов сословного управления до начала XX века.

Чтобы объективно оценить исторически обусловленные возможности развития элементов раннеабсолютистских преобразований в политическом управлении Мекленбурга и роль городского сословия в определении степени их осуществления, необходимо произвести анализ соотношения сил в экономической, социальной и политической жизни княжества. При этом особое внимание должно быть уделено изучению сельскохозяйственного производства как экономической основы феодального общества, уровня развития городского хозяйства, содержащего наиболее широкие потенциальные возможности зарождения капиталистического способа

Сельское население Мекленбурга в первой половине XVI века насчитывало около 200-250 тысяч человек, или не менее 80% всего населения.¹ Плотность населения Мекленбурга не была равномерной. Крупные селения были характерны для наиболее плодородных юго-восточных районов (земля Штаргард), в то время как на западе преобладали небольшие селения /112, s.109/. В среднем в одном селе насчитывалось 50-100 крестьян, т.е. 8-16 крестьянских хозяйств, если предположить, что в одном дворе жило около 6 человек.²

Размеры одного хозяйства определить можно приблизительно. В литературе чаще всего встречаются измерения земли в гуфах (Hufe).³ Одной гуфой принято считать площадь в 15-20 га, хотя

¹ Точных сведений о количестве сельского населения Мекленбурга в первой половине XVI века в литературе нет. Известно, что общее количество населения Мекленбурга в 1496 г. составляло до 130 000 человек /64, s.7/ и что прирост в начале XVI века достигал 1,3% в год /57, s.13/. По традиции принято считать, что в первой половине XVI века общее количество населения достигало около 250 000 человек /38, s.312-313/.

² Цифры получены путем сравнения сведений из трудов общего характера /57, s.30; 77, s.270-271/ с количественными данными из источников и работ, в которых они приведены в качестве примера /112, s.114; 45, s.7, 52-53, 93-94, 126, 132-133; XII, s. 126-129/, и выделяя средние показатели.

³ В XV/XVI веках в Северовосточной Германии существовало несколько вариантов гуфы по входящему в нее количеству моргенов ("Wendische Hufe" - 12,5 или 24 морг., "Deutsche Landhufe" - 24,30 или 32 морг., "Doppelhufe" - 60 морг. и др.), которые являлись относительным понятием. В то же время любой вариант гуфы приближался к 9 600 новым Кульмским квадратным рутам, что и позволяет гуфу условно перевести в гектары /26, s.34-35; 66, s.126-128/.

производства, и социальных процессов как в городе, так и в деревне.

§ I. Аграрная ситуация и социальные процессы в условиях нарастания экономической и политической власти знати

В XVI веке в связи с особенностями развития европейского хлебного рынка в землях южного и восточного побережья Балтийского моря восточнее Эльбы (в т.ч. в Мекленбурге) происходила переориентация сельскохозяйственной системы на производство товарного хлеба. Хотя к образованию крупных поместий — производителей зерна на экспорт, данный процесс привел только во второй половине XVI века (и во всю ширь развернулся, по существу, только после Тридцатилетней войны), уже в начале века наблюдается изменение роли деревни в экономической, социальной и политической системе Мекленбурга.

Характеристика демографической ситуации в селе. Феодалное поместье и крестьянское хозяйство

Определение места сельских территорий в экономико-политическом организме любого государства, в данном случае Мекленбурга, требует анализа демографической картины, дающей представление, правда схематическое, о количественном соотношении деревенского и городского населения, а также и его распределении в самой сельской местности.

встречаются и другие мнения /26, s.34-35; 66, s.126-128; 150, s.27/. Гуфа, которая изначально являлась наделом общинной пахотной земли для пользования одной крестьянской семьей с правом использования общинных лугов, лесов и пастбищ, со временем стала единицей обложения налогами /65, s.117; 165, 73.-74.1pp./.

Проблема гуфы в литературе не решена. Ясно только, что она не являлась четким метрологическим понятием, а относительной долей пахотной земли (т.н. "seackerten Kornlands"). Принято считать, что в среднем на одно крестьянское хозяйство в первой половине XVI века приходилось 1-2 гуфы пашни и кроме того часть альменды. К тому же в измеримую в гуфах площадь, с которой взымались налоги, не входили целинные земли. 1-2 гуфы считались полным хозяйством и их владелец относился к категории т.н. "Vollhufner", которая составляла около 70% всего крестьянства. Остальные - крестьяне-бедняки (Kossaten, Kätner) имели 1/2 или даже 1/4 гуфы пахотной земли и обычно не имели тягловой силы. Их количество в каждой местности колебалось от 24% до 43%. Наличие рядом с крестьянами-бедняками владельцев 3 и 4 гуф говорит об известной дифференциации сельского населения, что особенно явно стало выражаться в XVI в. /26, s.35-36; 77, s.276; 112, s.110/.

Феодальное поместье (Ritterhof) в начале XVI века по размерам еще существенно не отличалось от имения конца XV века. Оно обычно включало в себя 8 гуф, т.е. около 150 га /26, s.16; 120, s.21/. Данное соотношение с крестьянским хозяйством существенно отличается от второй половины XVI века, когда в условиях процесса образования крупных поместий одно имение

достигало уже 375 га. В то же время размеры крестьянского хозяйства остались прежними /II2, s. 30/.

Следовательно, судя по размерам, в начале XVI века хозяйства мекленбургских феодалов были еще экономически слабыми. По этой причине, побуждаемая благоприятной рыночной конъюнктурой, переориентация феодалов на производство сельскохозяйственной товарной продукции в первую очередь была связана с увеличением площади барской запашки. Эволюция крестьянских хозяйств свидетельствует о проявлениях имущественной дифференциации среди их владельцев, предпосылки чего следует, очевидно, искать в особенностях развития товарно-денежных отношений в данный период (см. ниже).

Развитие товарно-денежных отношений в селе. Связь производителя с рынком

Место Мекленбурга в европейской экономической системе XVI века определяло международное разделение труда — объективное явление, в рамках которого соответственно бурному развитию мануфактурного производства и процесса урбанизации в Англии, Голландии и других передовых западноевропейских странах, росла роль земель Восточной и Средней Европы, особенно пригодных для сельского хозяйства, как поставщиков продовольствия и сырья. Красноречивая иллюстрация этого сведения таможи Зунда о росте грузового товарооборота на протяжении XVI века в 6–7 раз, причем 60% груза падали на торговлю землей Балтийского региона с Голландией. На первых местах в экспортируемых товарах стояли рожь, лен, лес, а также меха,

железо, поташ /124, s.23/. Данная характеристика относится ко всему региону Балтийского моря в течении всего XVI века. Чтобы выявить конкретную роль мекленбургского сельского производства в первой половине века, необходимо констатировать: 1) какие основные виды сельскохозяйственной продукции и в каком объеме производились; 2) какие виды продукции пользовались спросом на рынке; 3) какую долю продукции мог продать феодал, а какую крестьянин в конкретных условиях феодальной эксплуатации; 4) какими возможностями реализации своей продукции на городском рынке пользовались сельские жители.

В XVI веке в сельском хозяйстве Мекленбурга как и во всей Германии господствовала трехпольная система земледелия /30, s.104; 77, s.273/. При обработке пашни применялся плуг с железным лемехом и борона с железными зубьями /30, s.106, 112-113; 150, s.28/. Как тягловая сила использовались бык (для плуга) и лошадь (для бороны и повозки). Рост роли лошади как тягловой силы в сельском хозяйстве можно оценить как существенный показатель развития средств производства Северной Германии в XVI веке /30, s.121/. На общем фоне Германии Мекленбург (как и соседние северо-германские территории) выделялся большим удельным весом ржи и хлеба среди выращиваемых культур /32, s.32, 36; 77, s.273/. Популярностью пользовались еще овес и ячмень, а также и такие огородные культуры, как капуста, бобовые /77, s.273/. Пшеница выращивалась редко (только на самых благоприятных почвах, как, например, в округах Бухов и Нойштадт) и в небольшом количестве (около 5-9%) /32, s.32, 46-47/.

Если значение ржи в сельском хозяйстве Мекленбурга объяснялось сравнительно высокими урожаями этой культуры в местных климатических условиях и растущим спросом на нее как на внутреннем, так и на внешнем рынках, то распространение пшеницы и особенно хмеля было связано с широким развитием пивоварения в городах Мекленбурга, особенно в ганзейских. В Мекленбурге площадь под хмелем достигала трети площадей, занятыми зерновыми культурами или даже была равной им /32, s.36, 46-47/. Таким образом, хмель можно считать основной технической культурой, характерной для территории Мекленбурга в первой половине XVI века. Здесь его нельзя отнести к "огородным культурам" как на юге Германии, поскольку он выращивался на основной пахотной земле (Hufeland) /7, s.60-74; 32, s.46-47/. К сожалению, мы не имеем полной динамической картины выращивания этой культуры на протяжении всего XVI века в разных областях Мекленбурга и объеме поступления хмеля на рынок - в литературе встречаются только фрагментарные упоминания общего характера. В то же время тщательное изучение характера поступления хмеля на рынок могло бы внести ощутимый вклад в определение уровня развития товарно-денежных отношений данного периода.

Из технических культур выращивался также лен. Обычно он занимал не основную пахотную землю, а часть альменды, и составлял не более 3% высеянного /32, s.46-47; 77, s.278/. Однако отсутствуют сведения и о точном объеме производства льна по всей территории Мекленбурга. Известно также, что в некоторых областях культивировался виноград: под Гвстровым, Шверинем, Цпау, Вальдеггом /57, s.32/. Так как данные районы явля-

ются крупнейшими административными центрами или находятся в непосредственной близости от них, можно предположить, что выращивание винограда носило здесь престижный характер и служило снабжению правящего дома и двора. В целом вопрос о производстве технических и огородных культур в Мекленбурге в XVI веке можно считать неизученным. Только из фактов специализации Ростока и Висмара на дальнюю морскую торговлю и уровня развития кораблестроения в этих ганзейских городах (см. § 2) объективно вытекает их потребность в соответствующем сырье: в первую очередь — льне и конопле. К тому же они являлись и продуктами первой необходимости в народном хозяйстве. Как указывает Н.Г.Подальск, изучившая экономику Ростока в начале XVI века, конопля числилась среди импортируемых товаров /12, с.17-18/. Одновременно мало вероятным кажется, что спрос на коноплю мог быть полностью удовлетворен импортом. В этой связи внимание заслуживает упоминание скупи конопля у крестьян городскими торговцами в жалобе городка Рёбель /VI D, s. 166/.

Место скотоводства в системе сельского хозяйства Мекленбурга определялось местными климатическими и географическими условиями: во-первых — скотоводство, ввиду особых условий Мекленбурга, связанное с ориентацией сельского хозяйства на экспорт хлеба, отставало от земледелия по значению как отрасль, стимулирующая развитие товарно-денежных отношений, во-вторых — в отличие от основной территории Германии здесь разведение крупного рогатого скота как количественно, так и качественно преобладало над овцеводством. Обычно в хозяйстве количество коров (на считая молодняка) соответствовало количеству тягло-

вого скота — в среднем 8 коров и 8 вместе взятых быков и лошадей /30, s. 122; 150, s. 29/. Как уже упоминалось, в XVI в. в Мекленбурге (как и во всей Северной Германии) наблюдался растущий перевес количества лошадей над быками. Имеются сведения, что в 1530 г. на территории Рагсбургского епископата каждому из 19 крестьянских хозяйств принадлежало по 13 лошадей /30, s. 122/. В Висмаре в начале XVI в. каждый четверг состоялась продажа лошадей /XVIII, № 70, § 27/. О продуктивности коров известно, что около 1520 г. корова давала в среднем 10 литров молока в день /30, s. 122-123/. В то же время в одном хозяйстве содержалось — 4-8 овец, выращивание пород которых значение не придавалось, и около 4 свиней /30, s. 124; 150, s. 29/. Это говорит о существенном отличии от южной и западной Германии, где количество свиней в хозяйстве достигало даже 12-24 голов и где "овцевод-издольщик выступал как представитель, пусть зачаточного, но предпринимательского капитала" /7, с. 51/.

В вышеупомянутых условиях урожайность достигала сам-три, в редких случаях сам-четыре /150, s. 28; 68, s. 31-33/. Перечисленные виды сельскохозяйственной продукции характерны для всего Мекленбурга, что было обусловлено направленностью развития экономики всего северогерманского региона и его ролью на мировом рынке. В то же время среди отдельных областей собственно Мекленбурга существенной специализации на производство определенной продукции не существовало. Систему сельского хозяйства Мекленбурга в основном можно считать экстенсивной, поскольку с одной стороны в XVI веке продолжалось расширение пашни за счет целинных земель, с другой — не происходило сущест-

венное улучшение орудий труда. Исключением можно считать только крестьян, сидящих на землях непосредственно подчиненных князю Т.Н. "Domenialämter" /25; 32, s.61/. Бесспорным показателем интенсификации можно считать распространение кмельников /7, с.76/, но это относится лишь к определенной области сельского хозяйства. Повышение роли лошади в сельскохозяйственном производстве также явно свидетельствовало о прогрессе. Скотоводство в Мекленбурге не являлось наиболее мобильной и передовой отраслью сельского хозяйства, как это было на юге и западе Германии /7, с.4/. Но сам факт непосредственной близости крупного центра торговли скотом в Лябеке позволяет предположить, что скотоводство должно было внести значительный вклад в стимулирование развития товарно-денежных отношений в Мекленбурге.

Сельский производитель был связан с рынком двояко: в рамках внутреннего рынка, где осуществлялся обмен товарами между селом и городом, и в пределах системы внешнего рынка, где сельская продукция через местный город шла на экспорт. Спрос на внутреннем рынке определялся потребностью городов в продовольствии и необходимостью снабжения городского производства сырьем. Например, по приблизительным подсчетам Росток с 13 000 жителями нуждался в примерно 5 000 тонн зерна в год. Правда, часть этого спроса удовлетворялась за счет сельских имений города и отдельных горожан, которые составляли 16 650 га /68, s.31-33/. Однако остальное закупалось на рынке. К тому же значительная часть зерна шла на экспортную торговлю, роль которой в XVI веке постепенно росла. В связи с этим встречаются постоянные запреты и ограничения, изданные городскими совета-

ми ганзейских городов, на вывоз зерна, пока сырьем полностью не снабжено городское ремесло /68, s.43/. Особенно это относится к Висмару, который не имел сельских имений. Мелкие города, большинство из которых являлось т.н. "Lackerbürgerstädte", т.е. их жители одновременно были связаны как с ремесленным производством, так и с сельским хозяйством, отчасти сами себя снабжали зерном и другой сельскохозяйственной продукцией. О росте сбыта зерна на рынке свидетельствует и рост семенного зерна с 1511-1569 гг. приблизительно на 20% /32, s.59/. Естественно, спрос существовал на различную сельскохозяйственную продукцию. Даже жители тех областей Мекленбурга, где преобладали бедные песчаные почвы, продавали хмель и ячмень для городского пивоварения /150, s.28/. И так как значительная часть пива шла на экспорт, можно считать, что даже они были связаны не только с внутренним, но одновременно при посредничестве города и с внешним рынком /104, s.69-70/. Об обороте продуктов животноводства на рынке сведений нет.

При изучении включения деревни в товарно-денежные отношения важно не только изучение спроса на сельскохозяйственную продукцию, но в такой же мере анализ другой стороны этого процесса, т.е. определение покупательской способности крестьянина и феодала. Это прямо зависело от формы и объема феодальной ренты и других повинностей. Повинности, выполняемые крестьянином, можно подразделить на две группы: 1) исходящие из прав феодала-владельца земли, на которой находилось хозяйство крестьянина "grundherrliche Rechte" ; 2) исходящие от князя и коренящиеся в его власти правителя "Hoheitsrechte". К первым

относились: 1) фиксированная в ленном договоре рента (Hufzins), составляющая сравнительно небольшую сумму — около 2 любекских марок с гуфы /I50, s.29; 45, s.17-18/, которую самовольно повышать феодал не имел права; 2) барщина (Pflugdienst), упорно растущая с одного дня в три недели (в некоторых местах — в три месяца) в начале века до одного дня в неделю в середине и двух дней в неделю к концу века /II2, s.86-87; II5, s.132-135/. В результате в течение XVI века наблюдался заметный рост стоимости крестьянских хозяйств: увеличение объема повинностей повышало их ценность /II2, s.90; II5, s.123-124/;

3) 11-15 марок с хозяйства, в некоторых случаях до 17-20 марок /I50, s.30/, составляли разные денежные платежи (пошлины за дрова, сено, право выращивать хмель, пользование мельницей, мостами и др.) и натуральные платежи шерстью и другими продуктами хозяйства /26, s.49-51; 45, s.19-21/. Во вторую группу входили: 1) прямой государственный земельный налог (Bede), который подразделялся на регулярный (ordentliche Bede), составивший около 1 марки с хозяйства и просуществовавший до 1554 г., когда сумма была включена в ренту /I50, s.29/, и экстраординарный (Landbede), который взимался с согласия сословий в экстраординарных случаях и составлял 16 шиллингов с гуфы /26, s.46-49; 45, s.15-17/; 2) смешанный денежно-натуральный налог (Ablager), происходивший из необходимости в прошлом содержать странствующий двор и превратившийся в регулярный налог. Он составлял 3-5 шиллингов с гуфы. А также и натуральные платежи /26, s.49; XVII, s.125-130/; 3) строительная повинность (Burgdienst), т.е. участие в строитель-

стве и ремонте мостов, замков, дорог и др. В XVI веке эта повинность постепенно переходила в распоряжение знати и с тем самым меняла свой характер /II5, s.97-107/. По приблизительным подсчетам регулярные платежи вместе взятые достигали в среднем 15-20 л.марок, что составляло до 20% урожая /26, s.49-51; II3 s.83/. Сюда не входили экстраординарная "Landbede" и имперский поголовный налог "Kaiserschob".

Данная сумма была сравнительно высокой, если учесть, что шэффель (50 кг) ржи стоил 2,57 л.марок, бык - 15 л.марок, корова - 7,5 л.марок /150, s.30/. К тому же следует отметить, что при песчаных почвах Мекленбурга урожайность была низкой и остальных 80% урожая хватало только на выделение зерна для посева и прокормление семьи /II2, s.83/. Выше сказанное относится к владельцам 1-2 гуф, составляющим основную массу крестьян. Зажиточные крестьяне, владевшие 3-4 гуфами, имели возможность 30-40% урожая реализовать на рынке /81, s.190-192/. Феодал же в начале века в виде платежей получал около 40 л.марок и натуральной, идущих на нужды его семьи и дома. Основной источник обогащения образовала барщина, доходы от которой в начале века оценивались в 400-500 л.марках /81, s.190-192/. Продукция, полученная с помощью барщины феодалу позволяла выйти на рынок, где в XVI веке складывалась особенно благоприятная конъюнктура продажи продуктов сельского хозяйства, особенно зерна /II5, s.110-112/.

На рынке сельский поставщик попадал в неравноправное положение по сравнению с городским торговцем, права которого защищали цеховые привилегии, вследствие чего сельский житель

не получал за свой товар его денежный эквивалент /68, с. 48-56/. Данное обстоятельство и послужило в дальнейшем причиной для всевозможных попыток обойти городской рынок при продаже зерна. На наш взгляд, не следует преуменьшать степень вовлечения крестьянина в рыночные отношения. Не говоря о зажиточных крестьянах, продававших нередко до 40% урожая, твердо укоренившаяся в XVI веке осуществление феодальных платежей деньгами понуждало любого крестьянина поставлять часть своей продукции (как минимум 20%) на рынок, тем самым объективно включаясь в стимулирование развития товарно-денежных отношений.

Таким образом, с рынком были связаны все сельские жители (к сожалению, отсутствуют источники, показывающие, какими именно путями осуществлялась эта связь). В условиях растущей имущественной дифференциации и увеличения объема поставляемых товаров выделялось зажиточное крестьянство. Благоприятная конъюнктура на рынке сельскохозяйственной продукции стимулировала попытки феодалов включиться в производство зерна (известные уже с конца XV в.), но этому препятствовали существующие в начале XVI века небольшие площади барской запашки и феодального имени вообще. Результатом стало упорное стремление к увеличению барской запашки и барщины, которые приносили в условиях Мекленбурга основные доходы. В связи с характерной для рассматриваемых местностей сравнительно низкой урожайностью, решение данной проблемы в интересах феодалов было возможно только при помощи высокой нормы эксплуатации /23, с. II-13/.

Рост власти знати на местах, утрата территориальными властями контроля над экономико-политическими процессами в селе

В первой половине XVI века в Мекленбурге наблюдалась упорная борьба дворянства за экономическую, политическую, судебную и административную власть, которая уже в середине века привела к существенной его независимости в своих владениях. Предпосылкой этого была потребность расширить возможности эксплуатации крестьян для увеличения доходов, а также стремление взять в свои руки управление в сельских местностях, чтобы успешно бороться с городами за выгодную реализацию сельскохозяйственной продукции. Позиция князей в этом процессе была двойственной: с одной стороны они сами, как феодалы в своих имениях, преследовали аналогичные цели, с другой же, их интересам противоречил выход знати из-под контроля, что особенно ощутимо сказывалось на финансовых возможностях княжеской власти. Поэтому-то князья и стремились препятствовать росту власти дворянства.

Ширящаяся в XVI веке тенденция стремительного развития товарного производства, что в конкретных условиях Мекленбурга было связано с характерной для земель побережья Балтийского моря специализацией в производстве товарного хлеба, проводила экономическую активность поставщиков сельскохозяйственной продукции — как феодалов, так и крестьян. В условиях кризиса сеньеральных доходов это означало стремление феодалов к тому, чтобы участие в производстве сельскохозяйственной продукции осуществлять за счет барщины /18, с.43/. Для Мекленбурга, как

и вообще для колонизированных областей северной Германии, были характерны крупные по площади крестьянские хозяйства (в течение XVI в. они увеличились за счет целинных земель, которые в первое время даже и не входили в количество гуф /32, s.14-15/) и низкая урожайность. В результате феодал производство товарной продукции мог осуществлять только за счет крестьянского товарного производства, т.е., отнимая у крестьянина время на это производство и используя его для своего блага /81, s.II, 13,17/.

Основным средством феодалов в борьбе за независимость в своих владениях и за принуждение крестьян выполнять постоянно растущую барщину послужило присвоение судебной власти, условия для чего создавали постоянные финансовые затруднения князей. В первой половине XVI в. князья путем продажи или сдачи в аренду уступили знати функции высшей судебной власти на местах (низшая судебная власть по мере укрепления правовых функций феодалов стала от них зависимой). Параллельно была ликвидирована судебная власть княжеского фогта. Высшая судебная власть означала не только высшие политические, судебные и полицейские функции, но и право пользоваться повинностями (Hofdienste, Burgdienste), которые попав в руки знати были перенесены в сельское хозяйство, с которым по своему происхождению ничего общего не имели. Так как "Burgdienste" могли быть неограниченно увеличены, они стали существенным дополнением барщины. Таким образом, в ходе первой половины XVI в. судебная власть во владениях знати свой государственный характер потеряла. Крестьяне из поданных князя превратились в поданных землевладельца, и

вмешательство правителей во внутренние дела феодальных владений было исключено /77, s.286-288; II3, s.68-73; II8, s.54,66, 79-83/. Одновременно создавалась широкая основа для использования принудительного крестьянского труда. К сожалению, отсутствуют точные данные о постепенном увеличении феодального поместья и барской запашки в частности (известно только, как упоминалось выше, что в конце века площадь поместья достигла в среднем 400 га /II2, s.80/).

Рост власти феодалов и, соответственно, ослабление позиций князя необходимо рассматривать как постепенный процесс. Важными вехами которых стали заключенное в 1523 г. соглашение сословий, создавшее основу дальнейшему упрочнению их силы, и утвержденная в 1555 г. налоговая реформа, передавшая все права на сбор налогов сословиям, среди которых т.н. "рыцарство" было самым влиятельным /II2, s.79/. В результате князья лишились всякого контроля над доходами феодалов, к тому же и после этой реформы княжеская власть окончательно потеряла заинтересованность платежеспособности крестьянина и, следовательно, в дальнейшем не старалась идти навстречу его интересам. Крестьянин колонизированных земель Германии в силу слабого развития общины, имел по существу ничтожные возможности дать отпор посягательствам феодала на свои права, но объективно он являлся союзником территориальной власти в ее борьбе с растущим могуществом феодалов /82, s.896; 91, s.4/.

Известным завершением выше рассмотренного этапа возрастания правовых полномочий знати можно считать общегосударственный закон ("Polizeiordnung") 1572 года, хронологически выхо-

дящий за рамки изучаемого нами периода, но тесно связанный с ним по своей сущности. В переговорах сословий перед Гюстровским ландтагом 22 января 1572 г. знать потребовала узаконения права на возвращение по желанию дворян земель, ранее сданных в аренду крестьянам. На ландтаге 25 января это право было утверждено и потом (впервые в истории Мекленбурга) включено в общегосударственный закон /37, s.388/. Многие авторы считают закон о возвращении крестьянских наделов началом нового этапа закабаления крестьян, поворотным пунктом на пути к "вторичному закрепощению" и вместе с тем к полному развитию феодальной реакции /197, s.61; 37, s.365-388/. Если феодалы добились значительных успехов в замене власти фогта своими судебными функциями и в создании благоприятных условий для увеличения площади барской земли (т.е. создания фольварков), то в XVI веке еще нельзя говорить об утере крестьянами личной свободы.

На протяжении века была укрепилась личная зависимость крестьянина путем превращения повинностей в его личное обязательство, но землевладельцы не добились издания закона об обязательной выдаче беглых крестьян, хотя право на затребование беглецов ("Abforderungsrecht") являлось постоянным предметом их борьбы с городами и княжеской властью /37, s.384-385; II5, s.79, 81-83/.

Таким образом, в соответствии с характерными условиями Мекленбурга в первой половине XVI в. феодалы в своем стремлении к созданию поместья, где бы широко использовался принудительный крестьянский труд, шли по пути юридического подчинения крестьян с помощью концентрации в своих руках высшей су-

дебной власти, параллельно сохраняя сравнительно большие крестьянские наделы. С постепенным упрочнением позиций знати ослабла (и в конечном итоге была уничтожена) возможность прямого влияния территориальных властей на экономико-политические процессы в деревне. Об этом свидетельствует и победа знати в 1572 году, которая была итогом развития всей первой половины века. Одновременно безраздельное подчинение деревни как производителя экспортных товаров означало в перспективе мощное оружие в руках у знати в соперничестве с городами.

Анализ развития сельского хозяйства первой половины XVI века в Мекленбурге показывает, что роль данной территории в международном разделении труда послужила существенным стимулом расширения производства, но и одновременно привела к борьбе разных социальных групп за растущие доходы.

Хотя Мекленбург в целом образовал экономический тыл ганзейских городов и основная направленность его значительного развития была подчинена их ориентации на внешний рынок, на производителя больше влияли особенности развития внутреннего рынка, так как именно с ним он был связан непосредственно и только через него товар попадал в экспортную торговлю.

В сельском хозяйстве Мекленбурга в начале XVI века не наблюдались заметные ростки капиталистического производства — здесь зарождались условия для широкой интенсификации производства, не встречались элементы предпринимательства, не существовала хозяйственная дифференциация в рамках княжества. Однако специализация всей территории в целом несомненно оказывала существенное воздействие на уровень развития товарно-денежных

отношений и на каждого производителя отдельно.

Развивавшаяся в первой половине века имущественная дифференциация среди крестьянского населения способствовала выделению зажиточного крестьянина. Он стал основным поставщиком сельскохозяйственной продукции в город, когда большинство крестьян вступало в торговые отношения только, чтобы получить деньги для уплаты феодальных платежей.

Феодалы, хозяйства которых в начале века были еще небольшими, слабыми, из-за конъюнктурных соображений стремились к увеличению барщины, что им удавалось по мере концентрации в своих руках высшей судебной-административной власти в селе.

Переход местной власти в руки знати повлек за собой как экономические последствия — временное приостановление перспективы развития ростков капитализма не только непосредственно в сельском хозяйстве, но и в экономике региона в целом, так и политические — возникновение мощной оппозиции знати самостоятельной политике княжеской власти.

§ 2. Городское хозяйство, социальный состав жителей, система управления и политический статус города

Передовую роль в развитии товарно-денежных отношений во всем северогерманском регионе играла Ганза, хозяйственная деятельность которой была ориентирована главным образом на транзитную торговлю. Именно через Ганзу данные территории стали членами всеевропейского рынка и в XVI веке приобрели

особое значение как поставщики сельскохозяйственной продукции (особенно зерна). Мекленбургские ганзейские города — Росток и Висмар, которые держали под своим контролем связи внутреннего рынка территории с внешним рынком, что в условиях XVI века приобретало особо важное значение, лидировали в экономической жизни княжества. Другие города явно отставали от ганзейских по количеству населения и экономической мощи. Особенности социальной структуры города, определявшиеся экономикой, формировали различные типы их управления. В зависимости от своего политического статуса города играли разные роли в соперничестве с растущим могуществом знати и в отношениях с княжеской властью.

Место города в демографической картине Мекленбурга. Городская экономика и развитие раннекапиталистических элементов в ней

Точное количество городов Мекленбурга в первой половине XVI века установить трудно, поскольку, с одной стороны, менялись границы герцогства, с другой — сложным является вопрос о причислении небольших торговых центров (Flecken, местечек) к городам. Имеются сведения, что в начале XV века в Мекленбурге существовали 42 города /71, s.182; 86, s.10/, а к концу XVIII века — 59 /99, s.3-6/. Выразительным показателем является количество городского населения Мекленбурга по сравнению с другими территориями северной Германии. Мекленбург отличался большим количеством мелких городов. Численность городского населения достигала от 45 000 человек в Померании — Рюген до 50 000 — в Шлезвиге — Гольштейне и Мекленбурге. В то же время

количество городов в Мекленбурге почти вдвое больше, чем в указанных землях /71, s.182/. Более того — из 50 000 горожан Мекленбурга население двух ганзейских городов составляло более чем 20 000 человек, т.е. свыше 40% всего городского населения /127, s.22; 80, s.100/. Основная масса мелких земских городов не насчитывала более 1 000 жителей, кроме Шверина (около 2 000), Пархимы (более 2 500), Малкина (около 1 500) и Гадебуша (около 1 000). Самым маленьким по количеству населения был Любтен с 66 жителями. Необходимо отметить, что отсутствуют исчерпывающие данные о количестве населения всех мекленбургских городов /77, s.271; 97, s.261/.

Во главе экономического развития Мекленбурга стояли Росток и Висмар. Возможности сохранения своего особого положения в территориальном государстве заключалось в принадлежности этих двух городов к ядру Ганзы — к ее правящей группировке, т.н. вендским городам во главе с Любеком, в составе которой они играли второстепенную роль и зависели от Любека как в экономической, так и в политической деятельности. Несмотря на безусловно ведущее место в пределах Мекленбургского герцогства, среди городов Ганзы Росток и Висмар характеризовались как "средние" (*Mittelstädte*). По имперским масштабам они соответственно находились на 12 и 14 местах (по численности населения), т.е. наравне со швабскими имперскими городами /131, s.6/. При сравнении между собой этих двух наиболее значительных мекленбургских городов, наблюдается перевес Ростoka. Если в первой половине XV в., судя по объему военной подати, представляемой городами союзу, Росток и Висмар стояли на рав-

ных позициях, то в начале XVI в. Висмар уже почти в два раза отставал от Ростова /140, s. 15/, что говорит об относительном сокращении экономического потенциала Висмара. В основе данной ситуации лежит комплекс сложных социально-экономических и политических перемен на южном побережье Балтийского моря в начале XVI века, которые коренятся в расцветающей торговле зерном. Росток, опираясь на свои определяющие позиции на реке Варнов, доминировали в Мекленбурге и успешно осваивали широкие территории вокруг бассейна Варнова (*agrarisches Hinterland*), подчиняя их своим торговым интересам. Горожане и институты Висмара, в свою очередь, не располагали собственностью на землю, в следствии чего город был окружен территориями, принадлежащими Либеку или же являвшихся зоной влияния Ростoka. Глубокий аграрный тыл позволил Ростoku на протяжении XVI века опередить не только Висмар, но и померанский город Штральзунд, который являлся ближайшим соседом и конкурентом Ростoka в Либекской группе.

В XVI в. изменения в европейской торговле и политической структуре Германии привели к безусловному упадку политического влияния Ганзы. Но в то же время, как признают большинство современных исследователей, в XVI веке нельзя идентифицировать политическое влияние и экономическую мощь. В хозяйственной жизни многих ганзейских городов регресс не наблюдался /52, s. 947/. Непосредственным полем действия Ганзы являлся товарооборот, причем посредническая торговля уже в конце XV века приносила до 39% прибыли /10, с.15/. Соответственно - ремесло в Ростoke и Висмаре значительно отставало от торговли, хотя

было разносторонне дифференцировано /13, с.15-17/. Ремесленники этих ганзейских городов почти целиком работали на нужды самих городов и их ближайшей округи. На локальный сбыт работали 2/3 ремесленников, 1/9 обслуживала торговлю непосредственно /144, с.153-154/. С XVI века созывались общие собрания представителей цехов вендского региона, которые регламентировали цеховое производство во всех вендских городах на основе единых принципов. Данный факт, с одной стороны, является свидетельством известной автономии ганзейского города в Мекленбургском княжестве, с другой стороны, доказывает строгую регламентацию простого товарного производства в двух ведущих городах территориального государства. Только 2/9 ремесленного населения ганзейских городов были связаны с производством товаров на экспорт, в первую очередь, с обработкой сельскохозяйственной продукции /144, с.154/. Именно в таких отраслях рождались относительно ранние формы капиталистического производства. По объему они составляли меньшую часть городского экономического организма, но по принципам организации являлись передовыми. Элементы капиталистического производства, в отличие от Южной Германии, раньше всего проникали в производство пива, кораблестроение и мельничное дело — отрасли производства, в которых отсутствовала цеховая организация, и куда вкладывал свои капиталы патрициат и контроль над которым осуществляло должностное лицо в городском совете (Brauherr, Lastadienherr, Mühlenherr) /51, с.34-35/.

На протяжении XIV-XV веков производство пива выдвинулось как основная отрасль, работающая на экспорт и производящая

товар исключительно для сбыта на рынке /104, s.73-74/. При изучении данной отрасли городской экономики важно проанализировать виды и способы вкладывания капиталов в пивоваренное дело, принципы организации труда в нем и связи с деревней, осуществляемые через снабжение данной отрасли сырьем. Именно деятельность богатых торговцев, связанная с крупными капиталовложениями в пивоварение, стимулировала его развитие. Они одновременно торговали зерном, солодом и мукой, и являлись владельцами пивоваренных предприятий и кораблей — т.е., имели тесные связи как с поставщиками сырья, так и с потребителями. Организационные принципы крупных пивоваренных предприятий можно оценивать как капиталистические. Противоположные — консервативные позиции занимали мелкие пивовары, которые тяготели к цеховой организации /104, s.74/. С другой стороны, не весь вложенный в пивоваренное дело капитал превращался в промышленный, поскольку право на производство пива (Braurecht) числилось за участком земли или домом и в отдаленности от них не эксплуатировалось. Это давало возможность владельцу, который непосредственно пивоварением не занимался, сдавать в аренду участок или дом, и таким образом превращать это право в своеобразную ренту /104, s.75/. Производство пива было сосредоточено в руках богатейших семей. Работу выполняли наемные рабочие. Как показывает К.Фритце, пивоваренное дело было прямо противопоставлено цеховой организации, особенно в Висмаре, где в 1427-30 гг. был издан ряд законов, запрещавших владельцу "Braurecht" заниматься ремеслом /69, s.19-20/.

В городской экономике почти равное место с производством

ства занимало кораблестроение, в котором организация труда стояла близко к мануфактурному принципу. К.Ф.Олехнович, исследовавший развитие кораблестроения ганзейских городов, доказывает бесспорное наличие элементов раннекапиталистического производства в этой отрасли в XVI веке /I25; I44, s. I55/. Формой организации в кораблестроении, подобно горной промышленности Кра, являлись паевые сообщества (Partnereederei), выросшие из более простых сообществ кораблестроителей (Baugemeinschaft). Разница состоит в том, что паевые сообщества XVI века охватывали не только строительство, но и эксплуатацию кораблей. По книгам кораблестроительных предприятий видно, что паи держали представители городского совета. Учитывая тот факт, что Любекское право запрещало членам совета заниматься ремеслом, становится ясным, что и в глазах современников они не являлись кораблестроителями в обычном смысле этого слова. Руководство работами осуществляло специальное должностное лицо (Schiffer), бывшее ранее одним из держателей паяв, но поставленное в XVI веке в положение наемного служащего /I25, s. 43-45/. Среди непосредственных кораблестроителей особую роль играли плотники (Schiffeszimmerleute), о квалификации которых заботился сам совет, запрещая наем иногородних мастеров и в то же время призывая корабельных плотников — горожан данного города к своему месту жительства. Они также как и другие ремесленники, работающие на строительстве кораблей (Werkleute), были объединены в цехи (в Росток с 1504 г., в Висмаре только с 1621 г., хотя уже в XV веке существовали товарищества, имевшие строгий устав) /I25, s. 68-72/. Все строители кораблей получали на все

времени года регламентированную поденную зарплату /I25, s.I22-I23; I26, s.3I8; I44, s.I55/. О росте значимости корабельного дела для городской экономики свидетельствует появление в составе городского совета в XVI веке новых должностных лиц, контролирующих морской грузовой транспорт (Frachtherren, Strandherren) /5I, s.35/.

Мельничное дело не играло такой важной роли в городском хозяйстве как кораблестроение и производство пива. Известен факт, что уже в XV веке существовала монополия членов городского совета на переработку зерна. Крупными торговцами - членами Ростокского совета были приобретены 14 мельниц в бассейне Варновн, руководство эксплуатацией которых было доверено специальным должностным лицам. Работали на них наемные рабочие. Позже - в XVI-XVII веках во многих городах в мельничном деле возникли цехи /69, s.I9/. Данное явление объясняется закономерной реакцией городского ремесла, в первую очередь отрасли прямо связанной с сельскохозяйственным производством, на процесс рефеодализации.

При изучении раннекапиталистических форм в экономике ганзейских городов, исследователи, учитывая гибель ростков капитализма на протяжении XVI века, всегда интересовались вопросом о сущности характера капиталовложений в производство и признают, что: 1) вложение торгового капитала в раннекапиталистические формы производства (мельницы, пивоварение, кораблестроение) можно считать прогрессивным; 2) параллельно - действие торгового капитала в судах и частично в приобретении права на пивоварение с целью спекуляции можно считать паразитичес-

ким; 3) При доминанте внешней посреднической торговли, в условиях "укрепления позиций знати" и в результате совокупности множества других местных исторических особенностей, возникшие в конце XV/начале XVI веков в ганзейских городах раннекапиталистические формы производства, не получили дальнейшего развития. До середины XVII века здесь господствовало простое товарное производство.

"В стороне от рек и торговых путей", отметил Ф.Энгельс, характеризуя экономическую ситуацию в Германии в начале XVI в., "лежало множество более малых городов, которые, оказавшись исключенными из широкого обмена, продолжали безмятежно прозябать на уровне жизни позднего средневековья; они довольствовались лишь незначительным потреблением привозных товаров и незначительным производством их на вывоз" (Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии, с.347). Хозяйственной функцией мелких городов Мекленбурга являлись производство и обмен товаров местного значения, которые в отдельных случаях даже в условиях наступления феодальной реакции в первой половине XVI в. приобретали известный размах (например, расцвет обработки шерсти в Пархиме и Фрицланде) /69, s. 23/. Об уровне развития ремесла в этих городах свидетельствует объединение ремесленников в цехи, количество которых в наиболее значительных в этом смысле городах достигало 7-10 (Нойбранденбург, Малкин, Фрицланд, Тетеров). Среди них ведущее место, как правило, занимали сукноделы. Так же и верхняя прослойка торговцев была также объединена в гильдии (в Пархиме, Густрове, Нойбранденбурге, Малкине, Фрицланде, Штейрнберге, Тетерове и др.). Характерно, что торговцы данных

городов занимались в первую очередь скупкой и перепродажей продукции сукноделия, вытесняя непосредственных производителей с рынка. Они были объединены в так называемые гильдии закройщиков сукна (Gewandschneider) /VI J, s.177-279/. Подобные гильдии возникли в начале XVI века даже в городах - резиденциях знати (Лааве, Нойкалене, Рёбеле, Кракове, Кривице и др.), что говорит о высоком уровне развития и широком распространении обработки шерсти в Мекленбурге /VI J, s.177-279/.

О других направлениях развития городской экономики имеются косвенные свидетельства. Это упомянуты в источниках XVI века представители городского совета, занимавшие должность ответственных за определенную отрасль городского хозяйства, т.е. "Ratsämter" (Mühlherr, Bauherr, Ziegelherr и др.).

С другой стороны мелкие города выполняли функцию связующего звена надлокальных или даже интернациональных связей, т.е., играли роль "передового поста" для городов ведущих внешнюю торговлю в их связях с внутренним рынком, снабжая их своей продукцией и принимая товар для дальнейшего распространения. В данном смысле особенное значение мелкие города приобрели в XVI веке в связи со своим "аграрным тылом" (agrarisches Hinterland) /93, s.122/. Тот факт, что в жалобах мелких городков князь неоднократно поднимается вопрос о правах городков на скупку сельскохозяйственной продукции в своей ближайшей окрестности, а также и обсуждение подобных проблем на ландтаге (в первую очередь по отношению к зерну), говорит о большом значении функции локального торгового центра в экономике городков /VI A, s.162; B, s.164; D, s.164; E, s.163/.

Нельзя забывать и социально-демографическую значимость мелких городков как перевалочного пункта на пути передвижения населения из села в крупный город /131, s. 15/.

Западноевропейская новейшая историография указывает на необходимость любой город рассматривать как составную часть группы городов, т.е., совокупности, в которой происходит разделение труда между членами. При этом применяется новый термин "экономическая территория" (*Ökonomische Landschaft*) /140, s. 37-38/. Пока неизвестно, в какой мере и все ли города Мекленбурга в первой половине XVI в. были включены как составные звенья в экономическую систему, подчиненную ганзейским городам, но факт обсуждения вопросов торговой деятельности мелких городов на ганзетагах сам по себе свидетельствует о заинтересованности Ганзы в их хозяйственном развитии (IX, № 103, § 30). Характер городской экономики Мекленбурга говорит о явно выраженной однонаправленности. С одной стороны, ганзейские города, которые по количеству населения с точки зрения общих цифр народонаселения немецких городов относились к "средним", их сфера деятельности выходила далеко за пределы Северной Германии, и они безраздельно доминировали в экономическом организме Мекленбурга, подчиняя по мере необходимости территории княжества своим торговым интересам и концентрируя в своих руках всю внешнюю торговлю Мекленбурга, что позволяло им сохранить свое будущее положение. С другой стороны, половина мелких городов являлась только торговыми местечками ("Flecken"), расположенными в отдалении от основных торговых магистралей, что сковывало развитие их хозяйства.

Социальная структура городов и городское управление. Место города в политической системе территориального государства

Характеру экономического организма городов соответствовала их социальная структура и особенности политического управления. И здесь следует отличать ганзейские города герцогства от остальных. У них иное соотношение различных слоев горожан и абсолютный количественный состав конкретных групп населения, а также типы городского управления. Соответственно, разные места занимали они и в политической системе княжества.

В Ростове и Висмаре самоуправление осуществлял городской совет, прерогатива которого была регламентирована Любекским правом /79, S. 25/. Совет состоял из 4-6 бургомистров и около 20 советников /51, S. 24/. В XVI веке члены городского совета выходили, как правило, из замкнутого круга семей (*fahfähige Familien*), принадлежащих к верхним слоям, т.е. патрициату. Члены патрициата сосредотачивали в своих руках не только внешнюю торговлю и определенную часть производства, в основном связанную с экспортом, но также и владели собственностью на землю как в городе, так и за ее пределами. Так, например, из известных 55 членов городского совета Ростова (1490-1530) 12 владели пивоваренными предприятиями, 5 - мельницами, 5 - земельными участками, 1 - строительным предприятием /140, S. 37-38/. Многие немецкие историки с целью изучения социальной структуры ганзейских городов (в частности Ростова и Висмара) обращаются к анализу прямого городского на-

лога "Schob". Их исследования свидетельствуют о том, что торговцы в этих городах составляли 12-15% горожан (44, s. 228-230; 144, s. 158). Среди них 3-7% относились к I и 2 категориям имущества и образовали городской патрициат. В то же время нельзя абсолютизировать данные списков, поскольку, во-первых, непосредственно членами совета налогом не облагались, во-вторых, объем имущества не всегда соответствовал политическим правам его владельца /151, s. 131/. Так, например, к концу XV века в ганзейских городах параллельно с консолидацией кругов городского совета образовалась прослойка из горожан, принадлежащих к высшим имущественным категориям Т.Н. "erogesezene Bürgerschaft", избранные представители которой созывались в случаях особой опасности в помощь совету, но, в принципе, являлись частью оппозиции, так как в совете постоянно не участвовала /151, s. 138/.

Средние слои горожан - мелкие торговцы и цеховые мастера, деятельность которых ограничивалась местным рынком, составляли около 30% горожан. Если верхняя прослойка (крупные торговцы) - была константной, что способствовало сохранению ее неизменно ведущей роли в городской жизни, то количество ремесленного населения на протяжении XIII-XVI веков постепенно сокращалось с 60% до 20-35% /114, s. 16; 42, s. 228; 131, s. 18; 142, s. 349-351/. Причина подобного явления кроется в замыкании цехов и в глубокой дифференциации среди городского населения в условиях развития раннекапиталистических элементов в производстве, что влекло за собой количественный рост плебейских слоев.

В городе неограниченно правил патрициат. Городской совет только информировал собрание бюргеров о новейшем законодатель-

стве (перед собранием раз в год (или чаще) в определенный день была прочтена т.н. "Bürgerrechte" — утвержденный городским советом свод законов, в основном с полицейским содержанием) /39, s. 98/. Количественно значительная средняя прослойка согласно Любекскому праву была полностью отстранена от городского управления и образовала постоянную оппозицию правящей верхушке. В условиях разных политических обострений бюргерская оппозиция выбирала особый представительный орган — бюргерскую коллегию ("Bürgerausschuss") с целью осуществления контроля над выборами в городской совет, над сбором налогов, над деятельностью "Ratsämter" и над городскими земельными владениями. Так, например, были составлены "коллегия шестидесяти" в 1487 году в Ростоке, "коллегия сорока" в 1524 г. в Висмаре, "коллегия шестидесяти" в 1531 г. в Висмаре, "коллегия шестидесяти четырех" в 1531 г. в Ростоке. Коллегии представляли всех вносящих налог горожан, не принадлежащих к патрициату. Ввиду своего неоднородного состава "Bürgerausschuss" не были способны осуществлять постоянное влияние на политику города /140, s. 120-139, 160/.

Плебейские слои мекленбургских ганзейских городов на протяжении XIV—XVII веков достигли в среднем 63% всего городского населения /41, s. 228-230; 42, s. 228; 144, s. 158; 114, s. 16/. К ним причислялись подсобные рабочие торговли, ученики и подмастерья, нецеховые мастера, слуги, мелкие торговцы и городские пауперы. Политическими правами они не располагали. Плебейская прослойка, как наиболее многочисленная часть городской оппозиции, сыграла значительную роль в борьбе горожан против едино-

власти городского совета. В то же время ее цели расходились с интересами бургерской оппозиции, поскольку она была отстранена от выборов в бургерский совет /163, s. 421/. Ближайшей целью политической борьбы плебейской оппозиции в начале XVI в. было представительство в "bürgerausschuss" всей городской общины /140, s. 159, 193, 201-209/.

Особенности социальной структуры ганзейских городов определяли их политическую позицию в рамках территориального государства. Характерное для Мекленбурга несовпадение территориально-политического образования — герцогства с экономическими регионами Ганзы вело к противопоставлению экономических интересов ганзейских городов хозяйственной политике партикулярных властей.

В XV—XVI вв. развернулось наступление князей на права ганзейских городов с целью подчинения их экономическим интересам территориального государства. Этот процесс развивался параллельно с утратой князьями контроля над феодальной знатью. Города вступали в борьбу как со знатью, так и с герцогами с помощью разных средств экономического и политического воздействия на противника (см. III главу), среди которых наиболее характерной для начала XVI в. является т.н. "территориальная политика" — приобретение земель вокруг города, чему способствовали постоянные финансовые затруднения феодалов /63; 130, s. 29, 34-38/. Землей владел сам город, разные институты в его пределах (в основном церковные), корпорации и частные лица. Приобретались территории и населенные пункты вокруг важнейших магистралей (в первую очередь, в бассейне реки Варнов) с целью гарантиро-

вания безопасности торговли не только от разбойников, но и от знати и князя. Эти владения играли значительную хозяйственную роль. В начале XVI века Росток принадлежали 15 селений, которые давали 9% всех доходов города /68, s.57-68; 62, s.236/. Таким образом, процесс приобретения земельных владений необходимо оценивать с двух позиций: 1) как выражение политических амбиций и претензий города на политическую власть в государстве и как вынужденное средство защиты; 2) как шаг к разрушению монополии знати на владение землей, что приобретало особое значение в условиях начала XVI в., когда земельные владения становились источником стабильных растущих доходов. В самом городе личные владения членов патрициата вызывали постоянные нарекания со стороны биргерской оппозиции, особенно по отношению к членам городского совета. Такие землевладельцы (около 20 семей горожан Росток в конце XV в., живущих в основном на доходы от земельных владений /76, s.21/) не всегда придерживались достаточно последовательной политики в борьбе города с феодальной знатью и княжескими властями, т.е. в известной мере их позиция приближалась к позиции знати. В то же время вливание городского капитала в сельское хозяйство было объективно противопоставлено феодальной форме собственности на землю и укрепляло позицию города.

Росток и Висмар формально считались городами, подчиненными князю ("Landstädte"), но фактически занимали привилегированное место в политической системе Мекленбурга. На ландтагах их представители сидели отдельно от представителей других городов. Позже, во второй половине XVI в., они не были подчине-

ны административному делению на округа ("Kreis") и не должны были свои действия согласовывать с головными городами округа ("Vorderstädte") /79, s.57/.

Абсолютное большинство мекленбургских земских городов, которые были основаны и развились около светских или церковных феодалов (обычно на месте древних торговых мест или, как например, Шверин, в качестве искусственно созданных географических центров определенного региона /133, s.17/) находились в полной или частичной зависимости от них. Города, развивавшиеся как торгово-ремесленные центры, достигли закрепления за ними городского права. В Мекленбурге были распространены 4 вида городского права: 1) Любекское (на севере Мекленбурга – без ганзейских городов еще 13); 2) Шверинско – Гюстровское (на территории бывшего владения Верле-Гюстров); 3) Пархимское (на территории владения Пархим – Рихенберг); 4) Бранденбургское (Штендальское) (в земле Штаргард бывшей территории Померании) /77, s.308/. Необходимо отметить, что Шверинско – Гюстровское и Пархимское право является внутриземельными ответвлениями Любекского, т.е. первые три группы городского права, распространенные в Мекленбурге, принадлежат к одной "семье". В свою очередь Бранденбургское (Штендальское) право является вариантом Мегдебургского /36, s.266; 59, s.237-239; 96, s.86; 133, s.37/. Основное различие между данными группами городского права заключается в судебном законодательстве: в вариантах Любекского права отсутствует институт шеффенов и низшую судебную власть осуществляет фогт с двумя городскими советниками, заседавшими вместе с ним (в Бранденбургском праве – шульц с

шеффенами) /77, s.309/.

Городской совет состоял обычно из 2 бургомистров и (в среднем) из 8 членов совета /YI, s.177-279/. Объем полномочий городского совета во многом зависел от экономической мощи города. Только в XVI веке и в нескольких наиболее значительных земских городах Мекленбурга возникли отрасли городской экономики, которыми управлял городской совет и которые были связаны со строительством, переработкой зерна, финансами /79, s.25/.

Города в сословной системе Мекленбурга образовывали часть земского сословия "Landshaft", где ганзейские города занимали особое положение — на ландтагах они сидели отдельно и свое мнение с другими городами не согласовывали. От имени всех остальных выступали бургомистры Гюстрова, Нойбранденбурга и Шверина (городов, ставших во второй половине XVI века после административной реформы центрами соответствующих округов) /79, s.52-53; 87/. Как отметил Г.Белов, в недопущении всех городов в ландтаг выражалась тенденция князей ограничить количество противников на ландтаге, а также часто и стремление маленьких городов к экономии средств. В свою очередь выбор ведущих городов в каждом конкретном случае определялся своими частичными соображениями /29, s.212-215/. Если рассмотреть мекленбургские "Vorderstädte", то видно, что они, во-первых, относятся к числу экономически сильнейших (они принадлежат к группе тех, которые после разделения земли в 1520 г. остались в числе неразделенных 12 городов; без ганзейских городов и трех выше упомянутых городов к таким еще были отнесены Пархим, Фрицланд, Варен, Рёбель, Малкин, Штернберг, Тетеров), во-вторых, каждый

из них являлся центром определенного исторически - географического региона.

Девять из мекленбургских городов не располагали вообще никаким городским правом (т.н. "Mediatstädte"). К таким относились Брюэль, Кривиц, Хагенов, Лааге, Либц, Нойштадт, Рена, Тессин, Варин /77, s. 309/. Историки, исследовавшие особенности городского права мелких городов Германии, указывают на прямую связь между наличием и особенностями городского права с одной стороны и количеством населения и характером экономики города с другой /35, s. 135-136; 137, s. 198-199/.

Большая часть мекленбургских городов, основанных во времена колонизации, не располагала достаточной экономической мощью для приобретения независимости от феодальных сеньеров. Те из них, которые были расположены близко к сухопутным торговым путям (в основном возникшие на месте бывших славянских торговых центров) пользовались частичной независимостью в производственных, торговых и судебных делах. В XVI веке, в условиях феодальной реакции и роста соотношения сил в пользу феодальной знати, перспективы движения данных городов к самостоятельному развитию существенно уменьшилось. Особенно этому способствовало частичное слияние правящей верхней прослойки горожан со знатью в результате приобретения горожанами ленных владений и проникновения отдельных представителей знати в городской совет /VI A, s. 163; D, s. 166/. Городское законодательство и общественная мысль мелких городков так настойчиво не боролись против тенденций к слиянию городской верхушки с феодальной знатью, как это наблюдалось в ганзейских городах, где послед-

ствия подобного явления грозили утратой экономической и политической самостоятельности.

От управляемых патрициатом портовых городов, ведущих внешнюю торговлю, с количеством населения, позволяющим поставить их в ряд "средних" по имперским масштабам, явно отличались остальные внутриземельные мелкие земские города и торговые местечки — центры товарообмена локального значения, в которых властвовала цеховая верхушка или которые вообще не имели городского права. В первой половине XVI века эти мелкие города, являвшиеся составной частью экономического тыла ганзейских городов, еще играли прогрессивную роль в развитии товарно-денежных отношений региона. Однако в ходе развития процесса феодализации (при этом нельзя забывать, что феодальные элементы во многих случаях участвовали в управлении самих городков) они на долгое время теряли эту функцию.

Соответственно, ганзейские и остальные города Мекленбурга занимали различные места в политической системе территориального государства. Росток и Висмар, формально занимая статус земских городов, реально пользовались равными привилегиями с имперскими городами, и проводили политику, направленную на независимость от княжеских властей, тогда как мелкие земские города находились в полном ее подчинении.

Таким образом, перед нами две типологические группы городов, в выделении которых основным исходным критерием являются особенности их экономического организма, зависящие от уровня и специфики развития товарно-денежных отношений в регионе и определяющие в свою очередь социально-политическую

структуру города. В зависимости от своих экономических возможностей и политического статуса, города Мекленбурга занимали различные позиции как по отношению к растущим притязаниям феодальной знати, так и к наступлению княжеских властей на права городов.

Анализ экономического и социального развития Мекленбурга в первой половине XVI века позволяет сделать следующие выводы.

1. Особенности социально-экономических процессов не дают основания говорить о широком распространении элементов капиталистического способа производства. Внутренний рынок, степень развития которого является существенным показателем уровня развития капитализма в государстве, в Мекленбурге в первой половине XVI века только зарождался.

2. Переориентация сельского хозяйства, становление отраслей, производящих товары, происходили на основе феодальной эксплуатации крестьян и привела на последующем этапе развития к широкой феодальной реакции. В сельском хозяйстве Мекленбурга товарное производство получило распространение лишь постольку, поскольку оно было связано с европейским хлебным рынком и поскольку сельское хозяйство служило поставщиком сырья для производства ганзейских городов, работающего на экспорт. В самой организации сельскохозяйственного производства раннекапиталистические элементы не наблюдались.

3. В условиях распада Ганзы как надлокальной системы менялся характер производства в ганзейских городах Мекленбурга: наметились известный расцвет ремесла, переориентация на экспорт собственной продукции, старание опираться в торговле на

местные ресурсы. Это создавало основу для зарождения некоторых раннекапиталистических элементов в городской экономике и послужило стимулом для расширения связей с внутренним рынком Мекленбурга. Но в условиях правления патрициата, концентрировавшего в своих руках основную часть торгового капитала, предпринимательская деятельность носила ограниченный характер. Мелкие города действовали преимущественно как центры локального рынка, который с начала XVI века значительно расширился, но был подчинен в направлении своего развития абсолютной доминанте внешней торговли.

4. Включение Мекленбурга через его внешнюю торговлю в связи мировой торговли послужило мощным стимулом для развития товарно-денежных отношений, но скованность внутреннего рынка содействовала подчинению товарного производства феодальной организации труда.

5. Развитие товарно-денежных отношений в конце XV — начале XVI веков требовало соответствующих изменений в надстройке. Однако степень их осуществления зависела от отношения сил между княжеской властью и земскими сословиями. Их место в политической системе территориального государства и отношение к проявлениям княжеской политики определялись итогами социально-экономического развития, то-есть экономическими и политическими интересами и возможностями оказывать влияние на государственную политику в конкретных условиях Мекленбурга в первой половине XVI века.

Глава III. РОЛЬ ГОРОДОВ, В ОСОБЕННОСТИ РОСТОКА И ВИСМАРА, В ВЫРАБОТКЕ ПРЕДПОСЫЛОК И РАСПРОСТРАНЕНИИ РАННЕАБСОЛЮТИСТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ КНЯЖЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Экономическое развитие Мекленбурга, административно-политические преобразования в соседних территориях, а также изменения в имперской внутренней политике в конце XV — начале XVI веков способствовали проведению ряда реформ в административно-бюрократическом, финансовом и судебном управлении княжества и раскрыли путь к подчинению церковных институтов светской власти. Целями, которые преследовали в этом процессе территориальные правители, являлись экономическая самостоятельность по отношению к земским сословиям своего княжества, политическая независимость от империи и подражание в формах управления сильнейшим территориальным владениям Германии (Саксонии, Баварии, Бранденбургу). Ослабление имперской власти и преобладание региональных интересов в международных отношениях лежали в основе тенденции к проведению самостоятельной внешней политики. Многие аспекты внутренне- и внешнеполитического курса Мекленбурга в первой половине XVI века могут быть оценены как элементы раннеабсолютистского правления.

В условиях Мекленбурга с его прочными экономическими позициями земских сословий, последние имели своей целью и могли ощутимо влиять на направленность княжеской политики. С одной стороны — тенденция к подчинению экономического потенциала

сословий финансовым интересам княжеских властей, что являлось ядром всех реформ первой половины XVI века, служила мощной движущей силой преобразований в управлении территориального государства. В то же время цели, которые каждое из земских сословий намеревалось достичь с помощью консолидации и централизации княжества, определяли степень их заинтересованности в проведении реформ и соответственно — предел оказания поддержки княжеской политике. Города со своей передовой экономикой и возможностями в политике опираться на внешние силы (через Ганзу) в этом процессе играли особую важную роль.

Взаимодействие городов и княжеской власти в политическом развитии Мекленбурга в первой половине XVI века, с целью определения его исторического значения должно рассматриваться, во-первых, как постоянно развивающийся процесс, во-вторых, на фоне сравнения с другими территориальными государствами Германии и с учетом места и роли Мекленбурга в северо-германском регионе.

§ I. Процесс консолидации территории и укрепление позиций княжества и его ганзейских городов на международной арене

В XV—XVI веках происходила консолидация национальных государств Европы. В раздробленной Германии это нашло отражение в укреплении отдельных партикулярных владений. Связанная с этим потребность правителей Мекленбурга в регулярных доходах с подвластной территории создавала почву для объективной необходимости сплочения его как единой целой территории. Осу-

ществление этой цели достигалось двумя основными путями:

1) борьбой за суверенитет и внутреннее единство территории — против раздробления ее между правителями и за уничтожение чужих владений в границах княжества; 2) укреплением границ и созданием выгодного для княжества международного положения.

В условиях образования единого внутреннего рынка в пределах княжества и роста значения связей с внутриземельными областями в торговле ганзейских городов, мекленбургские города проявляли активную заинтересованность в консолидации и политическом укреплении княжества. В то же время Росток и Висмар оставались связанными с интересами Ганзы и в пределах возможного продолжали опираться на ее уже угасающую политическую силу ради сохранения своего привилегированного положения в территориальном государстве.

Содействие городов процессу территориальной консолидации княжества

В 1504 г. в Висмаре между сыновьями умершего в 1503 г. князя Магнуса III, в соответствии с его завещанием, был заключен договор о совместном правлении.¹ Содержание этого догово-

¹ Территория Мекленбурга впервые была объединена в 1471 г. во время правления Генриха IV, за исключением шверинского и рацебургского епископатов. После смерти Генриха IV в 1477 г. и недолгого совместного правления его трех сыновей, Мекленбург был разделен на две части между Магнусом III и Альбрехтом VI (Бальтазар отказался от участия в правлении), но в 1483 г. после смерти Альбрехта VI воссоединен под властью Магнуса III /47, s.364; 87, s.84; 157, s.136; II6, s.68/.

ра позволяет приравнять его ко сходным по характеру документам других земель Германии, так же преследовавшим цель преодоления внутренней раздробленности владений (например, в Саксонии в 1499 г., в Баварии в 1506 г. /83, s.94-95; 87, s.43/. Висмарский договор 1504 г., утвердивший единство княжества и предусматривающий сохранение такого положения при возможных изменениях числа представителей правящего дома, претендующих на участие в правлении, одновременно заложили законные основы для вмешательства внешних сил во внутренние дела княжества. В случае невозможности решить спорные вопросы между правителями с помощью советников из сословий, арбитрами должны были быть брауншвейгские, саксонские, бранденбургские или гессенские князья. Их решению в данном случае мекленбургские правители должны были подчиниться (У А, § 13). Этот момент отрицательно сказался при разработке последующих договоров 1520 и 155 гг. (об этом см. ниже) /87, s.87; 157, s.164-165/. Но по сравнению с этим важнее тот факт, что в договоре 1504 г. прямо указано на обязанность князей при возникновении разногласий между ними в первую очередь обращаться к сословному представительству: "Если у двоих из нас возникает недовольство третьим, тогда мы хотим и должны /точку зрения/^I обеих сторон представить советникам из прелатов, рыцарей и городов" (У А, § 13). Подписанное в 1513 г. новое соглашение о совместном правлении между Альбрехтом VII и Генрихом V (после смерти брата Эриха в

I В прямых скобках здесь и далее даны слова, не имевшиеся в тексте, но необходимые для правильного понимания перевода.

1503 г.) было основано на договоре 1504 г. и сохраняло как право сословий на участие в решении важнейших государственных вопросов, так и вмешательство посторонних властей (У А).¹ Договор 1513 года был составлен в условиях растущей угрозы раздробления княжества. Его содержание раскрывает спорные стороны совместного правления. В договоре подчеркнуто, что важнейшие государственные дела должны решаться совместно (У В, § 4), совместно издаваться законы (У В, § 6), совместно осуществляться управление государством (У В, § 9). Также и указано, что ни один из правителей не имеет право без согласия другого сдавать в аренду доменальные поместья или другие территории княжества (У В, § 5). В остальном сохраняются положения 1504 г. (У В, § II, 12). Соглашения 1504 и 1513 годов отражают объективное соотношение сил в политическом управлении Мекленбурга, где на пути княжеской власти в ее стремлении к укреплению своего суверенитета постоянно находились интересы сословий (в том числе городов). Эти интересы основывались на прочном экономическом фундаменте и были зафиксированы в одном из первых государственных документов XVI века.

Свое реальное влияние на развитие государственной политики Мекленбурга сословия проявили в начале 20-х годов XVI века, когда после истечения срока пятилетнего договора 1513 г. герцог Альбрехт VII, преследовавший в политике сепаратные, не связанные с интересами всего княжества цели, прилагая все усилия,

¹ Договор был продлен в 1507 г., после смерти Балтазара, как соглашение между тремя братьями, но этот акт носил формальный характер, так как политическая структура по сравнению с 1504 г. существенно не изменилась /145, s.4/.

чтобы добиться разделения княжеского владения между собой и братом Генрихом V, стремясь при этом заручиться поддержкой сословий (II, 1517). С помощью Бранденбурга он добился подписания Нойбранденбургского соглашения о частичном разделении территории, поскольку это был именно тот, предусмотренный договором 1504 г. случай, когда советники сословий не смогли привести спорящие стороны к единому мнению /157, s. 140-141/.^I Стремления превратить компромиссное соглашение 1520 г., заключенное на 4 года, в первую ступень для окончательного раздробления Мекленбурга коней полскина Уния сословий 1523 г., в подготовке которой особую важную роль сыграли города. В 1522 г. свою работу по рассмотрению вопроса раздела Мекленбурга начали императорские арбитры, которые в начале 1523 г. подготовили дело для рассмотрения на имперском суде, куда ~~еще~~ просьбу подал Альбрехт, не сумевший добиться согласия Генриха на разделение /145, s. 8-10/. Одновременно состоялись переговоры между представителями Ростока и Висмара с одной стороны и советниками рыцарского сословия — с другой, о возможностях ликвидировать разногласия между князьями по вопросам территориального единства. В приглашении к переговорам 19 марта были подробно разъяснены возможные последствия раздела княжества и доказана необходимость достижения плодотворных решений по этому вопросу /III, s. 32/. Альбрехт, понимая важность позиции сословий, всеми

^I Договором были разделены все города, резиденции, домены, монастыри, кроме 12 городов, в т.ч. Ростока, Висмара, Шверина, Гюстрова и трех больших фогтий — шверинской, гюстровской и штатгардской. Совместными остались земские сословия и право на созыв ландтага, государственный канцлер и военная организация /157, s. 141/.

силами старался склонить их к участию в односторонне (без ведома Генриха) созванном ландтаге, на котором он надеялся получить поддержку сословий своему плану /III, s.33-34/. Но он явно недооценил, насколько его намерения противоречат интересам (прежде всего — экономическим) земских сословий, даже слабейших их членов, т.е. мелких городков. Сохранилось обращение маленького городка Бойценбурга к Генриху У с жалобой на этот тайный поступок Альбрехта (его письмо с приглашением на ландтаг в качестве вещественного доказательства было приложено к письму Бойценбурга Генриху) и с просьбой дать совет, как поступить городку, чтобы не нарушить Нойбранденбургское соглашение и в то же время остаться послушным своим сеньорам /XIII, № 31/.^I

Так как с приближением окончания срока действия Нойбранденбургского соглашения угроза раздробления ликвидирована не была, сословия решились на открытую демонстрацию своей заинтересованности в развитии целостного территориального государства, на существование которого опиралась их экономическая и политическая мощь, и практической зависимости от них княжеской власти. Уния была составлена во время ландтага, на который сословия прибыли по одностороннему приглашению Альбрехта (то есть, она являлась прямым ответом на его стремление к разделу государства, и подписана 1 августа в Ростове /145, s.27-28/.

^I По Нойбранденбургскому соглашению Бойценбург выпал на часть Генриха, но здесь имеется ввиду нарушение право князей на совместный созыв ландтага.

В тексте Унии заявлено, что она обращена против сил, содействующих политической нестабильности в княжестве, и будет приведена в действие против любого, кто посмеет преступить привилегии сословий и разрушить существующий порядок. Так же указано, что сословия желают остаться послушными поданными своих князей, но если кто-то (реально им мог быть лишь правитель княжества) станет препятствовать единству, они будут совместно решать эту проблему до получения результата, соответствующего их интересам. Уния включала список членов комиссии, которая должна рассматривать возможные случаи нарушения единства, где рядом с четырьмя духовными лицами и 12 дворянами (по 4 из каждой части Мекленбурга) названы и по два представителя из советов Ростока, Висмара, Нойбранденбурга и Гюстрова. Кроме них среди подписавших Унию были также представители Шверина и Пархимы (IV). Уния 1523 г. имела исключительно важное значение не только для гарантирования сохранения политической целостности территории Мекленбурга на последующие десятилетия, но и в определении места и роли сословного представительства и каждого из сословий конкретно (так как они не представляли все население вместе взятое, а каждое свои отдельные социальные группы) в государственном организме княжества. Именно по этой причине текст Унии помещен в документах ландтагов среди важнейших, с точки зрения ганзейских городов, документов, касающихся отношений городов с княжеской властью /Ш., s. 35-36/.

Результативность вмешательства сословий в решение проблем территориально-политического развития Мекленбурга отразилась в продлении Нойбранденбургского соглашения в 1524 г. на 10

лет, а в 1534 г. — на 25 лет /III, s. 70/, а также в том, что оно было положено в основу Висмарского соглашения 1555 г. и Руппинского манифеста 1556 г. /V С, D/.^I В то же время Уния сословий, упрочившая позиции сословного представительства, положила основу явному возрастанию значимости дворянства в политической жизни княжества, непрерывный рост экономики которого продолжался в течение всей первой половины XVI в., и тем самым усилила позиции основного противника городов. Уже в 1527 г. 12 мелких городков жаловались ганзейским городам на то, что князья при сборе имперского налога все его тяготы возлагают на плечи городов, облегчая долю дворянства, что, по их мнению, противоречит добрым традициям Унии сословий и интересам не только мелких, но и обеих ганзейских городов /XIII, 36/.

Следовательно, земские сословия в целом и города в частности оказали ощутимое влияние на ход решения проблемы территориальной консолидации Мекленбурга в первой половине XVI в., содействуя княжеской политике, в той ее части, которая была направлена на упрочнение княжеского суверенитета с помощью укрепления территориального государства и осуществления в нем преобразований по образцу передовых княжеств (линия Генриха V и Альбрехта I).

^I В 1552 г. сын Альбрехта VII Ульрих после смерти Генриха V и брата Георга и во время долгого отсутствия брата Кристофа (направленного с политической миссией в Ригу) потребовал от старшего брата Иоганна Альбрехта I разделения земли. Соглашение было составлено 11 февраля 1555 г., утверждено 11 марта в Висмаре, и на основе составлен манифест 1556 года "Ruppiner Machtspruch" /157, s. 160/.

Препятствием на пути к территориальному единству Мекленбурга являлись не только раскольнические действия Альбрехта УП и его внешних покровителей, но и наличие чужих владений на территории княжества. Ими были шверинский и рацебургский епископаты, представляющие собой землевладения и небольшие владения в городах Шверин и Рацебург /116, s.567-568/, находящиеся в подчинении шверинского и рацебургского соборных капитулов, и территории на крайнем юге Мекленбурга, отданные в аренду уже во второй половине XV века (Демлиц, Харниц, Горлозен, Вреденхаген) /77, s.263-269/. Эти территории из-за финансовых затруднений в течение рассматриваемого периода вернуть не удалось. Церковные владения подчинялись князьям по мере приобретения ими судебной власти в них на основе княжеской верховной власти (Landeshoheit). Рацебургский епископат зависел от Брауншвейг-Линнебурга и в первой половине XVI века так и остался неподвластной территорией для мекленбургских князей. Шверинский епископат в 30-е годы был подчинен администрации княжеских властей Мекленбурга и лишен возможности осуществлять самостоятельную политику /122, s.52-53/.

Росток и Висмар между Ганзой и князьями в борьбе за сохранение привилегированного положения в герцогстве

Взаимоотношения ганзейских городов с князьями и взаимная зависимость обеих сторон нагляднее всего отражаются во внешнеполитической сфере — при определении места и роли в международных отношениях балтийского региона как Мекленбурга в целом,

так и его ганзейских городов в частности. Так как Росток и Висмар принадлежали к ведущей группировке Ганзы, к последнему ее активному звену, и были непосредственно связаны с ее главой Любеком, они в начале XVI века оказались в самом центре ганзейской политики, в ее "последнем бастионе" в борьбе за сохранение ведущего положения на Балтике. Одновременно они принадлежали к территориальному государству, которое не только находилось в непосредственной близости с центром ганзейской политики — Любеком, но и один из правителей которого (Альбрехт VII) принимал активное участие в решении некоторых проблем этой политики.

Мелкие города в определении внешнеполитической линии княжества непосредственное участие не принимали.

В направленности внешней политики Мекленбурга в первой половине XVI века наблюдается явно выраженный дуализм. Генрих V, который в своей политической линии руководствовался соображениями извлечения возможно больших выгод для княжества, состоял в оппозиции северо германских князей против императора. В 1524 г. он вместе с Померанией заключил союз с Польшей (к которому позже примкнули Дания, Гольштейн и Пруссия), который настолько соответствовал интересам региона, что был возобновлен в 1555 г. по инициативе Польши /III, s. 109—110/; в 1525 г. Генрих V вступил в Липпесский союз, созданный в 1519 г. и поддерживаемый Францией, который был направлен против "любой незаконной власти" на 30 лет, т.е. явно отстаивал права партикулярных властей против неустойчивой императорской власти (договор был заключен в международный период) /III, s. III; II, s. 82—87/; в

1526 г. стал поддерживать Торгеусский союз /III, 108, s. 150/. При этом характерно, что объем военных обязательств в помощь союзникам в 6-7 раз превышал долю Мекленбурга в имперском войске против турок.¹ Вполне закономерно, что наиболее активное стремление Генриха У к упрочению внешнеполитического положения хронологически совпадает с годами ослабления императорской власти и усиления конфликтов с земскими сословиями. Внешнеполитическая линия Генриха У способствовала обособлению Мекленбурга и тем самым раздробленность германской империи. Но в целом она может быть оценена как прогрессивная. Политика Генриха У в условиях непрочного положения империи была ориентирована на связь княжества с интересами северогерманского региона. Данная политика была продолжена Иоганном Альбрехтом I (1547-1576) после его окончательного перехода на сторону протестантов и вступления в Шмалькальденский союз (1552 г. /100/). Этот правитель преследовал еще более дальновидные цели по укреплению внешнеполитического положения Мекленбурга и пытался даже создать опорный пункт в Ливонии.²

¹ Т.н. "турецкая помощь" 1532 г. состояла из 40 всадников и 67 пехотинцев. Военная помощь союзникам по уставу союза северогерманских князей (ориентированная против императорского лагеря) - из 200 всадников и 500 пехотинцев /III, s. 113/.

² В конце 1550 г. брат Иоганна Альбрехта I - Кристоф был назначен на пост коадьютора рижского настоятеля собора. Его появление там в 1555 г. вызвало военные действия между Ливонским орденом и рижским архиепископом, поддерживавшим Мекленбург в корыстных целях. Миссия провалилась и Кристоф попал в плен /ЗІ; 56, s. 93-94/.

Данная внешнеполитическая линия мекленбургских правителей соответствовала новым формам отношений между государствами в период образования национальных государств, которые характеризовались растущей доминантой государственных интересов (вместо характерных для предыдущего периода персональных отношений между правителями /З, с.85-86/). Соответствие подобной политики не только объективным интересам укрепления княжества, но и интересам городского сословия в нем, нашло отражение в готовности городов поддерживать Генриха У на внешнеполитической арене /XII, № 86, § 196, 203, 204/.

В то же время политика Альбрехта УП, основанная на соображениях собственной выгоды и личных политических амбициях, отразившаяся в его борьбе за датскую корону и стараниях поддерживать императора,¹ приносила княжеству только финансовые затруднения и расчистила дорогу для вмешательства враждебно настроенных внешних сил, причем противоречивая внутреннеполитическая структура Мекленбурга не позволяла преодолеть данную неблагоприятную ситуацию. Так как Альбрехт со своими политическими стремлениями вторгся непосредственно в сферу интересов Ганзы и более того, успех своей авантюры связывал с военными действиями Любека и его союзников, мекленбургские города оказались

¹ Альбрехт УП принимал активное участие в войне Любека с Данией, поддерживая изгнанного во время Графской распри Кристиана II и прилагая усилия к его восстановлению на трон. Если Любек в войне преследовал интересы, связанные с развитием его торговли, то Альбрехт оказывал помощь Кристиану II из-за династических соображений, а на последнем этапе войны — с целью восшествия на датский престол /129§. 122-140; 109; 157, s. 158/.

в двойне затруднительном положении: как поданные Альбрехта и члены вендской группировки Ганзы, они были с ними в одном лагере в войне с Данией, в то же время князья старались их высвободить из-под влияния Ганзы, а Ганза — использовать в борьбе против растущей княжеской власти. Поэтому позиция, занятая Ростоком и Висмаром во внешнеполитических отношениях балтийского региона в I половине ХУІ в., кульминацией которых стала война за наследие датской короны, фокусирует в себя всю сущность отношений мекленбургских ганзейских городов с князьями. В процессе решения этих отношений городами применялись все 5 основных средств борьбы городов с князьями, выделенные историком из ФРГ Гансом Зауэром, изучавшим эти проблемы в период конца XV века: 1) переговоры; 2) денежные платежи; 3) хозяйственное принуждение; 4) вступление в союзы; 5) вооруженная борьба /136/. К тому же, выше перечисленные (в порядке возрастания интенсивности и категоричности воздействия на противника) средства борьбы и защиты применялись одновременно и как ответ на действия подобного характера со стороны князей.

В основе позиции, занятой Ростоком и Висмаром, лежала их причастность к Ганзе и к более узким союзам в ее пределах. В целом, заключение союзов в условиях распада Ганзы как политической системы теряло свое значение, и в ХУІ веке союзы заключались, как правило, лишь на основе экономической заинтересованности сторон и между небольшими количеством партнеров /128, s.41; 136, s.163-164/. Одновременно и укрепление территориальных властей способствовало заключению локальных союзов /139, s. 163/. Наиболее значительным из них в начале века стал

договор о взаимной помощи при нападении внешних сил (тохонесат) вендских городов в 1506 г., который был возобновлен в 1509 и 1526 гг. /Уш, № 106; X I, № 2/. Этот договор выражал узкую направленность интересов вендской группы, и он служил предлогом для отказа от участия в решении общеганзейских проблем /X, № 6, s. 22, 39; I61, s. 546-548/. В соответствии с договором помощь его членам оказывалась в случае попыток княжеской власти узурпировать их права /Уш, № 568, § 55-56/. Если в первом десятилетии XVI века опасности подвергался Штральзунд /Уш, № 196, § 214-216, № 197; XI, № 686, 688, 690/, то начиная с 1510 г. происходило наступление князей на права Лüneбурга /Уш, № 639; IX, № 7; X, № 7a; XII, № 86, § 168-170, № 120, № 466/. Проблема ухудшения отношений городов с князьями широко обсуждалась на ганзетагах, городами многократно повторялись высказывания о готовности оказать помощь тому или иному члену договора, но в действительности никаких реальных действий не последовало /Уш, № 639; IX, № 7, 212/. Причина такого поведения союзников крылась в их значительной зависимости от своих князей и растущем преобладании экономических и политических интересов, связанных с территорией своего княжества. Уже в сам договор 1506 г. была внесена клаузула о затруднительном положении Ростока и Висмара между Ганзой и князьями /Уш, № 106, § 35/. В 1522 г. мекленбургские города даже просили извинить их отсутствие на собрании ганзейских городов по причине их занятости на ландтаге в Штернберге /X, № 25, § 4/, что ясно отражает их растущую связь с княжеством и отхождение от Ганзы. Несмотря на ослабление союзнических связей членов Ганзы, территориальные правители опасались союзов между ними, неодно-

кратно предупреждали друг друга об этом, и настойчиво требовали помешать заключению таких союзов /XI, № 690, 704/. В то же время князья старались согласовывать свои действия против ганзейских городов (попытки подобного рода встречались уже в конце XV века /I40, s.20/) /VIII, № 568; XI, № 692, 693/.

Переговоры как средство укрепления взаимоотношений непосредственно между мекленбургскими князьями и их ганзейскими городами в основном использовались для этого на ландтагах, где речь шла преимущественно о вопросах внутренней политики (см. § 3). Тем не менее, позиция, занятая Ростком и Висмаром по отношению к своим князьям во время ганзейских переговоров, красноречиво отражает их старания маневрировать между двумя силами и их постепенно нарастающее тяготение поддерживать интересы мекленбургского княжества. Одной из проблем, имевшей самое прямое отношение к основному узлу ганзейской внешней политики в I половине XVI века — войне с Данией, при обсуждении которой выявилась позиция Ростка и Висмара, был вопрос о посредничестве мекленбургских герцогов в споре Любека с Данией. Если в 1510 г. Росток и Висмар считали ненужным приглашение мекленбургских князей на роль посредника, опасаясь укрепления их политических позиций /VIII, № 1, 2, 4, 30, 32, 61/, то уже в 20-х годах, при постоянных крупных разногласиях с князьями, Росток стал поддерживать политику Любека, считавшего кандидатуру одного или другого мекленбургского герцога самой подходящей для роли посредника, а Висмар, в свою очередь, поддерживать точку зрения ведущего мекленбургского города /IX, № 246, § 54, 55; X, № 864/. Следовательно, городами была

объективно оценена прочность политических позиций княжеской власти. Что же касается Висмара, то он в принципе поддерживал Росток, но стремился вести более осторожную политику, так как он был экономически слабее, и быстрее склонялся к компромиссам с князьями и отказу от поддержки ганзейских интересов /XII, № 482, 535-537, 573, 583, 584/. Одновременно видно стремление князей завоевать симпатии своих городов, выступая в качестве защитников их интересов /XIII, № 275, 612, § 1-8/. Подобная политика имела успех - в 1514 и 1517 гг. встречались случаи, когда мекленбургские города даже жаловались своим князьям на союзников по Ганзе, в том числе на Любек /XIII, № 586, § 30-31; IX, № 39, § 251/. К 1535 г. в связи с поражением в войне с Данией в Ганзе стала господствовать новая политическая линия, сформулированная на ганзетаге в Ливнебурге и Любеке с 10.XII - 29.XIII - по возможности идти на уступки территориальным правительствам, поддерживать их и считаться с их силой, чтобы предотвратить их враждебные действия против ганзейских городов /XII, № 503/. По существу подобной тактики Росток и Висмар придерживались в течении всей первой половины XVI века. Только словность положения мекленбургских городов состояла в различной политической ориентации мекленбургских князей. Но Росток и Висмар, вынужденные практически поддерживать Альбрехта XII в его датской политике, котору в 30-е годы они уже не одобряли, осознавая общность своих интересов с позицией Генриха V, которого старались поддерживать на международной арене, признавая более серьезным политиком, чем его брат Альбрехт /XII, № 86, 161, 181, 196, 204, 214, 224, 290, 340/. В свои оче-

редь, мекленбургские князья на переговорах с ганзейскими стремились старания подчеркивать политический статус Росток и Висмара как земских городов — неразлучность их судьбы с судьбой князей (при обсуждении условий мирного договора /XII, № 179, 451, 469, 479/), их обязанность служить своим князьям /XII, № 442, § 6/, называя их своими поданными /XII, № 258, 442, 479/. Это являлось не только политическим приемом, но и косвенным свидетельством утверждения некоторых элементов раннеабсолютистской идеологии. В то же время противники Мекленбурга, в частности, Кристиан III, стремились рассматривать Росток и Висмар как самостоятельную политическую силу в пределах княжества, требуя от них не поддерживать противников Дании (в том числе Альбрехта), угрожая лишением привилегий /XII, № 384, 614/. Особенно ярко политическая линия мекленбургских ганзейских городов отразилась на мирных переговорах в 1536 г., где для них существовали две перспективы — быть включенными в мирный договор вместе с Альбрехтом и Нидерландцами (своим давним соперником по торговле в Балтийском море) или бороться за участие в Гамбургском мире вместе с Любеком (мир был заключен в 1536 г. между Любеком и Данией). Вначале Росток и Висмар выступали за второй вариант, опасаясь возможного фигурирования в договоре в качестве поданных князя, а, значит, и в отрыве от других ганзейских городов, но когда оказалось, что участие в Гамбургском мире будет стоить больших материальных затрат, они решились пожертвовать своими политическими интересами во имя материальных соображений /XII, № 482, 532, 567, 573, 583, 630, 642, 646, 648/. Данный факт свидетельствует о соотношении сил

между Ганзой и князьями, точнее о перевесе их в пользу последних. Следствием этого можно считать и заявление вендских городов Либеку о необходимости прекратить военные действия, это аргументировалось тем, что война Либека с Данией привела к разговорам при княжеских дворах о том, что один город не правомочен решать судьбы королевств /XII, № 86, § 73/.

Денежные платежи в качестве откупа от претензий князей /II2, s. 358/, подобно переговорам преимущественно применялись во внутренних отношениях в княжестве (см. § 3). Но старания Росток и Висмара занять активную союзническую позицию по отношению к Альбрехту в его внешней политике или, как это нередко случалось, создавать видимость этого, должны расцениваться именно как умышленный курс на нейтрализацию враждебных князей против городов. На практике этот курс заключался в военных поставках Альбрехту — кораблях, продовольствии, деньгах, которые продолжали поступать даже после выхода Либека из войны, что потом серьезно затруднило положение Росток и Висмара при заключении мира /XII, № 265, 273, 279, 285, 384/. Таким образом, в конце войны с Данией мекленбургские ганзейские города выступали как союзники своих князей или, вернее, были вынуждены это делать: требования Альбрехта присылать корабли с наемниками (которых города должны были нанять для него) и продовольствием носили открыто угрожающий характер, а Генрих вел переговоры о военной помощи от имени Росток и Висмара /XII, № 85, 181, § 3, № 258, 266, 273, 279, 283/. В такой ситуации закономерными кажутся старания Росток и Висмара свое практическое участие в международных событиях, касающихся как Ганзы,

так и территориальных правителей, по возможности подменить дипломатическими маневрами, на словах обещая полную поддержку, а в действительности — разные предлоги использовались для отсрочки выполнения обещаний или уменьшения объема помощи /X, № 414; XI, № 233, 340; XII, № 75, § 2, 6, № 259, 263, 266, 278/. Сложное политическое положение обеих городов между Ганзой и князьями было выдвинуто ими на обсуждение на ганзейском собрании еще в 1523 г. Тогда при решении вопроса об оказании помощи герцогу Гольштейна, чего требовал Любек, мекленбургскими городами была поставлена проблема, насколько такая помощь союзнику снизила бы обороноспособность городов против "других врагов" (имелись ввиду свои князья) /X, № 260, § 16/.

Различного рода приемы экономической политики дополняли рассмотренные выше более решительные проблемы в отношениях с князьями. При этом, как и прежде, отражается положение мекленбургских городов между Ганзой и княжеской властью и их попытки выдерживать линию собственной выгоды, маневрируя между силами. Так, уже начиная с 1519—1520 гг., Росток и Висмар вместе с другими членами вендской группировки начали экономическую блокаду Дании и частично Швеции /IX, № 200, 284, § 30; X, № 546, 609/, что соответствовало, в первую очередь, интересам Любека, но решили своих князей об этом не извещать, хотя уже тогда Мекленбург начал заниматься датским вопросом /IX, № 284, § 30/. В конфликте с Данией Любек и Мекленбург, несмотря на свое положение союзников, стремились достичь каждый своих собственных целей. На этом фоне позиция Ростка и Висмара отражает большое тяготение к Ганзе, но одновременно и тенденцию к

сохранению хороших отношений с князьями. В инструкции Ростокса своим послам на переговорах в Копенгагене в 1537 г. дано указание выслушивать требования Дании и идти на соглашение, но если Дания потребует закрыть Ростокский порт для ее врагов (т.е. союзников Альбрехта), то ответить, что у послов нет полномочий для решения таких вопросов и что переговоры о закрытии порта могут быть начаты только после гарантирования Данией всех привилегий мекленбургским городам /X, № 532, § 2/. В то же время общеганзейского уровня достигла проблема растущего слияния экономики ганзейских городов с экономикой княжества по мере роста внутреннего рынка. Это поначалу ганзейскими городами было воспринято как угроза их привилегированному положению, одновременно было осознано, что сопротивление этому процессу породило бы рыночные затруднения /X, № 25, § 65/. Как своеобразный барометр соотношения сил в экономическом плане на протяжении первой половины XVI в. на переговорах вендских городов выступал вопрос о "монетном соглашении" (Münzvereinigung) с князьями. Если в 1515 г. все вендские города были против такого соглашения, то в 1520–1521 гг. начались теоретические рассуждения о его полезности, а в 1522 г. мекленбургские города и в 1528 г. Лüneбург выступали за соглашение /УШ, № 639, § 18, 19, 23; X, № 7, 25, 284, § 40; XI, № 444, § 39^{a,c}/. Позиция городов определялась состоянием взаимоотношений с князьями на данный момент, после урегулирования очередных конфликтов она менялась. Но важно, что самими городами признавался факт необходимости складывания рынка в рамках территориального государства и неизбежность утери абсолютного приоритета

Ганзы в экономике региона.

Применение вооруженной силы в спорах с князьями являлось исключительной мерой решения споров с территориальными властями. В пределах Мекленбурга в XVI веке спорящие стороны не доходили до таких крайних мер как это было во время "Ростокского спора" в 1487-1494 гг., когда велись военные действия /47, s. 366-375; 157, s. 133-139/. В сфере внешней политики в XVI веке мекленбургские ганзейские города оказались союзниками своих князей в вооруженных конфликтах с внешними силами. В начале века таким событием оказалась война Мекленбурга с Любеком (1505-1506 гг.), во время назревания которой Росток и Висмар стремились приостановить перерастание конфликта в войну, а в ходе столкновения оказались между двумя враждующими силами /Уш., № 5, 106, 251, 369, 370/. Об участии обеих городов в войне Любека и Мекленбурга с Данией говорилось выше.

В основной политической линии мекленбургских князей в начале XVI в. (подразумевается последовательный курс Магнуса III (1477-1503), Генриха V (1503-1552) и Иоганна Альбрехта (1537-1576)) отражалась целенаправленная тенденция к внутренней консолидации и внешнему укреплению государства. Параллельное существование раскольнических тенденций должно оцениваться не только как проявление политической недалекости отдельных правителей, но и как объективный показатель недостаточной развитости предпосылок для успешного осуществления феодальной централизации, коренившейся в отсутствии достаточной социальной опоры для княжеской власти.

Позиция мекленбургских городов в вопросе внутриполити-

ческой консолидации выражалась в содействии княжеским властям при преодолении раздробленности. Мелкие города были всецело включены в экономическую и политическую жизнь княжества, из чего следует их заинтересованность в укреплении территориального государства. Ганзейские города в XVI веке начали все более связывать свою экономическую деятельность с территорией княжества, а политические интересы — с участием в управлении княжества в составе сословного представительства (см. ниже).

Внешиполитическая сфера больше любой другой отражает связь Ростока и Висмара с ганзейской политикой, но и здесь — в условиях ослабления политической силы и раздробления экономических интересов Ганзы, видна переориентация ганзейских городов на поддержку мекленбургских князей и защиту интересов княжества. Начало XVI века в этой связи представляет собой особый переходный период, характеризующийся политикой маневрирования и конфликтов со стороны ганзейских городов, так как для них однозначная поддержка Ганзы грозила репрессиями со стороны князей, а подчинение князьям — утратой ганзейских привилегий. Мелкие города княжества в решении внешнеполитических проблем участие не принимали.

§ 2. Укрепление позиций княжеской власти с помощью создания центральных государственных учреждений и реорганизации административного управления

Бурное развитие товарно-денежных отношений и зарождение раннекапиталистических элементов в Европе XV—XVI веков привели к глубоким изменениям в социальном составе общества, свя-

занным с зарождением буржуазии. Перемены в обществе вели к новой структуре государства и находили отражение в преобразовании государственного аппарата. Вместо соответствующих натуральному хозяйству ленно-вассальных отношений на первый план все больше выдвигались институциональные отношения, где поданный как объект функций верховной власти подчинялся безличностным государственным учреждениям. Степень институционализации соответствовала уровню развития товарного хозяйства /34, с.435-436/. В Мекленбурге, который далеко отставал от передовых государств Европы, но в то же время переживал существенные перемены в хозяйственной жизни, наблюдались лишь первые и ограниченные шаги к созданию централизованного государственного аппарата.

Мероприятия по институционализации государственного управления объективно были направлены на ограничение самостоятельности городов, которые, в зависимости от своего политического статуса в княжестве, занимали различные места в планах реорганизации и со своей стороны проявляли различное отношение к преобразованиям.

В основе создания центральных учреждений лежало отделение управления двором, существовавшее ранее в несколько расширенном виде одновременно и как управление всем государством, от управления подвластной территорией /49, с.246/. В Мекленбурге преобразования в данном направлении осуществлялись в конце XV - начале XVI веков во время правления Магнуса III, создавшего структуру системы управления, просуществовавшую весь XVI век лишь с незначительными дополнениями. Во главе

государства в конце XV века был поставлен коллегиальный орган — княжеский (придворный) совет (Hofrat), управляемый самим князем, заседавший регулярно раз в неделю и перенимавший функции управления в свои руки во время отсутствия князя. Княжеский совет составлял законы, рассматривал вопросы внешней политики, осуществлял верховную полицейскую власть. Княжеские советники (Hofräte) за свою работу получали жалование и постоянно находились при дворе /49, s.246; 77, s.237-239; 154, s.III-II2/. Этот совет — предшественник кабинета министров — постепенно вытеснил по значимости совет, состоящий из членов княжеской семьи и представителей сословий, т.е. земских советников (Landräte), пользовавшихся привилегией принимать участие в правительстве на основе ленно-вассальных связей и собиравшихся по специальному приглашению князя /49, s.105-106; 48, s.71-82/. Вместе с тем совет земских советников продолжал существовать и во время правления отдельных князей приобрел широкие полномочия. Так, например, Альбрехт VII, политическая линия которого противоречила интересам централизации управления не только в этом вопросе, опирался в своей деятельности именно на представителей дворянства, которые при этом имели широкие возможности влиять на развитие государственного управления, так как именно они входили в княжеский совет. Особенно ярко связи Альбрехта с феодальным сословием проявились в конце войны с Данией, когда целый ряд выходцев из знати выступали как уполномоченные Альбрехта в переговорах не только с мекленбургскими ганзейскими городами, но и с Любеком и всей Ганзой на ганзейских собраниях /XII, № 265, 279, 305, 319/.

Об укреплении княжеского суверенитета свидетельствует выделение из княжеского совета нескольких лиц, особенно доверенных лично князю, и образование из них постоянно действующего тайного совета /52, s.947-948/. В Мекленбурге такой совет стал образовываться в конце XVI века и был официально узаконен лишь после Тридцатилетней войны /75, s.137/.

Параллельно княжеским советом функционировала канцелярия во главе с канцлером, провозглашенная законом 1493 г. (Kanzleiordnung). В ее функции входило гарантирование осуществления княжеских верховных прав (Landeshoheit) на подвластной территории, особенно в финансовых вопросах /49, s.105-106; 57, s.557, 558/. Начатая в конце XV века практическая реорганизация системы управления, которая заключалась в отделении земских дел от придворных и образовании контингента должностных лиц, подчиненных прямо князю, была изложена в форме закона о правительстве только в 1504 г. (Hof- und Regimentsordnung). Там же и были сделаны некоторые уточнения, способствовавшие дальнейшим преобразованиям, например - было установлено, что княжеские советники должны собираться ежедневно два раза в день /77, s.264/. Конкретизации аспектов работы княжеского совета и канцелярии содержатся в соглашениях о правлении 1518, 1520, 1525, 1555 гг., но по существу они повторяют в этом вопросе закон 1504 г. /87, s.105-106/. Некоторые изменения касались только внешней формы учреждений после разделения земли в 1520 г., когда, сохраняя одну канцелярию с канцлером для всего государства, при каждом княжеском дворе (в Гюстрове и в Шверине) был создан свой отдельный княжеский совет

/157, s. 140-141/. О результативности институционализации управления в княжестве свидетельствует реальная власть, сосредоточенная в руках канцлера, что поддерживает его роль в отношениях Мекленбурга с Ганзой (особенно при канцлере Каспаре Шенейхе (с 1507 г.) — первом из советников, кто постоянно находился при дворе /6I, s.136/. Он не только являлся на ганзегатах как уполномоченный мекленбургских князей /XII, № 84, 85, 179, 182, 265, 269, 305, 319/, но сами ганзейские города в особо острых политических ситуациях признавали, что переговоры, касающиеся Мекленбурга, не могут быть плодотворными без участия княжеского канцлера, и именно в содействии с ним решали некоторые вопросы /XII, № 83, 180, 313/.

Подобная система центральных государственных учреждений в рассматриваемое время создавалась во многих немецких территориальных государствах (например — в Саксонии законы о канцелярии в 1536, 1539, 1542, 1546 гг., о княжеском совете в 1499, 1502 гг.; в Бранденбурге о княжеском совете в 1537 г., об организации управления в 1542-1546 гг.; в Оберпфальде о канцелярии в 1525 г. и др. /74, s.414-428; 28, s.288-289; 43, s.267-276; 98, s.51; 103, s.1-40/, а также и составляла часть имперских реформ 1495-1555 гг. /48, s.4-5; 84, s39-42/.

Законы, регламентирующие порядок работы центральных государственных учреждений, начинают ряд государственных законов XVI века. Если перечисленные законы 1504, 1518, 1520, 1525, 1555 гг. и закон о княжеском суде 1513 г. (Hofgerichtsordnung) посвящены отдельным изолированным вопросам управления, то в 1516 г. появляется первый общегосударственный закон —

"Polizeiordnung". Он включает регламентацию почти всех основных сторон жизни княжества, с особым учетом положения мелких городов и их отношений с деревней (городское управление, отношения поданных княжества с внешними судами, спорные стороны цехового законодательства, развитие сельского ремесла, право на производство пива и др.) кроме верховного управления княжеством, процессуального права и церковной проблематики (за исключением соотношения прав светских и церковных судов) /XVI/. Большая часть закона 1516 г. посвящена экономическим проблемам городов (см. § 3), что и вытекает из содержания городских жалоб, предшествовавших его изданию /VI, s.162-167/. В то же время в тексте закона помещен пункт о ежегодном финансовом отчете городского совета перед князем /XVI, 7/. Этот вопрос не только не фигурирует в жалобах городов (что вполне естественно, поскольку они посвящены темам, интересующим самих городов), но и не был выдвинут на обсуждение на предшествующий утверждению закона ландтаг /VI, s.167-171/. Следовательно, он является отражением открытого диктата со стороны княжеских властей по отношению к мелким земским городам и, в известной мере, конкретизацией тезиса из предисловия к закону о том, что закон издаётся с целью устранения явлений, которые "не только затрудняют действия жителей городов, но и вредят общей пользе и благу" /XVI, s. 280/. Ясно, что речь идет об интересах княжеской власти, чему и служит всесторонняя регламентация городской жизни и ее подчинение княжескому контролю. Одновременно отражается совершенно разный подход к мелким городам, для которых этот закон стал обязательным, и к ганзейским, которым советуют

"чтобы бургомистры и советники обеих городов эти написанные правила внимательно прочли и обсудили, и следовали им, и заставляли следовать жителей /городов/, насколько это разумно и возможно, или действовать по старым своим обычаям и другим разумным правилам" /XVI, § 60/. То-есть, князья четко выделяли из совокупности земских городов Росток и Висмар и даже не пытались распространить действие данного закона на них, что коренилось в оценке ганзейских городов как влиятельной политической силы, которую нельзя подчинить диктату, а с которой разумнее строить компромиссные отношения на основе обоюдной заинтересованности. При составлении закона 1516 г. принимали участие должностные лица княжеского государственного аппарата. Автором текста является канцлер Каспар Шенейх, именно его рукой добавлена к закону оговорка о Росток и Висмаре /XVI, S.283/. Работу по сбору материала об экономическом и политическом строе в городах княжества провел советник Иоганн Монник /VI, S.177, 179-277/. Разносторонность рассматриваемых вопросов и предназначение закона для всей территории княжества ясно демонстрируют родственность "Polizeiordnung" 1516 г. с земским законодательством других немецких территориальных государств первой половины XVI века т.н. "Landesordnungen", которые несомненно свидетельствуют о росте и укреплении княжеской власти /132, S.1-5/. В рассматриваемый период последовало издание еще одного всеобщего земского закона - в 1542 г., но по содержанию он представлял собой исправленное по некоторым вопросам налогообложения, переиздание закона 1516 г. /73, S.362/. Факт переиздания закона свидетельствует как о труд-

ности проведения его в жизнь, так и об укреплении позиций княжеской власти.

В круг рассматриваемых вопросов в процессе образования центрального управления входила проблема создания административно-бюрократической системы, охватывающей всю территорию Мекленбурга. Для местных условий, где центрами экономической жизни являлись ганзейские города, одновременно обладавшие политической независимостью, и среди остальных земских городов как экономически и политически сильнейшие выделялись целая группа, было очень сложно выбрать основную княжескую резиденцию — столицу, без которой невозможно постоянное функционирование центральных учреждений /43, s.256; 106/. Мекленбургские князья странствовали по территории герцогства еще весь XVI век (в 1518 г. отмечена 31 княжеская резиденция /XV, s.215-216/), но учреждения с конца XV века уже находились в административном центре. Как таковой во время Магнуса III определился Гюстров, а после частичного раздела земли в 1520 г. — Гюстров и Шверин, выбранные для этой цели по соображениям выгодного географического положения. Сама территория княжества в течение I половины XVI века по образцу других немецких княжеств была подразделена на административные единицы "Amt", которые создавались вместо бывших фогтий и сосредотачивали в своих руках всю местную судебную военную и полицейскую власть, а также являлись единицей налогообложения. Первоначально "Ämter" находились под властью князя, дворянства, духовенства и городов (незначительное количество), но в короткий срок по причине финансовых затруднений князей права на княжеские и приобретен-

ные в ходе секуляризации церковные "Amter" были проданы или сданы в аренду представителям знати /26, s.9/. Таким образом, проведенная по образцу других территорий административная реформа принесла княжеской власти и, в отличие от западной и южной Германии, значительно укрепила позиции знати, и в конечном итоге (с законом 1555 г.) вывела сбор налогов из-под контроля князя /25, s.14-15; 29, s.5-6). Одновременно с помощью административной реформы, вернее - той формы, в которой она была осуществлена в Мекленбурге, были относительно ослаблены позиции городов по мере перехода власти на местах в руки феодалов.

В первой половине XVI века князьям проводилась политика создания образованных кадров для государственного аппарата. В интересах успешной реорганизации управления, центральные учреждения нуждались в образованных, зависящих непосредственно от князя и не связанных с интересами земских сословий должностных лицах. Уже при Магнусе III в 1493 г. после создания должности канцлера в нее вступил светский юрист доктор Антониус Грунвальд (1493-1501), другие посты еще занимали представители духовенства /77, s.239/. Во время правления Генриха V уже оба ведущих поста - канцлера (Каспар Шенейх) и княжеского советника (Николаус Маршалк) были заняты людьми из светских кругов. Характерно также, что Иоганн Монник - особо доверенное лицо Генриха V, руководивший комиссией по составлению закона 1516 г., был выходцем из патрицианской семьи /75, s.313; 154, s.107/. Нередко должностные лица государственного аппарата были пришельцами из других территорий Германии (Шенейх - из Нидерландов, Монник - из Гамбурга), с ними заключался договор на 2-3

года /61, s. 137/. О том, что забота о наличии квалифицированных кадров в государственном аппарате являлась не только личной инициативой некоторых правителей, а объективным требованием эпохи, когда успешное развитие государства было немислимо без привлечения докторов права для управления, свидетельствует включение пункта об обязательном использовании докторов права в качестве советников в работе княжеского суда в договор о совместном правлении 1555 г. /V, C/. Там же и указано на необходимость всесторонне поддержать Ростокский университет и школы, особенно в вопросах кадров. На практике это делалось с начала второго десятилетия XVI века, когда князья стали ставить актуальный вопрос создания системы образования, обеспечивавшей государство местными учеными кадрами. Началось стимулирование развития системы городских школ и оказывалось всестороннее содействие Ростокскому университету, а также велась борьба за удержание его под своим влиянием (университет пользовался судебной самостоятельностью, в 1499 г. герцог Эрик был избран ректором) /146, s. 16-18, 34/. Князей настораживало то обстоятельство, что Ростокский университет — первый в ганзейском регионе — обеспечивал образованными кадрами не только князей, но и ганзейские города, и находился в тесной взаимосвязи с Ганзой. Уже само его существование частично обеспечивалось городом, который в согласии с уставом университета представлял помещения и платил 800 гульденов в год для университетских нужд, бургомистр Ростокса принимал участие в избирании ректора /55, s. 533; 146, s. 19-23/. Ростокский университет "своим" считал не только Росток, но и соседние ганзейские города, особенно Гамбург (коте-

рый в XV веке учредил стипендию для университета, в котором с 1414 по 1525 г. учились 550 выходцев из его бюргерских семей) и Любек (насчитывавший с 1419 по 1499 г. 522 своих бюргеров в качестве студентов и 1/3 ректоров в Ростокском университете), а также другие ганзейские города, оказывавшие постоянную поддержку университету во время его споров с папской властью и территориальным правительством /147, s. 359; 146, s. 36-37, 68-69/. Несомненно, вопрос об участии в определении направления развития главного учебного заведения княжества и принятии участия в управлении им современниками воспринимался как составная часть вопроса об их месте и роли в управлении государством. Этим объясняется сопротивление Росток и Висмара княжеским реформам образования /164, s. 94/ и стремление сохранить свое участие в обеспечении университета, несмотря на большие расходы для этой цели, которые несли как город в целом, так и отдельные горожане /146, s. 68-69/, а также и участие Ганзы в решении споров, связанных с политическим положением университета в княжестве. С другой стороны, сами мекленбургские ганзейские города, подобно князьям, при решении внутриполитических проблем пользовались советами докторов права, что вызывало резкое осуждение со стороны княжеских советников, понимавших, насколько это повышает способность сословий сопротивляться княжеской политической линии /XIII, № 47, 51/. На протяжении первой половины XVI века Ростокский университет, который насчитывал в среднем 150 слушателей в год /145, s. 57/, постепенно по мере образования земской церкви подпадал под княжеский контроль. Это позволяло князьям во время церковных визитаций сис-

тематически вмешиваться во внутренние дела университета /27, s. 24-25/. К середине века университет уже занимал статус земского университета /145, s. 94/.

Мероприятия мекленбургских территориальных правителей по созданию институтов центральной власти в первой половине XVI века, в условиях укрепления позиций земских сословий, привели только к частичному и временному результату, так как сословия тенденции централизации поддерживали только в такой мере, в какой они служили укреплению государства как единой целой территории, но резко выступали против упрочнения собственно княжеского суверенитета. Ганзейские города стремились влиять на развитие мекленбургского государственного аппарата через свои внешнеполитические связи (другая часть городского сословия — мелкие города не только были вовлечены в сферу преобразований, но и сами старались опираться на княжескую власть, что объективно соответствовало их интересам). Дворянство же на протяжении XVI века добилося обращения реформ на свою пользу: в княжеский совет стали входить представители рыцарского сословия, знать через подчиненную им местную административную систему имела возможность нейтрализовать предпринимаемые княжескими властями мероприятия по централизации государства. Данное обстоятельство связано с несоответствием системы управления реальным социально-экономическим условиям, где преобладание феодальных элементов привело к искажению идеи выше рассмотренных преобразований и показывает, что в конкретных условиях Мекленбурга, они были созданы искусственно.

§ 3. Мероприятия по реорганизации финансовой системы и проведению самостоятельной княжеской экономической политики

Развитие товарно-денежного хозяйства, рост самостоятельности территориального государства и одновременный кризис домен-альных доходов князей требовали создания такой финансовой системы государства, которая смогла бы обеспечить княжескую казну постоянными доходами. Проблема состояла в том, что развитие княжества как единого хозяйственного региона только начиналось, т.е. перед правителями стояла задача включения всего экономического потенциала княжества в единую систему и использования его доходов с помощью административно-бюрократических методов на нужды территориального государства. При этом города со своим передовым хозяйством представляли собой особый интерес. Среди них первостепенную роль играли финансы ганзейских городов, которые стали основными объектом княжеской финансовой политики. Для достижения этой цели собственно и служила вышеупомянутая реорганизация государственного управления, так как без создания прочной системы взимания налогов (что гарантируется развернутой сетью централизованных учреждений и достаточным контингентом должностных лиц) положительный результат немислим. Естественно, недостаточная развитость государственного организма Мекленбурга в этом направлении отразилась и на успех попыток создания организованных государственных финансов, и достижения в этой области были ограничены широкими привилегиями сословий.

Соперничество с городами при создании финансовой системы, обеспечивающей регулярные доходы правящего дома

Преобразования в финансовой сфере Мекленбурга начались одновременно с созданием центральных государственных учреждений в конце XV века, в условиях, когда финансы княжества после расточительного правления Генриха IV находились в кризисной ситуации (фогтии, резиденции, некоторые мелкие города сданы в аренду, отношения с ганзейскими городами по экономическим вопросам, после неудачных попыток установить таможенный барьер на подходах к ним, враждебные) /157, s. 136-137/. Магнус III при решении финансовых проблем ставил их в прямую взаимосвязь с решением самой структуры центрального управления. Так же как и там, в основу преобразований легла попытка отделить княжескую казну от земской казны, т.е. доходы от домена, идущие на нужды двора и княжеской семьи, от доходов и налогов, используемых для общегосударственных нужд. В 1489 г. при создаваемой канцелярии образовалась центральная казна, для управления которой в начале специальные должностные лица не выделялись и финансовые дела решались совместно с остальными делами канцелярии /77, s. 237/. На практике функции этой казны осуществляла казна шверинской фогтии, которая находилась под личным ведомством Магнуса III (письменную фиксацию производил первый казначей Мекленбурга Тигелер). К этому времени относятся попытки производить расчеты регулярно два раза в год — в день св.Мартина и в день св.Николая, что существенно отличалось от предыдущего време-

ни, когда фогт отчитывался за все время своего нахождения на должности /153, s.101/. С узаконением канцелярии в 1493 г. была создана специальная должность казначея (Rentmeister), на которую первым поступил тюрингинец Клаус Трутманн. С этого времени и стали делаться регулярные отчеты казны: первый за 90-е годы, потом — за каждый год /153, s. 104/. Созданная Магнусом III финансовая система просуществовала весь XVI век с несколькими усовершенствованиями. С 1506 г. аппарат финансового управления дополнился писарями (Rentschreiber), получившими, так же как и казначей, государственное жалование. Сам казначей стал входить в состав княжеского совета /77, s.238; 153, s.104/. В 1532 г. в отчете о выполнении Мекленбургом обязательств в помощь императору против турок упоминается государственный казначей (Pfenningmeister) Антониус Шредер, который одновременно являлся секретарем Генриха У /153, s.104; 108, s.150/.

Попытка создания стабильной финансовой системы княжества привела лишь к частичным результатам. Система ежегодного отчета существовала параллельно с отчетами по административным территориям за разные периоды времени /153, s.104/. В действительности же полностью не удалось отделить государственную казну от личной княжеской по причине нехватки доходов с княжеского домана для растущих нужд двора и княжеской семьи. Так, например, в 1552-1553 гг. из 29 000 гульд. княжеских расходов 23 000 гульд. покрывались налогами, а в 1556-1557 гг. из 17450 гульд. — 12 000 гульд., т.е. 3/4 суммы /26, s.13/. Следовательно, проблема государственных финансов не была решена. Однако достижение известной систематизации финансового хозяй-

ства все же является положительным результатом.

Проведение финансовых реформ в значительной мере препятствовала ограниченность княжеской власти над средствами сословий. В первой половине XVI в. наблюдались повторные усилия со стороны князей расширить круг налогоплательщиков. Между князьями, заинтересованными в увеличении суммы налогов, и сословиями существовали постоянные разногласия по вопросу, кто в стране является налогоплательщиками /40, s.74/. Такими были непривилегированные слои; от уплаты было освобождено рыцарство, поскольку "Bede" по происхождению являлась суммой денег, налагаемой на поданных, не несущих военную службу, и духовенство, которое к военной организации княжества никакого отношения не имело. И ганзейские города, особенно Росток, пользовавшиеся широкими привилегиями, пытались уклониться от уплаты налогов, хотя были вынуждены платить их уже в 1500 г. /86, s.109-110/ (см. ниже). Весьма успешно проходило вовлечение церковных территорий в число налогоплательщиков. Князья на защиту церковных территорий против внешних властей (в частности империи) стали получать налог "Schirmgeld", который со временем слился с земским налогом. Так, например, шверинский епископат в 1514 г. обязался платить за "Schutz und Schirm" 500 любекских марок каждый раз, когда будет собираться с земских сословий "Landbede" (реально эта сумма вычислялась из княжеского долга епископату) /159, s.36; 164, s.63-64/. Духовенству отказ от привилегий имперского сословия и подчинение княжеской власти было выгодно ввиду несоразмерно высоких платежей в пользу империи и отсутствия защиты с ее стороны против растущей власти князя /164, s.40/.

В дальнейшем зависимость духовенства от территориальной власти значительно увеличилась: в 1533–1534, 1541–1542, 1552–1553 гг. проводились визитации церкви (Kirchenvisitation) с целью определения реального объема церковных владений и осуществления контроля над ними; с переходом князей на сторону Реформации в 50-е годы началась секуляризация /164, s.113–114, 126; 145, s.19, 93–100; 157, s. 159–160/. В результате сословие "прелатов" было отделено от остальных земских сословий и полностью подчинено княжеской власти, что было узаконено в 1572 г., после чего церковные институты Мекленбурга приобрели статус земской церкви /164, s.163–164; 37, s.262/. В особо затруднительных для государственных финансов моментах князья пытались подчинить налогообложению даже дворянство, которое уже с конца XV века не состояло в вассальном войске, хотя князья призывали его к этому неоднократно. Но такого рода попытки всегда были обречены на полную неудачу, и отсутствующие суммы дополнительно взимались у мелких городов /87, s.III/.

Основными источниками пополнения государственной казны являлись государственный прямой регулярный налог (ordentliche Bede, Stadtsteuer) и экстраординарный налог (Landbede), который в Мекленбурге взимался с конца XV века по требованию князя (на основе его верховного права) и с согласием сословий /44/. Вопрос налогообложения обсуждался на ландтагах — сословно-представительных собраниях, основным полем действия которых являлись именно финансы. Первыми ландтагами в Мекленбурге принято считать собрания 1481 г. в Шверине и 1485 г. в Штернберге, хотя и упомянутые в 1436 г. и в 1439 г. "советники рыца-

рей и городов" могут быть оценены как предшественники земского представительства /129, s.118-120; 87, s.102-105/. В договоре 1504 г. о совместном правлении уже прямо указано на право и обязанность князей созывать представителей всех трех сословий /У А., s.13/. В 1617 г. упоминается "обычное место ландтага" на загесдорфском мосту через Варнов у Штернберга /77, s.267/. На ландтаге князь обращался к собранию с изложением проблемы (обычно с доказательствами необходимости собрать налог, с напоминанием об обязанности сословий поддержать его), которая потом обсуждалась в куриях (духовенства, рыцарей и городов), при необходимости создавалась специальная комиссия для рассмотрения вопросов (Ausschuss). В итоге объявлялось решение курий и составлялся заключительный акт (Landtagsabschied) /29, s.226, 240; 49, s. 242-243/. Одобрение налогообложения (Steuerbewilligung) являлось правом и обязательством сословий. Взамен от князей требовалось защитить интересы сословий своей земли по отношению к внешним силам (Schütz und Schirm) и гарантирование привилегий сословий. Вышеизложенное свидетельствует об известной консолидации территории и общности интересов правителей с земскими сословиями, между которыми по частным вопросам, ведущим к основной проблеме взаимоотношений — кто имеет право решающего голоса, существовали глубокие противоречия. Сходный процесс происходил во всех основных территориях Германии: например, в Баварии в 1514 г. был создан первый ландтаг, который учредил постоянный совет из 24 представителей сословий и занимался финансовыми вопросами и отстранил от их решения князя; в Бранденбурге наоборот — сословия вытеснили из

рук этот основной рычаг воздействия на княжескую власть, одобрив налог в 1488 г. на семь лет и в 1513 г. на время жизни курфюрста Иоахима I; в Саксонии ландтаг к решению финансовых вопросов был приобщен лишь формально, поскольку сословия полностью зависели от князей /87, s. 95-98/.

Финансовый вопрос являлся основным вопросом, обсуждаемым на ландтагах и подчинение ганзейских городов, особенно Ростка, обложению экстраординарным налогом "Landbede" - самой острой проблемой при этом. Для князей доходы с ганзейских городов представлялись самым богатым источником наполнения государственной казны. Ганзейские города, в свою очередь, были согласны платить налоги в таком объеме, какой гарантировал бы избежание конфликтов с княжескими властями и защиту с их стороны против внешних врагов, но решительно выступали против попыток князей распоряжаться их средствами и односторонне диктовать условия. Когда князь Мекленбурга по образцу других территориальных государств прибегли к мероприятиям по обложению налогами хозяйственной деятельности горожан, они потерпели полное поражение /150, s. 8/. Подобным образом и слишком частые (по мнению Ростка и Висмара) требования уплатить "Landbede", встречали критику со стороны ганзейских городов и неповиновение княжескому приказу, несмотря на то, что последний опирался на решение ландтага /II, 1511, 1512; III, s. 25, 28; XIII, № 19, 20, 22/. В инструкции послам Ростка на ландтаг в 1542 г. прямо сказано, что они не должны без предварительного обсуждения этого вопроса согласиться на уплату княжеских долгов, потому что деньги растрочены без ведома городов /III, s. 136/.

Княжеская позиция в спорах о подчинении Ростока и Висмара уплате "Landbede", что по существу являлось доказательством их положения земских городов, основывалась на подчеркивании общности интересов ганзейских городов и территориального государства (всегда разъяснения о цели взимания налога составлялись в тоне, не допускающем и мысли о том, что она городам может показаться необоснованной и неизменной к ним прямого отношения) и на своих права земских правителей (право взимать экстраординарный налог называется "нашей княжеской регалией") /III, s.24-25, 71-74; XIII, № 12, 13, 17/. О том, что амбиции князей на право распоряжаться средствами ганзейских городов имели реальное основание, свидетельствует спор с Ростокком в 1505-1506 гг., когда князья, несмотря на освобождение Ростока от уплаты внеочередного налога в 1505 г. (за "подарок" в объеме 1000 гульд., т.е. отступив от претензий князей в прямом смысле), в том же году пригласили Росток на ландтаг для обсуждения вопроса об уплате "Landbede". В связи с возражениями со стороны Ростока было дано разъяснение, что на этот раз взимаемая сумма будет считаться не налогом, а "помощью" ("Landeshilfe"), что, естественно, не меняло сути дела. В 1506 г. сумма "помощи" уже фигурирует в переписке Ростока с князьями как его обязательный долг /III, s.17; XIII, № 15, 17, 19/. Нередко при повторных призывах уплатить налог княжеские послания городам содержали открытые угрозы /II, 1511; III, s.25, 28/. Города, в свою очередь, на словах всегда выражали послушание своим князьям, акцентировали их право на взимание налогов, но в действительности каждый раз медлили с уплатой и своим послам на ландтаги да-

вали инструкции, содержащие критику княжеской налоговой политики.

В целом ход решения вопроса об экстраординарном налоге по отношению к Ростоку и Висмару носил компромиссный характер: князья старались получить сумму "Landbede" без острых конфликтов и считаться с мнением ганзейских городов, при каждом сборе налогов повторно спрося их уплатить свою долю /II, 1511; III, s. 24, 25, 76, 78; XIII, № 19, 20, 22/, посылая специальные приглашения им отдельно /III, s. 39, 41/, соглашаясь на уплату суммы по частям /I, s. 25; III, s. 28, 74, 76, 78, 80/. Города же, несмотря на повторную демонстрацию своего нежелания безоговорочно подчиняться диктату князей, в конечном итоге всегда уплачивали налог. Следовательно, в проблеме "Landbede" отражается осознание взаимной зависимости обеих сторон друг от друга, и города выступают как объективный союзник княжеской политики независимо от разногласий по многим частным вопросам. В принципе обе стороны признавали право князей требовать подчинение ганзейских городов интересам территориального государства и обязанность (основанную на заинтересованности) городов повиноваться такому требованию.

Данное предположение особенно яркое подтверждение находит при сравнении с отношением городов к имперским налогам, особенно к т.н. "турецкой помощи", в уплате которой они (и земские сословия вообще) не были заинтересованы. Требованиям уплатить сумму турецкого налога на ландтаге 1531 г. /III, s. 56-57/ последовала объемистая переписка городов не только с князьями, но и с другими сословиями /III, s. 60-61, 63, 64-65; XIII, № 37/.

Это привело к созыву собрания представителей сословий в Росток (по его инициативе), где была обсуждена правомочность взимания налога и вынесено решение об отказе сословий уплатить налог без созыва специального ландтага для обсуждения проблемы, о чем были извещены князья /XIII, В 39/. К сходному результату привело и взимание турецкого налога в 1534–1535 гг., когда снова была создана комиссия бургомистров, созвавшая собрание представителей сословий, которая вступала в дискуссии с князьями /III, S. 71–74, 75, 79/. Росток в инструкции послам на ландтаг в 1542 г., где снова предполагалось обсуждение вопроса о турецкой помощи, прямо указал не соглашаться на уплату налога, поскольку турки территории Мекленбурга непосредственно не угрожают /III, S. 136/.

Рассмотренное выше разное отношение ганзейских городов к имперским налогам и налогам княжества демонстрирует явную общность интересов ганзейских городов со своим территориальным государством. Одновременно отражается единодушие с другими сословиями.

В Мекленбурге наблюдалась сильная зависимость правителей от сословий в денежных вопросах. Чтобы погасить долги Генриха IV, Магнус III тратил 1/2 суммы налогов /155, S. 6–7/. В 1506 г. государственный долг Мекленбурга, покрываемый из налогов, составлял 700 гульденов, в 1508 г. – 1600 гульд., в 1515 г. – 11600 гульд. /154, S. 12–13; 26, S. 12–13/. Особенно финансовое положение Мекленбурга ухудшилось в 30-е годы в связи с датской авантюрой Альбрехта VII, из-за чего внеочередной налог взимался ежегодно, а в 1547 г. даже в двойном размере (долг

составлял уже 300 000 гульденов) /87, s8-9, 90/. В 1553 г. долг составлял уже 452 000 гульд. /XIV/. Данная ситуация привела в конечном итоге к потере князьями контроля над земскими финансами. С договором о правлении в 1555 г. и Рупшинским манифестом 1556 г. сословия взяли на себя весь государственный долг Мекленбурга и тем самым и сбор налогов /У С, s.194; s.203-204/. Для организации взимания налогов ими был создан совет ("Ausvich" - действующий орган ландтага), который в условиях всеобщего роста власти феодального сословия, должен был состоять из 12 выходцев из влиятельнейших семей знати, перечень которых был утвержден договором /26, s.15/. При подготовке договора 1555 г. (на трех предшествующих этому ландтагах) ганзейские города безуспешно старались нейтрализовать доминирующее положение феодального сословия (между ними велась борьба за выживание, а не столкновение параллельных сил) /160, s.21-25/, отказываясь подчиниться диктату княжеского совета, состоящего в то время уже из представителей знати, и безрезультатно пытаясь опереться на своего союзника в борьбе с знатью - князя, который уже не был способен ограничить права знати /XIII, № 51/.

Значение городской экономики в княжеских планах осуществления самостоятельной экономической политики

Мероприятия княжеской экономической политики тесно связаны с реформами финансов, так как те и другие должны были служить обеспечению регулярного пополнения государственной и личной княжеской казны.

Князья понимали значение передовой экономики городов в экономическом организме территориального государства. Их попытки стимулировать ее развитие относились лишь к мелким городам, которые находились в полном подчинении княжеской власти. Особенно при разработке общегосударственного закона 1516 г. отразилась заинтересованность правителей в стимулировании городского хозяйства. Она охватывала как общие стороны городской жизни — регламентацию цехов и гильдий, фиксацию порядка судебного разбирательства, регламентацию возобновления состава городского совета и др., так и частные вопросы торговой политики — весы, цены /VI E, s.167-171; H, s.178-179/. При этом важно отметить попытки урегулировать такие вопросы как колебание цен на пиво соответственно с ценами на зерно или введение единой весовой меры для зерна на всей территории Мекленбурга /VI E, s.167-168, 169/. С другой стороны в процессе подготовки закона и в самом тексте закона отражается доминанта княжеских интересов в направлении развития городской экономики — в утвержденном князьями списке рассматриваемых в законе сторон жизни городов /VI H, s.178-179/ отсутствует множество проблем, волнующих сами города и отраженных в их жалобах князю, которые, собственно, и послужили причиной для составления закона. Например, об отношениях городов с феодалами, сельскими ремесленниками, о владениях духовенства в пределах городков и др. /VI A, B, C, D, s.162-169/. Основное внимание князья уделили цеховой организации, управлению города и организации финансовых отчетов перед княжескими властями, т.е. вопросам, способствующим углублению их власти над городами.

Процесс составления закона 1516 г. отражает, с одной стороны, понимание современниками возможностей князей реально влиять на направленность государственного развития, т.е. признание их реальной власти, о чем свидетельствует обращение к территориальным правителям с изложением своих проблем. С другой стороны — здесь видно стремление к диктату со стороны самих князей, их вера в свое право распоряжаться судьбой подвластной территории, что особенно отражается во введении к полномочию Иоганну Моннику — собиравшему материал для составления закона /VI, c. s.177/, а также и в других, сопровождающих закон документах /VI L, s.278-279; N, s.307-308/. В самом тексте закона встречаются такие выражения, как "наша страна" и "мы постановили", которыми заменены существовавшие в наброске текста "эта страна" и "постановляется" /XVI, § 10, s.285/, что является доказательством усвоения правящими верхами Мекленбурга элементов раннеабсолютистской идеологии.

Цели привлечения средств в княжескую казну и стимулирования вовлечения городской экономики в единое хозяйство территориального государства служили и некоторые предпринятые мекленбургскими князьями попытки проведения независимой княжеской хозяйственной политики и политики протекционизма. Так, например, Магнус III в начале века начал заниматься экспортом зерна, сельди, полотна и других товаров, обходя при этом ганзейские города; в начале XVI века под покровительством князей возникли предприятия по переработке железной руды, добычи соли, производству бумаги; на протяжении всей первой половины XVI века князья, чтобы повысить ценность своей валюты, боролись

за Т.Н. монетное соглашение с вендскими городами; Иоган-Альбрехт I имел проект построения канала от шверинского озера до Эльбы, чтобы иметь прямой выход к морю; он же в своем завещании давал совет взимать подать с знати за ввоз предметов роскоши /52, s.945; II7/. Ни один из этих планов не был реализован, поскольку в любом случае были бы задеты жизненные интересы какого-то из сословий, но все они свидетельствуют о необходимых изменениях в экономической жизни с ростом уровня товарно-денежных отношений.

Целенаправленная княжеская финансовая политика, выражавшаяся в регулярном сборе налогов, расширении контингента налогоплательщиков и интенсивном содействии углубленному вовлечению города в экономическую систему княжества, чему способствовало и проведение политики протекционизма, служила экономическому сплочению территории княжества.

В отношении городов к финансовым преобразованиям и к княжеской экономической политике отразилась их объективная союзническая позиция по отношению к княжеской власти, их заинтересованность в управлении территориального государства.

Перевес феодального сословия в соотношении сил между ним и городами, достигнутый к середине XVI века, и концентрация экономической власти в руках знати привели к утрате князьями власти над финансами государства, которые постепенно были обращены в пользу интересов феодалов.

§ 4. Борьба за судебную самостоятельность территориального государства

Укрепление территориального государства и рост княжеского суверенитета требовали создания постоянно функционирующего княжеского суда. Также и земские сословия в условиях проходящей территориальной консолидации были заинтересованы в существовании местного земского суда. Реорганизация судопроизводства в Мекленбурге развивалась в тесной взаимосвязи с рецепцией Римского права по всей Германской империи и перестроением суда как в империи в целом, так и в территориальных государствах в частности. Процесс утверждения нового порядка работы княжеского суда и отстранение внешних судов от вмешательства в дела княжества наглядно отражает как общие интересы, так и противоречия между правителями и земскими сословиями.

Формально устранение внешних судов в территориях началось с привилегии императора 1495 г. о судебной независимости светских владений, которая была издана одновременно с утверждением имперского суда (Reichskammergericht), и с папской буллой 1510 года об освобождении светских поданных от церковного суда /159, s. 48/. В действительности же проблема решалась всю первую половину XVI века.

В Мекленбурге интенсивные мероприятия по созданию земского суда началось с 1512 г., когда был издан княжеский указ о запрещении жителям городов обращаться к Вестфальским и Штендальским судам /157, s. 140/. В 1513 г. последовал закон о су-

дебном порядке (*Gerichtsordnung*), Суть преобразований в судопроизводстве заключалась в создании вместо старого прицворного суда, который заседал нерегулярно в княжеских резиденциях и работал медленно и неэластично, что обычно послужило причиной для обращения заинтересованных сторон к внешним судам, доступного всем жителям княжества и продуктивно работающего земского суда /61, s. 118/. Во главе суда, который состоял из заседателей: докторов права и земских советников (по 2 из каждого ганзейского города, 2 представителя духовенства, 10-12 из рыцарского сословия), стал сам князь. Вел процесс прокуратор, получивший за процесс один гульден. Дни заседания суда (*Rechtstage*) были установлены договором 1520 г. два раза в год в Висмаре, Гюстрове или Шверине, и они продолжались 3-4 дня (после решения 1535 г. об обязательном рассмотрении всех поступивших дел — иногда до 5 недель). В том же году были изданы еще два, дополняющих выше рассмотренный, закон — повторно о недопущении обращения к внешним городским судам и о неподчинении церковным судам по светским вопросам /61, s. 119-127; 145, s. 6/.

Города, особенно ганзейские, в вопросе о подчинении княжескому суду (который по своему характеру являлся земским судом) находились в затруднительном положении: с одной стороны по мере консолидации территории и постоянном срастании их интересов с интересами княжества, они были заинтересованы в поддержке княжеской власти, с другой — возможность обращения к внешним (Вестфальским — для городов с Любекским правом, Штендальским — для городов с Бранденбургским правом) судам способствовала сохранению их привилегированного положения в пределах

княжества. Так как подобные Мекленбургу преобразования в управлении княжеств, в том числе в судопроизводстве в XVI веке происходили и в других территориальных государствах, вопрос о правовом статусе ганзейских городов неоднократно поднимался на ганзетагах, где повторно подчеркивалась обособленность ганзейских городов в рамках территориальных образований, отражающаяся в праве обращаться к Вестфальским судам /VIII, № 92, § 29, 36; IX, № 39, § 255, 256/. Ганзейские города преследовали две основные цели в борьбе за свою судебную самостоятельность:

1) не допустить обращения (или привлечения) горожан по светским делам к церковному суду — позиция полностью совпадающая с целями княжеской политики; 2) исключить вмешательство княжеского суда во внутригородские дела — линия диаметрально противоположная стремлениям княжеских властей. Выше сказанное наглядно отражается в формулировках статей Висмарских законов ("Burgrechte"): если в 1480 г. был оглашен запрет одному биргеру подавать жалобу на другого в церковный суд /XVIII, № 68, § 52/, то в середине XVI века, в условиях совершенствования полномочий княжеского земского суда действовал запрет обращения с внутригородскими делами к "посторонним" судам (вероятнее всего, что здесь подразумевался именно княжеский суд, который по понятным причинам не мог быть назван) /XVIII, № 70, § 64/, а в случае, если биргер искал апелляции против своего города, он имел право обращаться только к другому городу и ни в коем случае к князю /95, s. 94/.

Если ганзейские города всеми силами старались не допустить княжеские власти к решению дел, имеющих отношение к внутренней

жизни города, то в спорах с представителями других сословий они признавали полномочия княжеского суда, были заинтересованы в его функционировании и с тем самым содействовали осуществлению этого направления княжеской политики. Известен даже случай, когда представители Висмарского совета в 1517 г. не явились на собрание ганзейских городов, отдавая предпочтение присутствию на заседании княжеского суда /IX, № I/. В целом, в условиях консолидации территории, в существовании земского суда были заинтересованы все сословия, несмотря на частные разногласия по конкретным аспектам его функционирования. Сохранилось письмо горожан Ростока (письмо не имеет подписи, но судя по внешним признакам составлено в городском совете) князьям, в котором авторы указывают на необходимость скорейшего создания регулярно функционирующего княжеского суда. Они указывают, что обращение княжеских поданных к внешним судам приносит ущерб княжеству и утруждает как поданных, так и князя, и просят дать возможность без осложнений решать дела перед земским или княжеским судом /I, s.19/. Особенно подобные стремления нашли отражение в 20-е годы и в начале 30-х годов XVI века в условиях опасности раздробления территории, которое причинило бы ущерб и судебной системе Мекленбурга: если с 1513-1520 годов дни заседаний проходили четко два раза в год, то после 1520 г. в среднем раз в два года, а с 1532-1635 гг. последовал перерыв заседаний. Одновременно князья пытались создать суд "Hofgericht" при каждом дворе /65, Приложения/. В таких условиях сословиями был создан совет из 23 (после - 12) членов для рассмотрения дел между представителями сословий, а также и жалоб

против князей /154, s.7-8/.

Разрыв в заседаниях княжеского суда последовал и в результате кризиса совместного правления в 1552 г. Но это было уже время подъема власти знати, которое на данном этапе завершилось соглашением 1555 г., которому последовал и соответствующий закон о суде 1558 г. (Landesgerichtsvordnung) /96, s.5-10/. Был введен письменный процесс, против которого всю первую половину XVI века боролись города, опасаясь роста роли прокураторов и княжеской канцелярии вообще, где несомненным преимуществом владели феодалы /61, s.130/, утвержден перевес земских советников над учеными заседателями и создана коллегия присяжных с гарантированным перевесом в ней представителей рыцарского сословия /61, s.130-131/.

На процессе упрочнения позиций княжеского земского суда ощутимое воздействие оказали и мелкие города герцогства. В жалобах городов, предшествующих разработке и изданию общегосударственного закона 1516 г., наряду с другими вопросами была поднята проблема слабости княжеского суда и обращения бюргеров в связи с этим к церковным судам, что городским советом оценивалось как нежелательное явление /VI C, s.166/. Далее этот вопрос был включен в число обсуждаемых на ландтаге, но уже в несколько измененном контексте, где была подчеркнута обязанность бюргеров обращаться к княжескому суду или к княжеским должностным лицам, если сам князь в данный момент не доступен /VI E, s.170-171/. В тексте закона 1516 г. обязательное обращение к помощи княжеского суда не нашло прямого отражения (очевидно, здесь сказывались не созревшие для подобного диктата предпосыл-

ки, что правильно оценил составитель закона — канцлер Шенейх). В то же время указывается на целесообразность пользования советами "правильных" или "законных" ("ordentlichen richter") судей /XVI, § 8/. Параллельно ясно декларировано ~~отстранение~~ церкви от решения светских проблем: "с этого /момента/ ни один светский /человек/ не /имеет право/ приглашать другого светского /лица/ (т.е. подавать на него жалобу) или духовное лицо — светского по светским делам в церковный суд" /XVI, § 10/. Положение о судах в неизменном виде было повторено в общегосударственном законе 1542 г., что свидетельствует о него нарушениях в практической жизни, а также и о решительном стремлении княжеской политики к его реализации /73/.

Особого внимания заслуживает факт о крайне различном отношении княжеской власти к ганзейским и к остальным городам, которое отражается в законе 1516 г. Если мелким городам в форме приказа адресованы 59 параграфов закона, то к ганзейским городам относятся лишь клаузула к § 7 (см. I глава, § 2) и § 60 "об обеих городах Ростоке и Висмаре", носящий принципиальное значение: советы обеих городов должны "законы рассмотреть и обсудить, и следовать им настолько, насколько это возможно..." "... или действовать по старым обычаям и другим правилам" /XVI, § 60/. Этим открыто допускалось недоподчинение ганзейских городов указаниям княжеских властей, хотя с их точки зрения было желательным распространение воздействия закона на все земские города, статус каковых формально занимали и Росток и Висмар. То-есть, было признано и с помощью государственного закона зафиксировано их особое положение в территориальном

государстве (и не только в судебных делах, так как закон 1516 г. нес разносторонний характер).

Создание постоянно функционирующего княжеского (по характеру земского) суда являлось объективно обусловленной неотъемлемой частью в процессе институционализации княжеского государственного управления. Похожие преобразования на аналогичном этапе развития происходили и в других территориях (например, в Саксонии уже в 1486 г.) /61, s. 126/. Ход утверждения княжеского суда в Мекленбурге красноречиво иллюстрирует узловые моменты в отношениях между княжеской властью и земскими сословиями и отражает цели каждой из сторон.

Княжеская политика была ориентирована на осуществление княжеского суда над всеми земскими сословиями, но при ее реализации князья были вынуждены считаться с реальной силой отдельных членов сословий.

В отношении городов к реорганизации судебной системы отражается их объективное стремление к поддержке княжеской политики и заинтересованность в успешное ее осуществление, несмотря на оппозицию ганзейских городов по отношению к отдельным аспектам ее проявления, заключающим в себя угрозу их привилегированному положению.

Материалы, отражающие реформы в управлении Мекленбурга в первой половине XVI века и роль городов в этом процессе, позволяют сделать следующие выводы:

I. Предпринятые князьями Мекленбурга по образцу раннеабсолютистских преобразований в передовых немецких княжествах мероприятия по укреплению внутреннего и внешнеполитического

положения княжества и создания феодально централизованной системы управления, свидетельствуют о том, что результат создания центральных государственных учреждений и реорганизации финансовой судебной системы в условиях Мекленбурга определялся степенью заинтересованности в этом земских сословий.

2. Так как оба земских сословия (духовенство с осуществлением реформации постепенно отстранялось от решения государственных вопросов) — рыцарство и города являлись в определенном смысле соперниками князей (города, особенно ганзейские, преимущественно в вопросах о праве распоряжаться их экономическим потенциалом; феодальное сословие, особенно знать, преимущественно в вопросе об административно-политической власти в государстве) и одновременно противниками друг друга, то направленность государственной политики определялась соотношением сил между ними.

3. В ходе первой половины XVI века определилось как сильнейшее и наибольшее воздействие на политику княжества стало оказывать феодальное сословие. Города, являвшиеся объективным союзником князей и их экономической опорой, постепенно теряли реальные возможности влиять на направленность развития территориального государства. Поэтому вполне закономерно, что наиболее активная реорганизация управления и политика проведения политики протекционизма относятся к началу XVI века, когда знать еще не завоевала прочные экономические и политические позиции.

4. В этих условиях города во главе с Ростком и Висмаром играли следующую роль: I) вовлечение городского экономического

потенциала в хозяйство княжества стимулировало преобразования;

2) в целом города содействовали княжеской политике, хотя существовало множество разногласий между ними по тем ее аспектам, которые представляли собой угрозу для привелегированного положения ганзейских городов в княжестве; 3) города как мощная экономико-политическая сила играли роль сдерживающего фактора в процессе упрочнения власти феодального сословия и в первой половине XVI века не допустили утверждения его абсолютной доминанты в жизни территориального государства.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование, целью которого является определение возможностей и степени воздействия городов Мекленбурга на политику, осуществленную князьями в первой половине XVI века, позволяет сделать следующие выводы.

I. Первая половина XVI века в истории Мекленбурга представляет собой переломный период в его экономическом, социальном и политическом развитии.

Для начала века характерно усиление потенциальных возможностей развития новых прогрессивных форм как в организации производства, так и в управлении территориального государства. С вовлечением Мекленбурга в международный рынок, выразившимся в постепенно нарастающей специализации в производстве сельскохозяйственной продукции для сбыта в Западной Европе, пережившей в то время бурный процесс урбанизации в связи с развитием капиталистических элементов в производстве, на экономику княжества стали действовать некоторые закономерности раннекапиталистических отношений. Они стали стимулирующим фактором для существенных преобразований в экономике: в рамках специализации всего региона на производство сельскохозяйственной продукции (в первую очередь зерна) все четче стала выявляться специализация отдельных областей Мекленбурга в производстве технических культур (но не для обмена между разными территориями собственно Мекленбурга, а для сбыта на рынке ганзейских городов); выступавший в это время еще в качестве основного поставщика сельс-

кохозяйственной продукции, зажиточный крестьянин искал методы для поднятия уровня производительности труда, выражавшиеся в улучшении аграрной технологии и средств производства; как начальное звено внешнего рынка складывается единый внутренний рынок со своими локальными центрами — мелкими городами. В то же время спад ганзейской посреднической торговли повлек за собой переориентацию ганзейских городов Ростона и Висмара на экспорт собственной продукции. Это способствовало проникновению в экономику городов элементов раннекапиталистической организации труда, поскольку новые отрасли городского хозяйства, связанные с действием торгового капитала не были регламентированы цеховым уставом. С другой стороны — развитие экспортных ремесел способствовало складыванию внутреннего рынка, так как они нуждались в снабжении сырьем из экономического тыла ганзейских городов.

В середине XVI века выше перечисленные показатели потенциального прогресса в хозяйственной жизни княжества или исчезли, или наполнились другим содержанием, с чем утратили свое значение. Специализация в экспорте сельскохозяйственной продукции сохранила свое значение, более того — стала определяющей доминантой в экономике княжества. Но из рыночных отношений все больше вытеснялся свободный крестьянин, его экономические позиции занимал владелец крупного дворянского землевладения. В организации труда он стремился к увеличению удельного веса отработочной ренты, чему реальную основу создавал постоянный рост его полицейской и судебно-административной власти на местах. Вследствии этого: 1) по мере возрастания роли принудительного

крестьянского труда в сельском хозяйстве были уничтожены ростки раннекапиталистических элементов в нем (Мекленбург продолжал оставаться членом мирового рынка, но в производстве основной отрасли феодального хозяйства — в сельском хозяйстве, стали доминировать феодальные элементы, приведшие в конце XVI — начале XVII веков к процессу рефеодализации); 2) городское экспортное ремесло лишилось сырьевой базы, так как, с одной стороны, из-за конъюнктурных соображений хозяйства феодалов пошли по пути односторонней ориентации на производство зерна, с другой — в торговых отношениях они стали пытаться вообще обходить рынок ганзейских городов, чтобы не считаться с их торговыми привилегиями; 3) сократился сам объем торговли ганзейских городов в связи с ростом дворянских привилегий в организации сбыта сельскохозяйственной продукции; 4) теряли свое значение мелкие города как начальные звенья в системе ганзейской торговли.

Данные процессы в экономике повлекли за собой определенные последствия в социальной структуре и резонировали с курсом княжеской государственной политики.

2. Характер экономического развития княжества в начале XVI века определил складывание относительно широкой социальной основы для проведения мероприятий по централизации управления. В ее успешном осуществлении до определенного уровня были заинтересованы практически все слои населения: I) в первую очередь города — ганзейские в связи с развертыванием внутриземельной торговли (где особую роль играли интересы той части бюргеров, которая была связана с раннекапиталистическим производством, ввиду ее тесных связей с внутренним рынком), а также и мелкие

города, интересы которых уже в своей основе были объективно связаны с развитием территории, но в рассматриваемый период особенно — в связи с ростом ориентации на ганзейский рынок;

2) сельские производители, в это время еще связанные с рынком;

3) феодалы по мере повышения значения хозяйственной деятельности в их жизни;

4) в известной мере и духовенство, но в отличие от других слоев населения — по политическим причинам (ухудшение отношений с империей).

К середине века расстановка сил значительно изменилась:

1) ганзейские города теряли как заинтересованность в дальнейшей централизации княжества, так и реальную возможность поддержать ее, поскольку с одной стороны все больше уменьшалась экономическая необходимость в этом, с другой — в государственных учреждениях они по праву видели оружие укрепления власти феодалов;

2) в мелких городках усилились феодальные элементы, терялась их экономическая и политическая связь с ганзейскими городами;

3) феодалы продолжали содействовать централизации, которая уже означала укрепление не княжеской верховной власти, а власти феодальной знати.

Процесс складывания соотношения сил между городами и феодалами длился весь рассматриваемый период, но известным рубежом в его развитии можно считать 1523 год, зафиксировавший в форме государственного закона решающее значение в развитии территориального государства. Выдвижение дворянства на определяющие позиции коренилось в низком уровне развития капиталистических элементов в экономике княжества: в Мекленбурге в первой половине XVI века не существовали силы, способные и до конца заим-

тересованные противостоять захвату ключевых экономических и политических позиций феодалами.

3. В политическом развитии Мекленбурга начало XVI века характеризовалось широкими преобразованиями в государственном управлении, которые коренились как в закономерностях всевропейского развития, так и в особенностях положения Мекленбурга.

Процесс консолидации национальных государств в Европе при одновременной раздробленности германской империи и возникновение новых принципов международных отношений требовали сближения территории княжества, укрепления его внешнего положения и реорганизации внутривполитического управления. К изменениям в структуре управления вели и особенности социально экономического и внутривполитического развития княжества. Суть преобразований заключалась в создании таких государственных институтов, которые способствовали бы подчинению всей территории княжества центральной власти и укреплению княжеского суверенитета. Так как проведение мероприятий с рассмотренной выше целью требовало больших материальных затрат, правители нуждались в регулярных доходах. Вследствии этого княжеская финансовая политика была направлена на превращение постоянно растущих (в связи с расширением рынка сельскохозяйственной продукции) средств городов и сельских поставщиков в источник регулярного пополнения княжеской казны. При проведении этой политики в начале века княжеская власть поддерживалась сословиями, заинтересованными в укреплении внутренних экономических связей.

К середине века перестроение внутривполитической системы Мекленбурга приобрело иную направленность; в связи с широкой

концентрацией политического управления в руках феодалов (на основе постепенного перенятия ими в свои руки ключевых позиций в экономике) происходила трансформация содержания государственных преобразований. Государственные должности стали занимать выходцы из знати, налоговая политика была обращена против городских интересов, планы княжеской политики протекционизма остались неосуществленными.

Так как курс княжеской политики, в том числе уровень осуществления реорганизации в управлении, ввиду полной экономической зависимости княжеской власти от земских сословий, зависели от степени заинтересованности последних в осуществлении конкретных преобразований, причины поворота в государственном развитии Мекленбурга скрывались в особенностях развития его социально-экономической структуры.

4. Анализ социально-экономической и политической картины Мекленбурга в первой половине XVI века доказывает бесспорное сходство его развития с основными направлениями развития других немецких территориальных государств, где в конце XV — начале XVI веков наблюдалась тенденция к централизации государственного управления и укреплению княжеской верховной власти, которые в течении XVI века были приостановлены под воздействием сопротивления феодальных сил. В политическом развитии этих княжеств (в т.ч. Мекленбурга) видны несомненные элементы абсолютистского правления: укрепление княжеской верховной власти, чему служил целый комплекс преобразований в государственном управлении, и складывание некоторых элементов абсолютистской идеологии. Одновременно отсутствовала достаточная соци-

альная опора для последовательного осуществления этого курса. С выдвиганием знати на определяющие экономические и политические позиции в территориальном государстве, формы управления во время реорганизации государственной структуры, сохранились, но наполнились чуждым для их начальной идеи содержанием. Это указывает на решающую роль внешнего фактора при осуществлении абсолютистских тенденций в княжестве и отсутствие достаточных внутренних предпосылок для этого.

Следовательно, перестроение системы политического управления Мекленбурга в первой половине XVI века нельзя считать в полной мере основанным на требованиях его социально-экономической структуры, оно, скорее, явилось подражанием во внешних формах системе государственного управления других европейских государств, в частности — передовых немецких княжеств (например, Саксонии, Баварии, Бранденбургу, где подобные преобразования, так же с временным успехом, стали осуществляться уже со второй половины XV века). Перед нами разновидность ранней формы княжеского абсолютизма, сложившегося под воздействием внешних факторов и только отчасти коренившегося в особенностях социально-экономического развития.

5. В процессе развития политической системы Мекленбурга в первой половине XVI века существенное воздействие на ее направленность оказали города княжества: 1) они не только содействовали основным направлениям княжеской политики, но даже отстаивали последовательность их осуществления в случаях отступления правителей от намеченной политической линии (как в вопросах о территориальной целостности и о княжеском суде); 2) города яв-

являлись мощным стимулом в преобразованиях, так как их перадовой экономической потенциал являлся объектом ряда преобразований, служивших его подчинению экономическим интересам княжества;

3) экономическая мощь и политическая активность городов замедляли рост власти феодалов, города как основная противодействующая дворянству сила являлись препятствием на его пути к захвату безраздельно доминирующего положения в княжестве.

Города Мекленбурга, хотя и представляли собой две существенно отличающиеся группы с различными возможностями оказать реальное воздействие на политическое развитие государства, по отношению к государственной политике в целом занимали сходные позиции, так как мелкие города проявляли тенденцию к поддержанию политической линии ганзейских городов.

В то же время содействие курсу княжеской политики со стороны городов было ограниченным. Ганзейские города поддерживали политику правителей в такой мере, в какой она не противоречила их привилегированному положению в государстве, а их борьба с дворянством была скована частичной феодальной ориентацией патрициата. Действия мелких городов определялись их сильной зависимостью от феодальных элементов в их внутренней структуре.

В целом города способствовали возникновению и развитию раннеабсолютистских элементов в управлении княжества. В процессе реорганизации системы государственного управления города являлись союзниками князей, хотя их линия расходилась по некоторым вопросам взаимных отношений. Следовательно, распространение раннеабсолютистских принципов в государственном управлении княжества на данном этапе развития было обусловлено заинтере-

сованность в их возникновении как правителей Мекленбурга, так и земских сословий, в первую очередь городов.

При исследовании роли городов в политическом развитии Мекленбурга подробно не рассматривались особенности отношений между городами и правителями в связи с распространением Реформации в Мекленбурге, поскольку эта тема является областью специального исследования.

В дальнейшей работе над проблемами отношений городов с князьями в Мекленбурге в первой половине XVI века необходимо обратиться к углубленному изучению мелких городов с целью уточнения их места в экономико-политической системе княжества.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Труды классиков марксизма-ленинизма.

Маркс К. Революционная Испания // Маркс К., Энгельс Ф.
Соч.— 2-е изд.— Т.10.— С.423-480.

Маркс К. Фрагменты первоначального текста второй главы
первого выпуска к "Критике политической экономии"
и начало третьей главы // Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т.46.— Ч.2.— С.407-
496.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т.3.— С.7-544.

Энгельс Ф. Добавление к предисловию 1870 г. к "Крестьян-
ской войне в Германии" // Маркс К., Энгельс Ф.
Соч.— 2-е изд.— Т.18.— С.494-500.

Энгельс Ф. Заметки о Германии // Маркс К., Энгельс Ф.
Соч.— 2-е изд.— Т.18.— С.571-578.

Энгельс Ф. К "Крестьянской войне" // Маркс К., Энгельс Ф.
Соч.— 2-е изд.— Т.21.— С.417-418.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т.7.— С.343-437.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении нацио-
нальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
— 2-е изд.— Т.21.— С.406-416.

II. Источники

A. Неопубликованные источники:

- I. Briefwechsel und Verhandlung der Stadt mit den Herzögen 1490-1549 // Staatsarchiv Schwerin: Städtewesen.- 1293.- Nr. 1330.- XLIX^A: Stadtsachen.
- II. Landesverhandlungen 1482-1549 // Staatsarchiv Schwerin: Protokolle.- 1501.- Vol.1.
- III. Landtagsachen 1476-1550 // Stadtarchiv Rostock.- -Vol.1.

B. Опубликованные источники:

- IV. Abdruck der alten Union der mecklenburgischen Landesstände mit derselben Ratifikation de anno 1523 den 1 Augusti.- Schwerin: Bärensprung, 1776.- 4 S.
- V. Gerdes G.G. Nützliche Sammlung verschiedener, guthen theils ungedruckter Schriften und Urkunden, welche die mecklenburgische Landes Rechte, Geschichte und Verfassung erläutern können.- Wismar: Andreas geo. Wonkler, 1736:
  - A. Brüderlicher Erovertrag zwischen Heinrich, Erich und Albrechten - Gebrüdere, Hertzogen zu Mecklenourg de dato Wismar anno 1504.
  - B. Anderer Erovertrag zwischen Heinrich und Albrechten Gebrüdern, Hertzogen zu Mecklenourg de dato Schwerin anno 1513.- S.28-31.
  - C. Wismarischen Vertag de 1555 wegenöder streiti-

- gen Landes - Teilung des Herzogthum Mecklenburgs.
- S.181-197.
9. Ruppinischer Machtspruch de Anno 1556.- S.198-207.
- VI. Groth P. Die Entstehung der mecklenburgischen Polizeiordnung vom Jahre 1516: Anlagen A, B, C, D, E, F, G, H, J, L, N // MJobb.- 1892.- 57.- S.162-169, 177-279, 307-308.
- VII. Hanserecesse vom 1478-1530 / Bearb. von D.Schäfer.-
- Leipzig: Duncker und Humblot, 1894.- Abt.3.- Bd.5.
- 785 S.
- VIII. Hanserecesse von 1478-1530 / Bearb. von D.Schäfer.
- Leipzig: Duncker und Humblot, 1899.- Abt.3.- Bd.6.
- 863 S.
- IX. Hanserecesse von 1478-1530 / Bearb. von D.Schäfer.
- Leipzig: Duncker und Humblot, 1905.- Abt.3.- Bd.7.
- 941 S.
- X. Hanserecesse von 1478-1530 / Bearb. von D.Schäfer.
- Leipzig: Duncker und Humblot, 1910.- Abt.3.- Bd.8.
- 975 S.
- XI. Hanserecesse von 1478-1530 / Bearb. von D.Schäfer.
- Leipzig: Duncker und Humblot, 1913.- Abt.3.- Bd.9.
- 998 S.
- XII. Hanserecesse von 1531-1560 / Bearb. von K.Friedland,
G.Wentz.- Köln; Wien: Böhlau, 1970.- Abt.4.- Bd.2.
- 639 S.
- XIII. Hegel K. Geschichte der mecklenburgischen Landstände

- bis zum Jahre 1555: Anlagen.- Rostock, 1856.- 215 S.
- XIV. Des Herzogs Johann Albrecht I eigenhändiges Verzeichnis der Landesschulden im Jahre 1553 // MJbb.- 1858.- 23.- S.79-80.
- XV. Lambert Slagerts Chronik // Mecklenourgische Geschichte - Quellen.- Schwerin: Bärensprung, 1909. - Bd.1: Die Chroniken des Klosters Ribnitz.- S.63-240.
- XVI. Polizeiordnung vom Jahre 1516 // Groth P. Entstehung der mecklenburgischen Polizeiordnung vom Jahre 1516: Anlage M₁ // MJbb.- 1892.- 57.- S.279-302-
- XVII. Quellen zur Ländischen Siedlungs-, Wirtschafts-, Rechts- und Sozialgeschichte Mecklenburgs im 15. und 16. Jahrhunderten // Veröffentlichungen des Staatsarchivs Schwerin.- Rostock: Hinstorff, 1965. Bd. II/2.- S.111-130.
- XVIII. Techen F. Die Bürgersprachen der Stadt Wismar // Hansische Geschichtsquellen: Neue Folge.- Leipzig: Duncker und Humolot, 1906.- Bd.3.- 411 S.

III. Литература

1. Документы советско-итальянской конференции историков 8-10 апр. 1968 г. Абсолютизм в западной Европе и России: Русско-итальянские связи во второй половине XIX века / АН СССР. Ин-т всеобщей истории.- М., 1970.- 374 с.
2. Зеленин В.В., Костишко И.И. "Второе издание" крепостного права и европейский рынок // СС.- 1978.- № 6.- С.90-96.
3. Ивонин Ю.Е. Религиозно-политические союзы в западноевропейской политике первой половины XVI века // ВМ.- 1978.- № II.- С.85-102.
4. Какх Ю.Ю. Крестьянство восточнонемецких земель в XVI - середине XIX в. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма / Под ред. З.В.Удальцовой и др.- М.: Наука, 1986.- Т.3: Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений / Отв. ред. Ю.Ю.Какх.- - С.273-284.
5. Любинская А.Д. Государство эпохи Возрождения в Западной Европе // Типология и периодизация культуры Возрождения.- М.: Наука, 1978.- С.7-15.
6. Любинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века.- М., Л.: Наука, 1965.- 361 с.
7. Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV-XVI вв.: Развитие производительных сил.- Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1979.-168 с.
8. Некрасов Ю.К. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель в XVI в. // Проблемы экономического и политического развития стран

- Европы в античную эпоху и средние века: Сб. трудов / МПШ им. В.И. Ленина. — М., 1975. — С.179-204.
9. Никулина Т.С. Социально-экономическое развитие Любека во второй половине XV — первой половине XVI вв. и движение Вулленвевера: Автореферат к диссертации на соиск.уч.ст.канд. ист.наук. — Саратов, 1982. — 18 с.
10. Подалак Н.Г. Ганзейские города в борьбе против мекленбургских герцогов во второй половине XV в. // Ежегодник германской истории. — М.: Наука, 1986. — 1984. — С.65-79.
11. Подалак Н.Г. Социально-экономическое развитие ганзейского города Росток во второй половине XV — начале XVI вв.: Автореферат к диссертации на соиск.уч.ст.канд.ист.наук. — Киев, 1976. — 25 с.
12. Ролова А.Д. Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527-1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи. Автореферат к диссертации на соиск.уч.ст.канд.ист.наук. — Л., 1953. — 14 с.
13. Ролова А.Д. Феодалная реакция и упадок Италии // История Италии / Под ред. С.Д.Сказкина и др. — М.: Наука, 1970. — Т. I. — С.466-504.
14. Рутенберг В.И. Италия и Европа накануне нового времени: Очерки. — Л.: Наука, 1974. — 323 с.
15. Сказкин С.Д. Основные проблемы т.н. "второго издания крепостничества" в средней и восточной Европе // ВИ. — 1958. — № 2. — С.96-119.
16. Сказкин С.Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения) // Из истории средневековой Европы (X-XIII вв.): Сб.ст. / Под ред. С.Д.Сказкина. — М.:

Изд-во Моск.ун-та, 1957.- С.5-18.

17. Смирин М.М., Майер В.Е. Немецкое княжество в XIY - начале XVI вв. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма / Под ред. З.В.Удальцовой.- М.: Наука, 1986.- Т.2: Крестьянство Европы в период развитого феодализма / Отв. ред. М.А.Барг.- С.366-381.
18. Топольский И. Рефеодализация в экономике крупных землевладений в Центральной и Восточной Европе.- М.: Наука, 1970.- 18 с.
19. Чистозвонов А.Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // ВИ.- 1968.- № 5.- МС.46-63.
20. Чистозвонов А.Н. Некоторые основные теоретические вопросы проблемы генезиса абсолютизма в европейских странах // Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма.- М.: Наука, 1968.- С.8-122.
21. Шмидт С.О., Гутнова Е.В., Исламов Т.М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // НИИ.- 1985.- № 3.- С.42-58.
22. Яковсен Л.К. Средневековый город. Хозяйство и общество: Реферативный обзор // Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма.- М.:Наука, 1979.- Ч.1.- 319 с.
23. Якубский В.А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши.- Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1975.- 117 с.
24. Ястребицкая А.Л. Международная конференция о роли малых городов Европы в средние века и в начале нового времени // ВИ.- 1985.- № 9.- С.149-151.

25. Balck C.W.A. Güter und Ämter der Mecklenburg-Schwerinischen Domänen: Beitrag zum einheimischen Staats- und Verwaltungsrecht.- Schwerin: Bärensprung, 1901.- 162 S.
26. Bartholdi K.A. Wirtschaftliche und Soziale Verhältnisse des mecklenburgischen Domenialbauerntums im Jahrhundert vor dem 30- Jährigen Krieg: Eine Spezialuntersuchung für das Amt Buckow.- Dicc.Rostock, 1936.- 75 S.
27. Baumgart P. Universitätsautonomie und landesherrliche Gewalt im späten 16. Jahrhundert: Das Beispiel Helmstadt // ZHP.- 1974.- Bd.1.- H.1.- S.23-53.
28. Beck P. Zur Entstehung der zentralen Landesfinanzbehörde im ernestinischen Sachsen im 16. und 17.Jh. // Archivar und Historiker: Studien zur Archiv- und Geschichtswissenschaft - Berlin: Rütten und Loening, 1956.- S. 288-307.
29. Below G. Territorium und Stadt: Aufsätze zur deutschen Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte.- München; Leipzig: Oldenbourg, 1900.- 257 S.
30. Bentzin U. Bauernarbeit im Feudalismus: Landwirtschaftliche Arbeitsgeräte und - verfahren in Deutschland von der Mitte des ersten Jahrtausends unserer Zeitrechnung bis zum 1800.- Berlin: Akademie - Verlag, 1980.- 271 S.
31. Bergengrün A. Herzog Christoph von Mecklenburg, letzter Koadjutor des Erzbistums Riga: Ein Beitrag zur livländischen und mecklenburgischen Geschichte.- Reval: Kluge, 1898.
- 324 S.
32. Berthold R. Entwicklungstendenzen der spätfeudalen Get-

- reidewirtschaft in Deutschland // JbWG.- 1982.- Sonderband:
Bäuerliche Wirtschaft und landwirtschaftliche Produktion
in Deutschland und Estland (16. bis 19.Jh.).- S. 7-134.
33. Blaschke K. Deutsche Wirtschaftseinheit und Wirtschaftspartikularismus // Die Frühbürgerliche Revolution in Deutschland.- Berlin: Akademie - Verlag, 1961.- S. 53-58
34. Blaschke K. Frühkapitalismus und Verfassungsgeschichte // WZL.- 1965.- Jg 14.- S.435-431.
35. Blaschke K. Zur Statistik der sächsischen Städte im 16.Jh. // Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte.- Berlin: Rütten und Loening, 1956.- Bd.1: Vom Mittelalter zur Neuzeit.- S.133-143.
36. Böhlau H. Beiträge zum Schweriner Stadtrecht // ZRG.- 1869.- Bd.9.- S.261-286.
37. Böhlau H. Über Ursprung und Wesen der Leibeigenschaft in Mecklenburg // ZRG.- 1871.- Bd.10.- S.357-426.
38. Boll E. Geschichte Mecklenburgs mit besonderer Berücksichtigung der Culturgeschichte.- Neubrandenburg: Selbstverlag, 1855.- T.1.- 440 S.
39. Bolland J. Zur städtischen "Bursprake" im hansischen Raum // Zeitschrift des Vereins für lübeckische Geschichte und Altertumskunde.- 1956.- Bd.36.- S.96-118.
40. Bosl K. Die Geschichte der Repräsentation in Bayern: Landständische Bewegung, Landständische Verfassung, Landesauschuß und altständische Gesellschaft // Repräsentation und Parlamentarismus in Bayern vom 13 bis 20.Jh.- München:

C.H.Beck, 1974.- Bd.1.- 294 S.

41. Brand A. Die Gesellschaftliche Struktur des spätmittelalterlichen Lübeck // Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa: Vorträge und Forschungen.- Konstanz; Stuttgart: Jan Thorbecke, 1966.- S.215-239.
42. Brand A. Die Stadt des späten Mittelalters im hansischen Raum // HGo11.- 1978.- 96.- S.1-14.
43. Brather H.S. Die Verwaltungsformen am kursächsischen Hofe im ausgehenden 15.Jh. // Archivar und Historiker: Studien zur Archiv- und Geschichtswissenschaft.- Berlin: Rütten und Loening, 1956.- S.254-287.
44. Brennecke A. Die ardentlichen direkten staatsteuern Mecklenburgs im Mittelalter // MJbb.- 1900.- 65.- S.1-122.
45. Brinker F. Die Entstehung der "ritterschaftlichen Bauernschaft" in Mecklenburg.- Rostock: Hinstorff, 1940.- 164 S.
46. Brunner O. Zum Begriff Bürgertums // Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa: Vorträge und Forschungen.- Konstanz; Stuttgart: Jan Thorbecke, 1966.- Bd.11.- S.13-23.
47. Buchholz S. Versuch in der Geschichte des Herzogthums Mecklenburg.- Rostock: Anton Ferdinand Rose, 1753.- 776 S.
48. Carsten F.L. Die deutsche Landesstände und der Aufstieg der Fürsten // WaG.- 1960.- H.1.- S.16-29.
49. Conrad H. Deutsche Rechtgeschichte: Ein Lehrbuch.- 2.Aufl.- Karlsruhe: Müller, 1966.- Bd.2: Neuzeit bis 1806.- 552 S.

50. Cordshagen Ch. Amt Neustadt: Untersuchungen zur Agrargeschichte Mecklenburgs im 15. und 16. Jh.- Diss. Rostock, 1966.- 25 S.
51. Crull F. Die Ratslinie der Stadt Wismar // Hansische Geschichtsquellen.- Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1875.- Bd.2.- 134 S.
52. Czok K. Charakter und Entwicklung des feudalen deutschen Territorialstaates // ZfG.- 1973.- H.8.- S.925-949.
53. Czok K. Internationale Konferenz zur Regionalgeschichte // JoRG.- 1965.- Jg.1.- S.185-189.
54. Czok K. Zu den Entwicklungsstufen der marxistischen Regionalgeschichtsforschung un der DDR // JoRG.- 1965.- Jg.1. - S.9-24.
55. Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hansa: Hansische Geschichte in der zweiten Hälfte des 14. bis zum letzten Viertel des 15. Jh.- Berlin: Georg Reimer, 1906.- Bd.2.- - 561 S.
56. Dehn W.H.M. Geschichte von Mecklenburg von der Ältesten bis auf die neueste Zeit.- Rostock: Verlag der Univers. Buchhandlung von E.M. Deberg u. Comp., 1836.- 204 S.
57. Deutsche Geschichte: in 12 Bänden.- Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1983.- Bd.3: Die Epoche des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus, von den siebziger Jahren des 15. Jh. bis 1789.- 592 S.
58. Dillwitz S. Agrarverhältnisse beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus // ZfG.- 1976.- H.5.- S.579-581.

59. Ebel W. **Lübisches Recht im Ostseeraum // Die Stadt des Mittelalters.**- Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972.- Bd.2: Recht und Verfassung.- S.255-280.
60. Eichler H., Lehmann H. **Der deutsche territorialstaatliche Absolutismus // ZfG.**- 1970.- H.12.- S.1616-1618.
61. Endler K.A. **Hofgericht, Zentralverwaltung und Rechtsprechung der Räte in Mecklenburg im 16. Jahrhundert.**- Neustrelitz: Meckl.- Strelitzer Verlagsamt, 1925.- 39 S.
62. Engel E. **Stadt- Land- Beziehungen im hansischen Wirtschaftsraum der Hansischen Arbeitsgemeinschaft der Historiker - Gesellschaft der DDR vom 13. bis 15. September 1977 in Rostock // ZfG.**- 1978.- H.3.- S.234-236.
63. Engel E. **Zu einigen Aspekten spätmittelalterlichen stadt- Land - Beziehungen, vornämlich im Bereich von Hansestädten // Jo für die Geschichte des Feudalismus.**- 1980.- 4.- - S.151-172.
64. Engel F. **Die mecklenburgischen Kaiserbederegister von 1496 // MdF.**- 1968.- 56.- 363 S.
65. Engel F. **Mittelalterliche Hufenmaße als Siedlungsgeschichtliche Quellen // Engel F. Beiträge zur Siedlungsgeschichte und historischen Landeskunde Mecklenburg - Pommern - Niedersachsen.**- Köln; Wien: Böhlau, 1970.- S.116-136.
66. Engel F. **Niedersachsen, Mecklenburg, Pommern: Über die Einheit des norddeutschen Raumes seit der mittelalterlichen Ostkolonisation // Schriftenreihe der Landeszentrale für Heimatsdienst in Niedersachsen.**- Hannover, 1956.- H.3. - 215 S.

67. Engel F. Zur Siedlungsgeschichte Mecklenburgs // Engel F. Beiträge zur Siedlungsgeschichte un historischen Landeskunde Mecklenburg - Pommern - Niedersachsen.- Köln; Wien: Böhlau, 1970.- S.81-100.
68. Fritze K. Bürger und Bauern zur Hansezeit: Studien zu den Stadt- Land- Beziehungen an der südwestlichen Ostseeküste vom 13. bis zum 16. Jh. // AHSg.- 1976.- Bd.16.- 118 S.
69. Fritze K. Entwicklungsprobleme der nichtagrarischen Produktion im hansischen Wirtschaftsraum // AHSg.- 1979.- Bd.18. - S.15-25.
70. Fritze K. Die progressive Rolle des hansischen Handelskapitals und ihre Grenze // AHSg.- 1975.- Bd.15.- S.15-34.
71. Fritze K. Soziale Aspekte der Zuwanderung zu den Hansestädten an der südwestlichen Ostseeküste bis zum 16.Jh. // Jb. für Geschichte des Feudalismus.- Berlin: Akademie - Verlag, 1978.- 2.- S.177-190.
72. Fritze K. Stadt- Land- Beziehungen im hansischen Bereich im Mittelalter // AHSg.- 1979.- Bd.18.- S.109-117.
73. Glöcker A.F.W. Über mecklenburgische Polizei-Ordnung vom Jahre 1542 // MJbb.- 1851.- 16.- S.342-349.
74. Görlitz Woldemar. Staat und Stände unter Herzögen Albrecht und Georg 1485-1539.- Leipzig; Berlin: Teubner, 1928.-599 S.
75. Groth P. Die Entstehung der mecklenburgischen Polizeiordnung vom Jahre 1516 // MJbb.- 1892.- 57.- S.151-161.
76. Hamann M. Der Einfluss verschiedener Bevölkerungsmassen auf das mittelalterliche Stadtrecht: Gezeigt am Beispiel der wendischen Hansestädte im Gebiet der DDR.- Berlin, 1953.- - 40 S.

77. Hamann M. Mecklenburgische Geschichte von den Anfängen bis zur Landständischen Union von 1523 // MdE.- 1968.- 51.-379 S.
78. Hamann M. Mecklenburgs Beitrag zur deutschen Landesgeschichte // Jb. für Geschichte Mittel- und Ostdeutschland.- 1969.-
- 18.- S.254-288.
79. Hamann M. Das staatliche Werden Mecklenburgs // MdP.- 1962.
- Bd.24.- 197 S.
80. Hamann M. Wismar - Rostock - Stralsund - Greifswald zur Hansezeit, ein Vergleich: Vom Mittelalter zur Neuzeit // Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte.- Berlin: Akademie-Verlag, 1956.- Bd.1: Vom Mittelalter zur Neuzeit.- S.90-113.
81. Harnisch H. Bauern - Feudaladel - Städtebürgertum: Untersuchungen über die Zusammenhänge zwischen Feudalrente, bäuerlichen und gutsherrlichen Warenproduktion und den Warengeld - Beziehungen in der Mecklenburger Börde und den nordöstlichen Harzvorland von der frühbürgerlichen Revolution bis zum 30-jährigen Krieg // AHSG.- 1980.- Bd.20.
- 215 S.
82. Harnisch H. Landgemeinde, feudalherrlich - bäuerliche Klassenkämpfe und Agrarverfassung im Spätfeudalismus // ZfG.- 1978.- H.10.- S.887-897.
83. Hartung P. Der deutsche Territorialstaat des 16. und 17. Jh. nach fürstlichen Testamenten // Volk und Staat in der deutschen Geschichte: Gesammelte Abhandlungen.- Leipzig: Köhler und Amelang, 1940.- S.94-111.

84. Hartung F. Deutsche Verfassungsgeschichte vom 15. Jh. bis zur Gegenwart.- Stuttgart: Köhler, 1950.- 9. Aufl.- 384 S.
85. Hartung F. Zur Entwicklung der Verfassungsgeschichtsschreibung in Deutschland// Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Berlin: Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats- Rechts- und Wirtschaftswissenschaft.- Berlin: Akademie - Verlag, 1956.- 46 S.
86. Hartwig P.W. Mecklenburgs Vorderstädte nach Begriff und Befugniss: Ein Versuch gegenwärtiger Zeit -- Bedürfniss.- Schwerin: Bärensprung, 1787.- 108 S.
87. Hegel C. Geschichte der mecklenburgischen Landstädte bis zum Jahre 1555.- Rostock: Adlers Erben, 1856.- 215 S.
88. Heitz G. Bauernbewegungen in Europa vom 16. bis zum 18. Jh. // ZfG.- 1980.- H.5.- S. 442-455.
89. Heitz G. Die Erforschung der Agrargeschichte des Feudalismus in der DDR (1945-1960) // ZfG.- 1960.- Sonderheft.- S. 116-141.
90. Heitz G. Über Teilbetriebscharakter der gutsherrlichen Eigenwirtschaft in Scharbow (Mecklenburg) im 17. und 18. Jh.: Ein Beitrag zur Gutsherrschaftsdiskussion // WZ Universität Rostock. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe.- 1958/59.- H.3.- S. 299-320.
91. Heitz G. Wirtschafts- und Sozialgeschichtliche Aspekte der zweiten Leibeigenschaft // WZ Universität Rostock. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe.- 1982.- H.1/2.- S. 1-5.

92. Heitz G. Zum Charakter der zweiten Leibeigenschaft // ZfG.
- 1972.- H.1.- S. 24-39.
93. Heitz G. Zur Rolle der kleinen mecklenburgischen Landesstädte in der Periode des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus // Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte.
- Berlin: Akademie - Verlag, 1961.- Bd.8.- S. 103-122.
94. Heitz G. Der Zusammenhang zwischen der Bauernbewegungen und der Entwicklung des Absolutismus in Europa // ZfG.- 1965.- Sonderheft.- S. 71-83.
95. Heuer H. Müneburg im 16. und 17.Jh. seine Eingliederung in den Fürstenstaat.- Diss. Hamburg, 1969.- 46 S.
96. Kamptz K.Ch.A.H. Beiträge zum mecklenburgischen staats- und Privatrecht.- s.l., 1795.- 1805.- Bd.1-6.- 393 S.
97. Keyser E. Die Bevölkerung der deutschen Städte // Altständisches Bürgertum.- Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978.- Bd.2: Erwerbsleben und Sozialgefüge.
- S. 249-268.
98. Köhle K. Landesherr und Landstände in der Oberpfalz von 1400 bis 1503: Sozialstruktur und politische Repräsentanz eines frühneuzeitlichen Territoriums // Neue Schriftenreihe des Stadtarchivs München.- München, 1969.- Bd.33.-H.16.-
- 197 S.
99. Krämer A. Allgemeine Übersicht der mecklenburgischen Geschichte von dem Ältesten bis auf die neuesten Zeiten.
- Regensburg: Wittwe Brenk, 1824.- 192 S.
100. Krey J. Erinnerungen an die Herzöge Heinrich V und Johann Albrecht von Mecklenburg bei der dritten Säcularfeier der

- Reformation Luthers.- Rostock;-Adlers Erben, 1877.- 20 S.
101. Kuczynski J. Zum Aufsatz von Johannes Nichtweiß über die zweite Leibeigenschaft // ZfG.- 1954.- H.3.- S. 467-471.
102. Küttler W. Stadt und Bürgerium im Feudalismus: Zu Theoretischen Problemen der Stadtgeschichtsforschung in der DDR // Jb für Geschichte des Feudalismus.- Berlin: Akademie - Verlag, 1980.- Bd.4.- S. 75-112.
103. Kuntzel G. Die politischen Testamente der Hohenzollern nebst ergänzenden Aktenstücken.- Leipzig; Berlin: Teubner, 1911.- S. 1-40v
104. Langer H. Das Braugerweibe in den deutschen Hansestädten der frühen Neuzeit // AHSG.- 1979.- Bd.4.- S. 65-81.
105. Lanzinner M. Fürst, Räte und Landstände: Die Entstehung der Zentralbehörden in Bayern 1511-1598 // Veröffentlichungen des Max-Planck-Institut für Geschichte.- Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980.- 454 S.
106. Lehmann H. Das Hauptstadtproblem in Schleswig - Holstein seit dem 16.Jh.: Bemerkungen zum Typ eines Landes mit mehreren Hauptstädten und starken Außenzentren // Stadt und Land in der Geschichte des Ostseeraumes.- Lübeck, 1973.- S. 90-103.
107. Lehmann H. Zum Wandel des Absolutismusbegriffes in der Historiographie der BRD // ZfG.- 1974.- H.1.- S. 5-27.
108. Lisch G.C.F. Antonius Schröder und der Türkenzug von 1532 // MJobb.- 1858.- 23.- S. 150.
109. Lisch G.C.F. Des Herzogs Albrecht des Schönen Reise zum Kaiser Carl V 1543 // MJobb.- 1858.- 23.- S. 151.

110. Lisch G.C.F. Der lippesche Bund von 1519 // MJbb.- 1855.
- 2o.- S. 82-88.
111. Lisch G.C.F. Das Polnische Bündnis von 1524 // MJbb.-
- 1855.- 2o.- S. 108-113.
112. Mager F. Geschichte des Bauerntums und der Bodenkultur im
Lande Mecklenburg // Veröffentlichungen der Historischen
Kommission der Akademie für Wissenschaften Berlin.- Berlin:
Akademie - Verlag, 1955.- 591 S.
113. Martin T. Rezension // ZHF.- 1977.- Bd.4.- H.3.- S. 357-
358.- Rez. über: Orth E. Die Fehden der Reichsstadt Frank-
furt am Main im Spätmittelalter: Fehdefreiheit und Fehde-
praxis im 14. und 18.Jh. // Frankfurter Historische Abhand-
lungen.- Wiesbaden, 1973.- 160 S.
114. Maschke E. Deutsche Städte am Ausgang des Mittelalters
// Die Stadt am Ausgang des Mittelalters: Beiträge zur
Geschichte der Stadt Mitteleuropas.- Linz/D, 1974.- S.1-44.
115. Maybaum H. Die Entstehung der Gutsherrschaft im nordwest-
lichen Mecklenburg (Amt Gadebusch, Amt Grevesmühlen)
// VSWG.- 1926.- 4.Heft der Beitefte.- 269 S.
116. Maybaum H. Die territoriale Entwicklung Meckelnburgs
// Mecklenburg, ein deutsches Land im Wandel der zeit.
- s.l., 1939.- S. 63-70.
117. Millies Sch. Die Anfänge einer staatlichen Wirtschaftspo-
litik in Mecklenburg im 15./16.Jh. // MJbb.- 1937.- 1ol.
- S. 1-84.
118. Mitterauer M. Grundlagen der politischen Berechtigung im
mittelalterlichem Ständewesen // Der moderne Parlamentaris-

- mus und seine Grundlagen in der ständischen Repräsentation.- Berlin.: Duncker und Humblot, 1977.- S. 11-41.
119. Der moderne Parlamentarismus und seine Grundlagen in der ständischen Repräsentation: Vorwort.- Berlin: Duncker und Humblot, 1977.- S. 1-8.
120. Mortensen H., Mortensen G. Über Entstehung des ostdeutschen Grossgrundbesitzes // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen: Philologische Historische Klasse.- Göttingen//Vandenhoeck und Ruprecht, 1955.- S. 21-33.
121. Müller-Mertens E. Bürgerlich - Städtische Autonomie in der Feudalgesellschaft: Begriff und geschichtliche Bedeutung // ZfG.- 1981.- H.3.- S. 205-225.
122. Neukirsch A. Der niedersächsische Kreis und die Kreisverfassung bis 1542 // Quellen und Darstellungen aus der Geschichte des Reformationsjahrhunderts.- Leipzig: M.Heinrichs Nachfolger, 1910.- Bd.10.- 226 S.
123. Nichtweiss J. Antwort an Jürgen Kuczynski // ZfG.- 1954.- H.3.- S. 471-476.
124. Nichtweiss J. Das Bauernlegen in Mecklenburg: Eine Untersuchung zur Geschichte der Bauernschaft und der zweiten Leibeigenschaft in Mecklenburg bis zum Beginn des 19.Jh.- Berlin: Ritten und Loening, 1954.- 196 S.
125. Olechnowitz K.F. Der Schiffbau der hansischen Spätzeit: Eine Untersuchung zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse // AHSG.- 1960.- Bd.3.- 210 S.
126. Olechnowitz K.F. Zum Schiffbau Lübecks im 16. und 17.Jahrhundert // Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte.-

- Berlin: Akademie - Verlag, 1961.- Bd.8.- S. 311-321.
127. Penners F. Fragen der Zuwanderung zu den Hansestädten des späten Mittelalters // HGOll.- 1965.- 83.- S. 12-45.
128. Pitz E. Steigende und fallende Tendenzen in Politik und Wirtschaftsleben der Hanse im 16.Jh. // HGOll.- 1984.- 102.- S. 39-77.
129. Plagemann J.O. Kleines Handbuch der mecklenburgischen Geschichte.- Rostock: Adlers Erben, 1809.- 428 S.
130. Raisey E. Städtische Territorialpolitik im Mittelalter: Eine vergleichende Untersuchung ihrer verschiedenen Formen am Beispiel Lübecks und Zürichs.- Diss.Hamburg, 1969.
- 164 S.
131. Reincke H. Bevölkerungsprobleme der Hansestädte // HGOll.- 1951.- 70.- S. 1-33.
132. Richter G. Die ernestinischen Landesordnungen und ihre Vorläufer von 1446 und 1482 // MdF.- 1964.- 34.- 135 S.
133. Rietschel S. Die Städtepolitik Heinrichs des Löwen // Altstädtisches Bürgertum.- Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978.- Bd.1: Herrschaft und Gemeindefassung.- S. 1-38.
134. Rische A. Geschichte Mecklenburgs vom Tode Heinrich Borwins I bis zum Anfang des 16.Jh. (Die Hansa) // Mecklenburgische Geschichte in Einzelndarstellungen.- Berlin: Wilhelm Süsserott, 1901.- H.4.- 139 S.
135. Rittmann H. Auf Heller und Pfennig/ Die faszinierende Geschichte des Geldes und der wirtschaftlichen Entwick-

- lung in Deutschland.- München: Battenberg, 1976.- 132 S.
136. Sauer H. Hansestädte und Landesfürsten // Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte: Neue Folge.- Köln; Wien: Böhlau, 1971.- Bd.16.- 218 S.
137. Scheper B. Frühe bürgerliche Institutionen norddeutscher Hansestädte: Beiträge zu einer Verfassungsgeschichte Lübecks, Bremens, Lüneburgs und Hamburgs im Mittelalter // Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte: Neue Folge.- Köln; Wien: Böhlau, 1975.- Bd.20.- 223 S.
138. Schildhauer J. Das Anwaschen der plebejischen Schicht der Stadtbevölkerung im Ostseegebiet und deren Rolle in der frühbürgerlichen Revolution // Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland.- Berlin: Akademie - Verlag, 1961.- S. 73-80.
139. Schildhauer J. Charakter und Funktion der Städtebünde in der Feudalgesellschaft vornehmlich auf dem Gebiet des Reichs // AHSG.- 1975.- Bd.3: Bürgertrum - Handelskapital - Städtebünde.- S. 149-170.
140. Schildhauer J. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostock und Wismar im ersten Drittel des 16.Jh. // AHSG.- 1959.- Bd.2.- 282 S.
141. Schildhauer J. Die Sozialstruktur der Hansestadt Rostock von 1378 bis 1569 // Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte.- Berlin: Akademie - Verlag, 1961.- Bd.8.- S. 341-353.

142. Schildhauer J. Zur Arbeit der Hansischen Arbeitsgemeinschaft der Historiker - Gesellschaft der DDR 1974.- 1977 // AHSg.- 1979.- Bd.18.- S.9-11.
143. Schildhauer J. Zur Lebensweise und Kultur der hansestädtischen Bevölkerung auf der Grundlage der Stralsunder Bürgertestamente (Auf 14. bis Ende 16.Jh.) // WZ Universität Greifswald. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe.- 1981.- H.1/2.- S. 3-9.
144. Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse.- Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1982.- 5.Aufl. - 252 S.
145. Schnell H. Mecklenburg im Zeitalter der Reformation. 1503-1603 // Mecklenburgische Geschichte in Einzeldarstellungen.- Berlin: Wilhelm Süsserott, 1900.- H.- 289 S.
146. Schnitzler E. Das geistige und religiöse Leben Rostocks am Ausgang des Mittelalters // Historische Studien.- Berlin: Duncker und Humblot, 1940.- H.360.- 130 S.
147. Schnitzler E. Zur hansischen Universitätsgeschichte // Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte.- Berlin: Akademie Verlag, 1961.- Bd.8.- S. 354-387.
148. Schultz H. Hansisches Bürgertum - Landstände - Reichstände // ZfG.- 1983.- H.4.- S. 348-349.
149. Schultz H. Zu Inhalt und Begriff marxistischer Regionalgeschichtsforschung // ZfG.- 1985.- H.10.- S. 875-887.
150. Schultz K.R. Mecklenburgische Dorfchronik: Von der Eisenzeit bis zur Gegenwart: Geschichte, Landwirtschaft, Hei-

mat- und Volkskunde eines Dorfes im Wandel der Zeit.-
 Berlin: Deutscher Bauernverlag, 1957.- 124 S.

151. Sprandel R. Neue Forschungen über Vermögensverhältnisse in
 hansischen Städten // Veröffentlichungen des Instituts für
 vergleichende Städtegeschichte.- Köln; Wien: Böhlau, 1979.
 - Bd. 7: Voraussetzungen und Methoden Geschichtlicher
 Städte
152. Steinmann P. Bauer und Ritter in Mecklenburg: Wandlungen
 der gutsherrlich - bäuerlichen Verhältnisse im Osten
 Mecklenburgs von 12./13.Jh. bis zur Bodenreform 1945.
 - Schwerin, 1960.- 328 S.
153. Steinmann P. Finanz-, Verwaltungs-, Wirtschafts- und
 Regierungspolitik der mecklenburgischen Herzöge im Über-
 gang vom Mittelalter zur Neuzeit // MJoo.- 1922.- 86.-
 -S. 91-132.
154. Steinmann P. Geschichte der mecklenburgischen Landessteuern
 und der Landesstände bis zu der Neuordnung des Jahres
 1515 // MZbb.- 1924.- 88.- S. 1-58.
155. Steinmetz M. Deutschland von 1476 bis 1648: Von der früh-
 bürgerlichen Revolution bis zum Westfälischen Frieden:
 Lehrbuch der deutschen Geschichte, Beiträge.- Berlin: VEB
 Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1963.- 427 S.
156. Vetter K. Bürgertum und Feudalstaat/ 19.Jahrestag der Han-
 sischen Arbeitsgemeinschaft der Historiker - Gesellschaft
 der DDR vom 22. bis 24.Oktober 1974 in Cottbus // ZfG.
 - 1975.- H.2.- S. 203-204.

157. Vittense O. Geschichte von Mecklenburg // Allgemeine Staatengeschichte.- Gotha: Friedrich Andreas Perthes A.-G., 1920.- Abt.3: Deutsche Landesgeschichte.- 610 S.
158. Vogler G. Bürgertum und Staatsgewalt in der Epoche des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus: Zum Verhältnis von Ständen und absolutischer Herrschaftsform in Staaten des hansischen Raumes // Jb für Geschichte des Feudalismus.- Berlin: Akademie - Verlag, 1977.- Bd.1.
159. Weissbach J. Staat und Kirche in Mecklenburg in den letzten Jahrzehnten vor der Reformation // MJbb.- 1910.- Sonderband.- 102 S.
160. Wernicke H. Auseinandersetzungen der Städtehanse und der hansischen Städtemitglieder mit der feudaladligen Umwelt: Stufen einer Klassenauseinandersetzung // WZ Universität Greifswald Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe.- 1981.- H.1/2.- S. 21-28.
161. Westphal H. Die Verhältnisse der wendischen Hansestädte untereinander, zu den Landesherren, zu Hansa.- Greifswald: Adler, 1911.- 81 S.
162. Wick P. Versuche zur Errichtung des Absolutismus in Mecklenburg: Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Territorialabsolutismus.- Berlin: Akademie - Verlag, 1964.- 274 S.
163. Wiegand R. Zur sozialökonomischen Struktur Rostocks im 14. und 15.Jh. // Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte.- Berlin: Akademie - Verlag, 1961.- Bd.8.- - S. 409-421.

164. Wiggers J. Kirchengeschichte Mecklenburgs.- Parchim;
Ludwigslust: Hinstorff, 1840.- 247 S.
165. Zemzaris J. Mārs un svars Latvijā: 13.-19.gs.- Rīga:
Zinātne, 1981.- 267 lpp.

СОКРАЩЕНИЯ

- ВИ** - Вопросы истории.- М.: Правда, 1945-
НИИ - Новая и новейшая история.- М.: Наука, 1957-
СС - Советское славяноведение.- М.: Наука, 1965-
AMSG - Abhandlungen zur Handels - und Sozialgeschichte.
 - Weimar: Böhlau Nachfolger, 1958-
HGoll - Hansische Geschichtsblätter.- Köln; Wien:
 Böhlau, 1872-
JJ - Jahrbuch
JbRG - Jahrbuch für Regionalgeschichte.- Weimar:
 Böhlau Nachfolger, 1965-
JbWG - Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte.- Berlin:
 Akademie - Verlag, 1960-
MdP - Mitteldeutsche Forschungen.- Köln; Wien (Graz):
 Böhlau, 1954-
MJbb - Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische
 Geschichte und Altertumskunde.- Schwerin:
 Bävensprung, 1836-
VSWG - Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschafts-
 geschichte.- Wiesbaden: Steiner, 1962-
WaG - Welt als Geschichte.- Stuttgart: Kohlhammer,
 1955-
WZ - Wissenschaftliche Zeitschrift
ZfG - Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.- Berlin:
 Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1955-

- ZHP** - Zeitschrift für Historische Forschung.- Berlin:
Duncker und Humblot, 1974-
- ZRG** - Zeitschrift für Rechtgeschichte.- Weimar:
Böhlhaus Nachfolger, 1862-